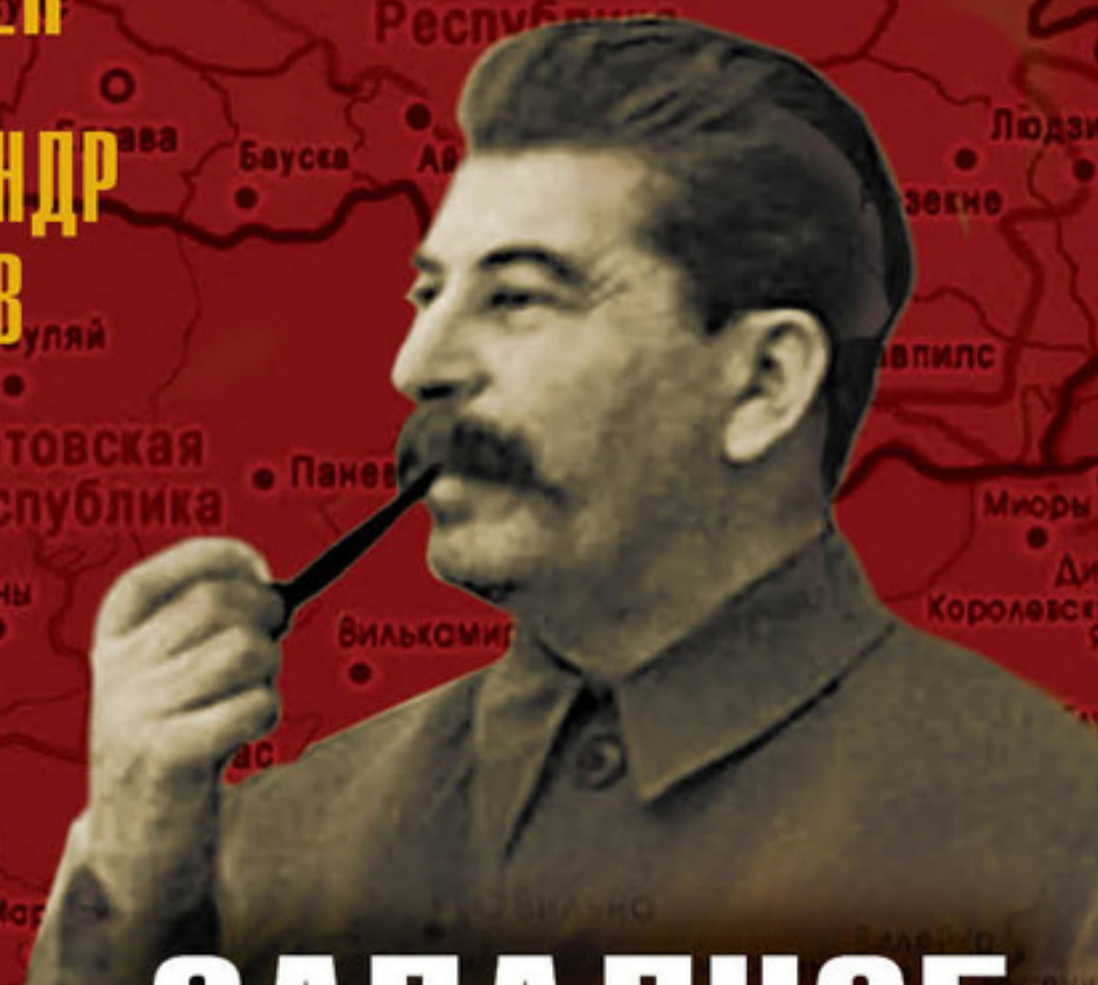

ОЛЕГ КЕН

**АЛЕКСАНДР
РУПАСОВ**

ЗАПАДНОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ

**ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(Б)
И ОТНОШЕНИЯ СССР С ЗАПАДНЫМИ
СОСЕДНИМИ ГОСУДАРСТВАМИ,
1928 - 1934**

Александр Рупасов

**Западное приграничье.
Политбюро ЦК ВКП(б)
и отношения СССР с
западными соседними
государствами, 1928–1934**

«Алисторус»

2014

УДК 323
ББК 63.3(2)

Рупасов А. И.

Западное приграничье. Политбюро ЦК ВКП(б) и отношения СССР с западными соседними государствами, 1928–1934 / А. И. Рупасов — «Алисторус», 2014

История Советского Союза – во многом история восстановления, расширения и удержания статуса мировой державы. Неудивительно, поэтому, что специалисты по внешней политике СССР сосредоточивали свое главное внимание на его взаимодействии с великими державами, тогда как изучение советской межвоенной политики в отношении «малых» восточноевропейских государств оказалось на периферии исследовательских интересов. В наше время Москва вновь оказалась перед проблемой выстраивания взаимоотношений со своими западными соседями. Трудность осмысления сегодняшних проблем Восточно-Центральной Европы сочетается со сравнительной бедностью комплексного анализа истории взаимоотношений между СССР и его западными соседями. Существовала ли у руководства СССР целенаправленная политика в отношении западных соседей? Как формировалась советская «внешняя политика»? Как строился процесс принятия решений и насколько существенные перемены в нем произошли со вступлением СССР в «сталинскую эпоху»? Эти проблемы, многие из которых на протяжении более полувека будоражили сознание современников и историков межвоенной эпохи, государственных деятелей и политических аналитиков, находились в фокусе внимания авторов предлагаемой книги – известных российских историков Олега Кена и Александра Рупасова.

УДК 323
ББК 63.3(2)

© Рупасов А. И., 2014

© Алисторус, 2014

Содержание

Предисловие	7
Раздел 1	50
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Олег Кен и Александр Рупасов
Западное приграничье. Политбюро ЦК
ВКП(б) и отношения СССР с западными
соседними государствами, 1928–1934 гг.

Издание второе: исправленное, дополненное

Рецензенты

Заместитель директора Санкт-Петербургского института истории РАН д.и.н. Александр Николаевич Чистиков

Заместитель директора Института истории, языка и литературы Карельского научного центра РАН д.и.н. Ольга Павловна Илюха

Предисловие

Последнее десятилетие положило начало исследованию деятельности Политбюро ЦК ВКП(б), являвшегося средоточием небывалой власти. Пало многоярусное табу («секретно», «строго секретно», «совершенно секретно», «особая папка», «хранить на правах шифра» и главное из заклинаний – неформальное «только для членов партии»), некогда наложенное Политбюро на всякий живой интерес к его «трудам и дням», и контуры этого загадочного феномена прояснились. Из тумана выступили общие очертания¹, началось детальное исследование механизма функционирования и политической роли довоенного, в особенности сталинского, Политбюро². За открытием доступа к некоторым архивным коллекциям Политбюро последовали первые научные публикации его документов³.

Бесспорно, обращение к россыпям материалов Политбюро позволило приблизиться к научно обоснованному ответу на многие поставленные ранней историографией вопросы об обстоятельствах и механизмах политической эволюции СССР. Не менее важно, что новые источники позволили начать формулирование новых задач исторического исследования. Появилась возможность исследования международной политики СССР через призму деятельности Политбюро 1920-х – 1930-х гг. Одним из первых заметных шагов в этом направлении явилась публикация постановлений Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросам советско-польских отношений⁴. Авторским коллективом (Г.М. Адиебеков, М.М. Наринский, О.В. Хлевнюк и др.) завершена подготовка давно ожидаемой работы о решениях Политбюро, определявших политику СССР в отношении европейских держав в 1923–1934 гг.

Предлагаемая работа представляет собой попытку расширить пространство исследования как деятельности Политбюро, так и советской внешней политики. Ее составной частью и отправным пунктом является публикация новой серии документов Политбюро. Из протоколов Политбюро (как «обычных», так и отнесенных к категории «особая папка») нами были выделены и тематически сгруппированы постановления, посвященные различным проблемам взаимоотношений СССР с западными соседними государствами. Представление постановлений – фрагментов протоколов Политбюро ЦК ВКП(б) – предваряется их описанием и обсуждением специфики этих протоколов как исторического источника. Во вступительной статье подвергнуты анализу своеобразные черты протоколов Политбюро ЦК ВКП(б), намечены подходы к тому, как «разговорить» этот то обескураживающее лаконичный, то страдающий банальным многословием источник, обнаружить, за набором клишированных текстов, участников подготовки и существо принимавшихся решений, понять, какие реальные обстоятельства скрываются за термином «решение Политбюро». Эта часть работы опирается как на достижения российских историков, так и на собственный исследовательский опыт и разыскания авторов.

Основная часть книги отведена комментариям, отражающим попытки реконструкции различных аспектов каждого из публикуемых постановлений Политбюро. Функциональная модель такой реконструкции включает установление событий и действий, приведших к вне-

¹ John Löwenhardt, James R. Ozing, Erik van Ree. The rise and fall of the Soviet Politburo L., 1992.

² О.В. Хлевнюк. Политбюро: механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996.

³ О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л. П. Кошелев, Л. А. Роговая (сост.). Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995. Подборки документов Политбюро, появившиеся в последние годы в «Вестнике архива Президента Российской Федерации» («Источник»), обладают необходимыми признаками научной публикации. Однако оценить степень беспристрастности и полноты при отборе этих материалов затруднительно, поскольку они находятся в закрытых для независимого исследования архивных фондах. По очевидным причинам мы не упоминаем также исследования и публикации документов о деятельности Политбюро, не относящиеся к межвоенному двадцатилетию.

⁴ И.И. Костюшко (ред.). Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997.

сению данного вопроса на рассмотрение Политбюро; определение мотивов инициаторов принятого решения и самого Политбюро; выявление того, что в каждом конкретном случае стояло за понятием «Политбюро» (большинство членов этого органа, группа руководителей или один из секретарей ЦК ВКП(б); обрисовка существа принятого решения в контексте двусторонних отношений и европейской политики СССР; наконец, как осуществлялось и к каким последствиям для Советского Союза и его международных связей привело рассматриваемое решение Политбюро. Выполнение этой исследовательской «программы-максимум» осложнялось несколькими обстоятельствами, совокупное действие которых побудило нас назвать полученный результат «опытом комментария». Главным из них являлось то, что, как и прежде, «разорванность архивов Политбюро, закрытость значительной их части создают для историков многочисленные трудности, а нередко непреодолимые препятствия»⁵. Эта печальная констатация не утратила своей актуальности, что, пожалуй, особенно ощутимо при обращении к внешнеполитическим аспектам деятельности Политбюро, изначально отнесенной к разряду особо секретных материй. Эти зияющие информационные пробелы авторы стремились восполнить путем использования документации других партийных инстанций и государственных ведомств СССР, зарубежных архивов. В наибольшей степени эти усилия были вознаграждены при обращении к материалам наркомата по иностранным делам; архивные учреждения, хранящие материалы не только подразделений ОГПУ (погранохрана, разведка и контрразведка), но и наркомата внешней торговли, оказались для нас закрыты. Общая характеристика использованных нами архивных источников содержится во вводных замечаниях. В тех нередких случаях, когда анализируемое решение Политбюро не находило внятного отражения в доступных материалах или оказывалась явно недостаточной наша профессиональная эрудиция, комментарии составлялись в урезанной форме (или вовсе не составлялись) – с надеждой, что новые обстоятельства и усилия коллег позволят в будущем преодолеть неполноценность предложенных трактовок. Оказываясь перед выбором – очевидная скудость комментария или неполнота публикуемых документов, мы неизменно отдавали предпочтение первому варианту. В представленной выборке из протоколов Политбюро воспроизводятся все выявленные постановления этого органа по проблемам взаимоотношений СССР с его западными соседями – Финляндией, Эстонией, Латвией, Литвой, Польшей, Чехословакией и Румынией. Те решения высшей партийной инстанции, которые, на наш взгляд, не имели самостоятельного значения либо лишь косвенно затрагивали обозначенную в заглавии тему, были помещены (изложены) в тексте комментария, а также во вступительных статьях к разделам. Первый и наиболее объемный из них посвящен постановлениям о государственных отношениях СССР с названными странами – дипломатических, экономических, культурных. Вторую проблемно-тематическую группу образуют документы о деятельности коммунистических и советских общественных организаций в западных соседних государствах, тогда как в третьем разделе собраны основные материалы о международных аспектах политики Москвы в пограничных районах и республиках СССР, а также по отношению к национальным меньшинствам (преимущественно польскому). Два последних раздела образуют постановления и комментарии о механизме подготовки, принятия и осуществления внешнеполитических решений и о кадровых перемещениях советских дипломатических (в том числе торговых и военных) представителей в соседних западных странах.

Установка на полноту публикации материалов Политбюро по проблеме отношений с западными соседями СССР и возможно детальное объяснение каждого постановления, сколь бы малозначительным оно ни представлялось, вызвана как потребностями адекватного изучения деятельности высшей властной структуры, так и второй основной задачей исследования

⁵ О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С. 11.

– раскрытия механизмов рождения внешнеполитических решений, их воздействия на взаимосвязь СССР с внешним миром.

Научное понимание внешней политики России и СССР остается актуальной междисциплинарной проблемой. В то время, как наиболее важные исторические исследования советской внешней политики опирались на реконструкцию основных узлов международных отношений («external context»)⁶, главные политологические усилия по ее теоретическому осмыслению были ориентированы на изучение «domestic context», построение системы внутренних детерминант внешней политики СССР⁷. Предлагаемая работа не является традиционным историческим сочинением или исследованием в одной из специальных областей международных отношений. Она была задумана как способ углубить наше понимание истоков современных политических процессов – задача, родственная обеим этим областям. Характеризуя внешнеполитические обстоятельства и дилеммы, ставшие предметом постановлений Политбюро, мы стремились с возможной полнотой представить мотивации и процедуры принятия решения, а в некоторых случаях – и реконструировать связи между международными акциями Москвы и явлениями и тенденциями, традиционно относящимися к внутренней политике государства. С другой стороны, «самосознание» советской внешней политики, восприятие большевистской элитой международных процессов мы, насколько это позволяли наши возможности, стремились сопоставить с подходом к этим вопросам со стороны партнеров Москвы, опереться на дополнительные источники – информацию, которой располагали дипломаты, разведчики и журналисты третьих стран.

История Советского Союза – во многом история восстановления, расширения и удержания статуса великой мировой державы. Неудивительно, поэтому, что специалисты по внешней политике СССР сосредоточивали свое главное внимание на его взаимодействии с великими державами, тогда как изучение советской политики в отношении «малых» восточноевропейских государств 20–30-х гг. оказалось на периферии исследовательских интересов. Последующее включение этих государств в состав республик или сателлитов СССР приносило значимость «предыстории» советского блока. В сочетании с господством «реалистической» парадигмы в понимании международных отношений, эти обстоятельства исключали государства Восточной Европы из числа значимых факторов довоенной политики СССР. Распад Варшавского блока и СССР возвратили Восточную Европу к неопределенности и плюрализму международных отношений межвоенного периода. На ее карте появились новые, в том числе ранее никогда не существовавшие, государства; как и в начале 20-х гг. Москва неожиданно оказалась перед проблемой выстраивания взаимоотношений со своими западными соседями (включая поиск ответа на старый вопрос – являются ли те «настоящими» западными странами⁸), а они – перед задачами внешнеполитической самоидентификации и устойчивого развития. Трудность осмысления сегодняшних проблем Восточно-Центральной Европы сочетается со сравнительной бедностью комплексного анализа взаимоотношений между СССР и его европейскими соседями в 20–30-е гг., составлявшими с точки зрения советского руководства некую общность – «санитарный кордон», отделяющий СССР от остальной капиталистической Европы, «буфер» между двумя полюсами основных мировых сил или «плацдарм» для агрессии

⁶ Применительно к межвоенному периоду это особенно характерно для получивших широкое признание работ Дж. Хаслама (Jonathan Haslam. *Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of depression*. L., 1983; idem. *The Soviet Union and the struggle for collective security in Europe, 1933–1939*. L., 1984; idem. *The Soviet Union and the threat from the East, 1933–41: Moscow, Tokio and the prelude to the Pacific War*. Pittsburgh, 1992). Признание внешних обстоятельств исходным пунктом исследования свойственно также советской историографии (за частичным исключением историко-партийной литературы), поскольку ее бессознательной предпосылкой было признание вечности, а следовательно, сущностной неизменности существующей власти.

⁷ См.: David Holloway. *The state of field: Soviet foreign policy*//Daniel Orlovsky (ed.). *Beyond Soviet studies*. Wash., 1995. P. 269–285; Christer Pursiainen. *Beyond Sovietology: International relations theory and the study of Soviet/Russian foreign and security policy*. Helsinki, 1998. P. 84–97.

⁸ Письмо А.С. Черныха Я.С. Ганецкому, 20.4.1922. – АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 2. Л. 19.

против СССР (в конце рассматриваемой исторической эпохи превратившийся в плацдарм для советского продвижения в Центральную Европу и создания там сферы советского контроля). Все из рассматриваемых в предлагаемой работе государств (за исключением Чехословакии) в недавнем прошлом образовывали часть Российской империи (страны Балтии и Польша) или включили часть ее территории в свой состав (Румыния). Эстония и Латвия впервые утвердили свое государственное существование. Многонациональные Польша и Румыния, даже по очертанию своих географических границ, мало чем напоминали Первую Республику (будь то эпоха ее расцвета или конца XVIII в.) и довоенное Румынское королевство. Независимая полиэтничная Литва возродилась как национальное государство. Если отношения СССР с большинством других стран опирались на старый каркас договорных отношений и хозяйственных связей с наложенной на них тканью дипломатических и культурных традиций, то в Восточной Европе инфраструктура политических и экономических связей рождалась одновременно с выстраиванием политических комбинаций и определением своего места в них. СССР и другие новые государства, пережив радостное изумление по поводу своего появления на свет, быстро ощутили неуютность существования в новых границах, определившихся под влиянием военного и дипломатического случая, иллюзорных политических расчетов, временной беспомощности или неприкрытого насилия. Как в Восточной, так и в Западной Европе было широко распространено неверие в способность трех малых балтийских государств сохранить свою независимость после того, как Советская Россия преодолет послевоенную немощь⁹. Чехословакия Масарика и Польша Пилсудского рассматривали друг друга как «Saisonstaaten». С середины 30-х гг. в политических кругах соседних с СССР государств (за исключением Польши) росли ожидания, которые У. Буллит уподобил настроениям в Афинах, Спарте и Коринфе, следившими за военными приготовлениями Филиппа Македонского¹⁰.

Существовала ли у руководства СССР целенаправленная политика в отношении их западных соседей, или поведение Советского Союза являлось преимущественно следствием меняющихся международных комбинаций, образовывало совокупность ситуативных ответов на возникающие внешние вызовы? Являлись ли, следовательно, перемены в подходе СССР развитием или эволюцией изначальных установок или эту динамику формировало преимущественно изменение международной конъюнктуры? Какую роль в состоянии и трансформации сношений СССР с соседними государствами играли соображения внутривосточного плана (от чисто хозяйственных до вызванных борьбой течений в ВКП(б))?

Вторая группа возникающих вопросов связана с тем, какое место занимали соседние государства в контексте международной деятельности СССР, его отношений с великими европейскими государствами. Существовала ли осознанная или функциональная корреляция между советской политикой на Северо-Западном и Юго-Западном направлении (в отношении стран Балтии и Малой Антанты)? Какую роль в ее определении и осуществлении играла озабоченность Москвы взаимоотношениями с занимавшей центральное положение Польшей? Являлись ли перемены в отношениях СССР с этими странами в конце 20-х – первой половине 30-х гг. функцией образования сгустков напряжения – «очагов войны» на Востоке и Западе, или же воздействие каждого из них носило более опосредованный и сложный характер?

Наконец, как формировалась советская «внешняя политика» и какова была ее внутренняя структура, включая военно-политические, торгово-экономические, идеологические составляющие. В какой степени при решении международных проблем высшее политическое руководство следовало рекомендациям уполномоченных органов – дипломатических, внешне-торговых, военных и других, и каковы были процедуры межведомственного согласования раз-

⁹ См., например: К.А. А.С. Yrjö-Koskisen kokoelma. Kansio 6. H.J.Procopen Pro Memoria; Ibid. Kansio 3. H.Holma Yrjö-Koskiselle, 15.5.1927.

¹⁰ W.C. Bullitt to the Secretary of State, desp., Moscow, 19.7.1935. – NASD:761.00/2609.

личных интересов? Как отразились в международных действиях центральных властей запросы и давление руководителей республиканских и местных органов, партикулярные интересы и унификаторские тенденции? Как строился процесс принятия решений и насколько существенные перемены в нем произошли со вступлением СССР в «сталинскую эпоху»?

Эти проблемы, многие из которых на протяжении более полувека будоражили сознание современников и историков межвоенной эпохи, государственных деятелей и политических аналитиков, находились в фокусе внимания авторов предлагаемой книги. Читатель не найдет в ней окончательных, тем более однозначных ответов – уже хотя бы потому, что массив использованной документации образует малую толику материалов, необходимых для убедительного, всесторонне выверенного заключения. В обобщенном виде свое видение ключевых проблем советской внешней политики и отношений СССР с западными соседними государствами авторы пытались сформулировать в специальных статьях, предваряющих каждый из пяти тематических разделов книги и основанных, наряду с собственными разысканиями, на обширной и разноликой исторической литературе.

Мы надеемся, что материалы книги – будь то проблемное изложение, публикуемые документы или конкретные комментарии к решениям советского Политбюро – будут способствовать исследованию истории СССР и Восточно-Центральной Европы и размышлениям о новом «великом перемещенье сроков», малой частью которого нам выпало быть.

Основные комплексы документов (*краткие пояснения*)

Использованные копии протоколов Политбюро представляют собой микрофильмы машинописного текста, заверенного факсимиле Секретаря ЦК ВКП(б) (как правило, И.В. Сталина, в период его отсутствия – Л.М. Кагановича либо В.М. Молотова). Отдельные протоколы не заверены. Все протоколы снабжены порядковым номером (данного созыва) с указанием точной даты заседания Политбюро. Постановления, принятые Политбюро вне рамок заседания и после подписания предыдущего протокола, включены в протокол после воспроизведения решений, принятых на заседании, и приводятся в хронологической последовательности под рубриками «Решения Политбюро» и «Опросом членов Политбюро» с указанием даты. В отдельных случаях дата принятия постановления опросом включает два дня. Каждое постановление имеет порядковый номер и название, как правило, с указанием докладчика (докладчиков) на Политбюро, автора представленной в Политбюро записки данного вопроса либо инициатора возбуждения данного вопроса. В том случае, если в повестку дня был включен вопрос, решение по которому (или по отдельным его аспектам) принималось ранее Организационным бюро и Секретариатом ЦК ВКП(б) либо самим Политбюро, в протокол вносилось указание на номер и дату соответствующего протокола и порядковый номер постановления. Подобных точных сведений о предшествующем рассмотрении поднятого вопроса комиссиями Политбюро, республиканскими и местными партийными организациями либо центральными государственными органами в протоколах Политбюро не приводится. Большинство протоколов снабжены «Приложениями», каждое из которых имеет собственный порядковый номер и отсылку к соответствующему постановлению. Приложение состояло из проекта развернутого постановления, внесенного Политбюро и одобренного им полностью или «в основном». Доклады, представляемые в Политбюро записки, а также проекты отвергнутых им решений в изученной версии протоколов Политбюро отсутствуют. Небольшая их часть (в том числе, по некоторым внешнеполитическим вопросам), а также отдельные листы голосования опросом, проекты постановлений с внесенной в них правкой представлены в оригиналах протоколов Политбюро, составляющих дела отдельной описи¹¹. Иные сопроводительные и делопроизвод-

¹¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163.

ственные материалы к постановлениям и их оригиналы хранятся в Архиве Президента РФ и не могли быть использованы в настоящей работе.

В протоколах Политбюро с грифом «строго секретно» часть вопросов повестки дня приведена без текста принятого постановления с указанием «Решение – особая папка», что означало отнесение этого решения к категории «совершенно секретно». Принятые на заседании и в период между заседаниями Политбюро «совершенно секретные» решения оформлялись в отдельный «особый протокол». Большинство «особых протоколов» Политбюро XIII – XV созывов имеет, наряду с общим, дополнительный порядковый номер, в 30-е гг. эта делопроизводственная практика прекратилась, поскольку фактически на каждом заседании Политбюро рассматривались вопросы, относимые к категории «особая папка». «Особый протокол» не включал в себя ссылок на иные («строго секретные») решения и записи о присутствующих на заседании (см. ниже), в остальном не отличаясь от обычных («строго секретных») протоколов Политбюро.

В начальной части «строго секретных» протоколов Политбюро приведены сведения о присутствующих на заседании членах и кандидатах в члены Политбюро, членах и кандидатах в члены ЦК ВКП(б), членах Президиума ЦКК, а также представителей заинтересованных ведомств. Вместе с тем эти приводимые в протоколах данные носят заведомо односторонний характер, поскольку неизвестно, присутствовал ли упомянутый в протоколе партийный или государственный деятель при обсуждении конкретного внешнеполитического вопроса, включенного в его повестку дня, или же его участие в заседании носило более ограниченный характер. Соответствующая протокольная запись по существу позволяет лишь утверждать, что то или иное лицо отсутствовало на интересующем нас заседании Политбюро, так как оно не было включено в перечень присутствующих. В своих комментариях авторы учитывали эти данные (как и содержащиеся в протоколах Политбюро сведения о пребывании его членов в отпусках или длительных командировках), однако сочли излишним расширять общий объем предлагаемой работы за счет введения в его документальную часть списков присутствующих на заседаниях Политбюро. Такой подход представляется тем более оправданным, что большинство рассматриваемых решений было принято вне заседания Политбюро (путем «опроса», либо «решения»). К тому же полные списки присутствующих на заседаниях Политбюро членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК ВКП(б), ЦК и ЦКК ВКП(б) за 1930–1940 гг., почерпнутые из протоколов Политбюро, приведены в сборнике документов «Сталинское Политбюро в 30-е годы»¹².

Фрагменты из машинописных копий протоколов Политбюро (номер и название постановления с указанием докладчика либо органа, вносящего проект решения, текст постановления, указание на направление выписки) приводятся в точном соответствии с использованным документом, включая сохранение орфографии (в том числе при передаче фамилий, политико-географических названий), пунктуации и особенностей оформления (подчеркивание, используемые сокращения). На протяжении 20-х гг. оформление постановлений Политбюро в беловых экземплярах (машинописных копиях) протоколов прошло несколько стадий с небольшим варьированием в рамках каждой из них. В 1928 г. в делопроизводстве Политбюро отказались от традиционных подзаголовков «Слушали» (с указанием пункта повестки дня и докладчиков) и «Постановили» (с изложением решения). При этом в протоколах конца 1928 – начале 1929 г. сохранялось характерное для предшествующей системы фиксации разделение на два столбца основных элементов – пункта повестки дня и собственно текста постановления. С весны 1929 г. структура протокола обрела окончательную форму сплошного изложения

¹² Хроника заседаний Политбюро//О.В. Хлевнюк, А.В. Квашонкин, Л. П. Кошелева, Л. А. Роговая (сост.). Сталинское Политбюро в 30-е годы. М., 1995. С. 183–255. Частично материалы о присутствующих на заседаниях Политбюро при обсуждении отношений СССР с Польшей опубликованы также И.И. Костюшко (И.И. Костюшко (ред.). Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 гг. М., 1997.)

с абзацными отступами при фиксации каждого элемента, акцентированной подчеркиванием названия пункта повестки дня и формулы «выписки(а) посланы(а)¹³». В результате тематическое название пункта окончательно обрело функцию названия постановления Политбюро. Поскольку эти различия лишены содержательного характера, при публикации фрагментов протоколов Политбюро конца 1928 – начала 1929 г. деление на столбцы не воспроизводится.

При оформлении машинописных копий протоколов заголовков постановления (название пункта повестки дня) и указание на лица или органы, внесшие вопрос на рассмотрение Политбюро, как правило, давались в одну строку (без абзацного разделения), в некоторых случаях в две, еще реже фамилии авторов инициативных документов перечислялись в столбик (по одной в строке). Аналогичное различие наблюдается в «особых» протоколах при оформлении перечня лиц, внесших представление в Политбюро или которым «выписки посланы»: перечисление давалось столбцом либо в один абзац через запятую. При воспроизведении в тексте соответствующих фрагментов протоколов Политбюро эти особенности не учтены; как и в большинстве изученных копий, имена лиц и названия учреждений даны в том же абзаце, что и пункт постановления, адресаты выписок перечислены в строку через запятую¹⁴.

Комментарии к решениям Политбюро основаны на привлечении материалов самого Политбюро и переписки его членов (Сталина, Ворошилова, Кагановича), Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), органов ЦКК ВКП(б), а также центральных органов исполнительной власти – наркомата по иностранным делам, наркомата торговли (с 1930 г. – внешней торговли), наркомата по военным и морским делам (с 1934 г. – наркомата обороны) и Штаба РККА и отдельных документах других ведомств (наркомата рабоче-крестьянской инспекции, ОГПУ (с 1934 г. – НКВД), наркомат путей сообщения и др.). Большую часть из них составляют документы НКВД СССР, хранящиеся в Архиве внешней политики Историко-документального департамента МИД РФ, а также отложившиеся в фондах высших партийных органов в РГАСПИ. Корпус этих материалов складывается из следующих групп.

– Записки и доклады наркома НКВД и членов Коллегии НКВД, направленные в Политбюро ЦК ВКП(б) («сессию», или «инстанцию», согласно терминологии, принятой в дипломатической переписке). Большинство использованных исходящих документов НКВД представляют собой незаверенную машинописную копию с делопроизводственными (в некоторых случаях – и с содержательными) пометами. Представленные в Политбюро записки с 1930 г. были адресованы Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) И.В. Сталину либо Секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу, в отдельных случаях – Секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву. Несмотря на то, что в некоторых случаях Секретарь ЦК ВКП(б) В.М. Молотов председательствовал на заседаниях Политбюро и подписывал соответствующие протоколы, адресованных ему записок и докладов НКВД выявить не удалось. Как правило, обращение к Секретарю ЦК ВКП(б), в тот момент руководившему работой Политбюро, сопровождалось указанием «Копии – членам Политбюро» либо «копии тт. Молотову и Ворошилову», «копии т. Кагановичу и Молотову» и т. д. (соответствующее указание в заголовке записки приводится в примечаниях к цитируемому документу).

¹³ «Особые» протоколы Политбюро включают указания на лиц, являвшиеся получателями выписок с текстом решения Политбюро. В действительности официальной рассылке подлежали и выписки из «строго секретных» («обычных») протоколов, но при этом их адресаты в беловом протоколе не указывались. Получателями выписок из «особых» протоколов являлись также партийные органы (например, ЦК КП(б)У, Ленобком и т. д.); случаев направления «безличных» выписок в советские органы власти и учреждения (ЦИК СССР, НКВД и др.) не выявлено. Выписки из протоколов ПБ по решениям принятым по инициативе Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), подшивались к соответствующим протоколам этих органов (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113, 114). Выписки заверялись факсимиле Секретаря ЦК ВКП(б), подписавшего протокол Политбюро. О системе выписок подробнее см. вводную статью «Протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) как исторический источник по проблемам формирования и проведения советской внешней политики конца 1920—1930-х гг.».

¹⁴ Об этих и других особенностях делопроизводства Политбюро ЦК ВКП(б) применительно к началу 20-х гг. см.: Н.Н. Покровский. Источниковедение советского периода. Документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг. // Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996.

– Запросы членов Коллегии НКВД и руководителей Отделов НКВД в ОГПУ (с 1934 г. – НКВД) СССР («ближним соседям») и НКВМ (НКО) СССР (точнее, в подчиненное ему IV (Информационно-статистическое) Управление Штаба РККА – «дальним соседям»), а также руководителям иных высших органов управления (ВСНХ, НКВТ, НКФ, НКЛес, Госбанк СССР и т. д.). В тех случаях, когда предлагаемое НКВД решение непосредственно затрагивало интересы другого ведомства, либо было инициировано им, копия записки НКВД в Политбюро ЦК ВКП(б) направлялась руководителю соответствующего наркомата или органа власти.

– Выписки из протоколов заседаний Коллегии НКВД, содержащие постановления по конкретным вопросам взаимоотношений СССР с зарубежными странами. В связи с отсутствием доступа к материалам Коллегии НКВД, ее аутентичные протоколы получить не удалось. В связи с этим, сведения о решениях Коллегии получены из хранящихся в фондах референтур НКВД СССР выписок (в некоторых случаях содержащие секретарские записки об «особом мнении» ее членов по отдельным обсуждавшимся вопросам), а также из дипломатической и ведомственной переписки.

– Политические письма наркома, его заместителей (членов Коллегии), а также заведующих Отделами НКВД полпредам СССР. Наряду с шифрованной телеграфной перепиской (неопубликованные материалы которой использовать в настоящей работе не удалось), эти письма являлись основным каналом передачи указаний как НКВД, так и высших партийно-государственных органов для исполнения полномочными представителями СССР. Согласно распределению обязанностей между руководителями НКВД СССР, курирование 1 Западного отдела (до 1929 г. – Отдела Польши и Прибалтики) возлагалось на Б.С. Стомонякова. Руководство деятельностью 2 Западного отдела (сфера ответственности которого включала отношения СССР с Румынией и Чехословакией) до официального назначения на пост наркома осуществлял М.М. Литвинов, с осени 1930 г. эта функция была передана новому первому заместителю наркома Н.Н. Крестинскому. Большая часть текущих указаний НКВД формулировалась и (или) передавалась полпредам СССР в упомянутых странах Б.С. Стомоняковым и Н.Н. Крестинским, подписывавшими инструктивные письма (проекты писем обычно составлялись в соответствующих Отделах НКВД). В случае отсутствия курирующего отношения с данной страной члена Коллегии, директивные письма полпредствам исходили от другого члена Коллегии. Письма полпреду направлялись и от имени заведующего Отделом, однако, обычно они не были посвящены политическим вопросам. В таких случаях, как правило, письмо обязательно подписывал и один из референтов Отдела. Если отправляемый в полпредство документ подписывался заведующими разных отделов, подписи референтов не требовались. Реже заведующий Отделом подписывал письмо вместо члена Коллегии (например, в случае, когда отправление почты совпадало со срочным вызовом члена Коллегии в Кремль).

– Политические письма, доклады, отчеты, дневники, обзоры печати, справки из полпредств СССР за рубежом. Наряду с наркоматом по иностранным делам, получателями информации из полпредств в некоторых случаях являлись другие союзные наркоматы и партийные органы, а также члены Политбюро ЦК ВКП(б). Эти материалы не только содержат сведения о процессе выполнения постановлений Политбюро и их влиянии на взаимоотношения СССР с зарубежными государствами и международную политику, но и в некоторых случаях являются бесценным источником информации о механизме выработки и мотивах принятия этих решений.

– Личная переписка полпредов и ответственных работников полпредств с руководством НКВД, содержащая конфиденциальную информацию, в том числе об исполнении наиболее деликатных поручений (как политического, так и личного характера). Такого рода письма, как правило, являлись ответами на личные письма представителей руководства НКВД и изготавливались в одном (реже в двух) экземплярах лично отправителем. Полпред был обязан уничтожать подобные письма после прочтения, хранить копии собственных отправок ему также

воспрещалось. Содержащаяся в этих письмах полпредов информация зачастую уникальна и расширяет представления о способах достижения советской дипломатией конкретных внешнеполитических задач.

Для целей настоящего исследования дополнительный интерес представляли сообщения («информации») в НКВД и руководству других союзных наркоматов и хозяйственных органов (в основном экспортно-импортных организаций) о действиях ответственных работников, командированных ими для работы за границей, протоколы (отдельные экземпляры) межведомственных совещаний, созываемых по инициативе НКВД, разнообразные рабочие материалы Отделов и Секретариатов членов Коллегии НКВД СССР.

Незаменимыми источниками, раскрывающими процесс подготовки и осуществления решений высшей советской инстанции, явились коллекции наркомата внешней торговли (РГАЭ), наркомата рабоче-крестьянской инспекции (ГАРФ), управления делами наркомата обороны (РГВА), органов Коммунистического интернационала (РГАСПИ), местных и республиканских органов (ЦГА СПб, ЦГА РК и др.), хотя далеко не всегда нам удавалось преодолеть преграды, порожденные особенностями организации материалов различных советских ведомств и партийных органов, разорванность их фондов между различными архивохранилищами, наконец, продолжающейся обработкой значительной части документальных коллекций.

Протоколы Политбюро ЦК ВКП(б) как исторический источник по проблемам формирования и проведения советской внешней политики конца 1920-х – 1930-х гг.

Он привык внимать словам приказов как особым словам, не похожим на человеческую речь. Они имели не смысл, не значение, а собственную жизнь и власть. Дело было не в том, исполнен приказ или не исполнен. Приказ как-то изменял полки, улицы и людей, даже если его и не исполняли.

Ю. Тынянов

Историкам повезло. Материалы советского Политбюро 20—30-х гг., прежде всего – копии его протоколов, оказались первоклассным историческим источником: многообещающим и вместе с тем скрытым, тусклым и непонятным.

Никаких следов докладов Сталина «о работе стихов» в протоколах Политбюро не обнаружилось. Инициатива обсуждения на Политбюро исходила, как правило, не от его руководителей, а от нижестоящих партийных и государственных органов. За редким исключением предметом решений служили не общие проблемы, а частные вопросы. Совокупность постановлений не являет непосредственному восприятию ни их мотивов, ни системы принятия, а сами резолюции, повествуя о несостоявшейся поездке наркома, ассигновании 200 (или 2) тыс. рублей, целесообразности приезда студенческой делегации и т. д., лишь намеком касаются основных задач и механизмов формирования внешнеполитического курса.

Это обуславливает необходимость рассмотрения некоторых своеобразных черт протоколов Политбюро как исторического источника, способов подготовки и процедур принятия его решений, перспектив изыскания новых документов о внешнеполитической деятельности Политбюро.

I

Отправным пунктом для анализа протоколов Политбюро конца 1920-х – 1930-х гг. может явиться очевидная лаконичность большинства зафиксированных в них решений по внешнеполитическим делам. Как правило, подробные постановления принимались Политбюро при определении инструкций относительно переговорной позиции СССР, либо утверждении предназначенных для последующего обнародования деклараций. (Так, в протоколах Политбюро

можно «обнаружить» утвержденные им тексты интервью Чичерина и Литвинова или «Законы юных пионеров»¹⁵. В тех случаях, когда рассматривалась целесообразность пересмотра отношений с теми или иными странами, тексты постановлений Политбюро обычно приобретали урезанную или сжатую форму¹⁶, в них опускались указания на мотивы и международно-политический эффект, ожидаемый в результате выполнения предписываемых действий. Одной из причин тяготения к краткости являлось стремление обеспечить секретность принимаемых Политбюро решений. Болезненным уроком для высших партийных и государственных органов стало вторжение китайских спецслужб в помещение представительства СССР в Пекине (апрель 1927 г.), приведшее к захвату (и, позднее, обнародованию) секретных материалов НКВД и Коминтерна. По следам этой акции и проведенного в Москве разбирательства Политбюро 5 мая приняло обширное постановление «О пользовании секретными материалами». Оно открывалось напоминанием о «старом испытанном принципе, что секретные дела должны быть известны лишь тем, кому это абсолютно необходимо знать». Порядок пользования материалами высших партийных органов ужесточался. Для протоколов Политбюро и Пленумов ЦК устанавливался «не более, чем 3-дневный срок их возврата», а для выписок из протоколов – семидневный. Выписки из «особой папки» подлежали возврату в 24 часа; впрочем, трем государственным органам (НКВД, НКВМ, ОГПУ), а также ИККИ, являвшимся основными получателями подобного рода документов, разрешалось «оставление этих материалов на более продолжительный срок под личную ответственность руководителя учреждения». Постановление категорически запрещало хранить секретные материалы на правах личных архивов; Секретному отделу ЦК поручалось «затребовать от всех товарищей имеющиеся у них секретные материалы ЦК»¹⁷. Недоверие к сложившейся системе, ощущение недостаточности мер по обеспечению секретности сказалось и в некоторых формулировках Политбюро. Одно из его решений (по вопросу «т. Молотова и Пятницкого»), зафиксированное в «особом», т. е. «совершенно секретном», протоколе, дополнительно помечено «совершенно секретно»¹⁸. Начиная с 1927 г. эвфемизм «инстанция», широко употреблявшийся в переписке НКВД, стал порой применяться в «совершенно секретных» решениях Политбюро (в качестве самоназвания)¹⁹. На протяжении последующих двух-трех лет режим секретности решений ЦК ВКП(б) продолжал совершенствоваться. В апреле 1929 г. вероятно, в связи с началом нового тура внутривнутрипартийной борьбы, Объединенный пленум ЦК и ЦКК принял постановление, которым предписывалось: «Установить специальные меры, – вплоть до исключения из ЦК и из партии, – могущие гарантировать секретность решений ЦК и ПБ ЦК»²⁰. Резолюция пленума вскоре отозвалась

¹⁵ См.: Протокол № 82 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 30.5.1929. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 742. Л. 7.

¹⁶ См., например, решения «О Польше» от 31.1.1929, «О Чехо-Словакии» от 10.5.1931 (раздел 1).

¹⁷ Цит. по: Приложение к постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О конспирации» от 16.5.1929//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 75–77. Своевременность пересмотра режима делопроизводства ЦК ВКП(б) подтвердили обыски, проведенные британской полицией в здании Аркос и торговой делегации СССР в Лондоне в середине мая 1927 г. За этим последовало новое постановление Политбюро «О мерах конспирации», предписавшее «совершенно выделить из состава полпредств и торгпредств представительства ИНО ОГПУ, Разведупра, Коминтерна, Профинтерна и МОПРа», ежедневно менять шифры, «отменить систему широкой информации полпредств через рассылку особых докладов» (Протокол № 106 (особый № 84) закрытого заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 28.5.1927, п. 2. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 5. Л. 24). В сентябре 1927 г. Оргбюро и Политбюро обратили внимание на доклады полпредов в Центр. «Все секретные вопросы» отныне следовало «выделять из обычных текущих докладов» и пересылать в НКВД в одном экземпляре. Практику направления в Наркоминдел «всех обычных докладов в шести экземплярах» было решено сохранить (они, впрочем, снабжались грифом «совершенно секретно») (Протокол № 123 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8.9.1927, п. 26 (опросом). – Там же. Оп. 3. Д. 650. Л. 7.). В начале следующего года Политбюро создало комиссию для индивидуального пересмотра личного состава всех полпредств (Протокол № 7 (особый № 7) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.1.1928, п. 5. – Там же. Оп. 162. Д. 6. Л. 15).

¹⁸ К употреблению этого термина прибежал также Сталин в переписке с Чичериным (см.: Письмо И.В. Сталина Г.В. Чичерину, 31.5.1929. – Там же. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 8).

¹⁹ Если в материалах коллегии НКВД Политбюро фигурировало как «правительство» и «сессия», то во внутренней документации наркомата по военным и морским делам использовался только первый из этих терминов.

²⁰ Это решение было повторено в постановлении от 5 ноября 1930 г. объединенного заседания Политбюро и Президиума

развернутым решением «О конспирации», принятым Секретариатом ЦК ВКП(б) по указанию Политбюро (и утвержденным им). «Институт доверенных по 2-й категории (т. е. получающих секретные документы ЦК без права вскрытия)» ликвидировался, доверенные лица, обладающие правом вскрытия таких документов, оставались только у членов и кандидатов в члены Политбюро, Оргбюро, Секретариата ЦК и членов Президиума ЦКК, выделенных для присутствия на заседаниях Политбюро и Оргбюро²¹.

Несмотря на принятые Политбюро меры, руководящие деятели партии и государства продолжали хранить в своих личных секретариатах постановления Политбюро с грифом «особая папка», возможно, с молчаливого согласия коллег²². Однако на распространение важных решений Политбюро реагировало остро. В декабре 1928 г. «за рассылку по шести адресам архисекретного решения Политбюро ЦК ВКП(б) об Афганистане» заместитель наркома по иностранным делам Карахан получил выговор высшей партийной инстанции²³. По всей вероятности, обычным явлением стала задержка адресатами протоколов Политбюро на срок свыше трех дней. Подтверждая установленный в 1927 г. порядок, Политбюро двумя годами позже распорядилось не посылать следующего протокола до возврата предыдущего, тем самым фактически санкционировав увеличение этого срока вдвое²⁴.

Усиление режима секретности в конце 20-х гг. в значительной мере вдохновлялось решимостью перекрыть каналы утечки сведений о международных акциях Москвы. Об этом свидетельствует принятое в августе 1928 г. постановление «О пакте Келлога» в связи с предложением исполняющего обязанности наркома по иностранным делам дать интервью об отношении СССР к Парижскому договору. «Никаких письменных документов по этому вопросу не допускать, – гласила вторая часть решения Политбюро. – Подготовка решения этого вопроса должна быть максимально конспиративна»²⁵. «Решение Политбюро», принятое двумя годами позже по докладу А.И. Микояна («О Германии»), повторяло ту же мысль: «Установить, как правило, по секретным вопросам никакой переписки не вести»²⁶. В соответствии с пафосом постановления, запись в протоколе оставляла неясным, относилась ли эта директива к переписке московских ведомств и их агентств в Германии, других странах или распространялась на ведение делопроизводства в центральных государственных и партийных органах.

В этих постановлениях коллективный разум Политбюро как будто нащупывал наиболее радикальное решение – вести важные международные дела на основе непосредственных устных указаний для обеспечения максимальной гарантии сохранения секретности. Эта установка, органично соединившая традиции военизированной конспирации с безусловным авторитетом диктатора, эффективно использовалась Ю. Пилсудским на всем протяжении его пребывания у власти. Однако принцип коллегиальности высшего партийного руководства и

ЦКК 4 ноября 1930 г. по делу группы Сырцова-Ломинадзе (Протокол объединенного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) и Президиума ЦКК ВКП(б) от 4.11.1930. – Там же. Ф. 17. Оп. 3. Д. 802 Л. 3).

²¹ Протокол № 121 заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 24.5.1929, п. 55. – Там же. Ф. 17. Оп. 113. Д. 731. Л. 11.

²² Например, постановление комиссии Политбюро о КПЗУ (касавшееся распределения сфер ответственности между партийными, государственными и коминтерновскими органами при ведении подрывной деятельности против Польши), утвержденное решением Политбюро 5 января 1928 г., осело в личном архиве генерального секретаря ЦК КП(б)У Л.М. Кагановича (Там же. Ф. 81. Оп. 3. Д. 133. Л. 93). Режим секретности в ведомственных архивах также оставлял желать лучшего. В обычном делопроизводстве Наркомторга исследователи обнаружили записку Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) и французские секретные документы, которые тот просил «уничтожить или держать в таком месте, где сохраняются наисекретнейшие документы» (См.: В.М. Головкин, М.Г. Станчев, Г.И. Чернявский. Между Москвой и Западом: Дипломатическая деятельность Х.Г. Раковского. Харьков, 1994. С.289).

²³ Протокол № 56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.12.1928, п. 19. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 718. Л. 4.

²⁴ Приложение 2 к постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «О конспирации»//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.75

²⁵ Протокол заседания № 39 (особый № 38) Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.8.1928, П. 15. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 123.

²⁶ Протокол заседания № 129 (особый № 127) Политбюро ЦК ВКП(б) решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.6 – 11–12.7.1930, п. 22. – Там же. Д. 8. Л. 170.

бюрократизированность подчиненных ему управленческих звеньев не позволяла последовательно провести подобную «реформу» в Советской России, по крайней мере, до конца 30-х гг. В рассматриваемый период советское руководство отыскивало собственный, промежуточный путь вариантов выработки и фиксации внешнеполитических решений, удаленный как от британского («Cabinet minutes»), так и польского («Rozmowy z Pilsudskim»). Он был найден, во-первых, в таком формулировании решений Политбюро, при котором его протоколы содержали минимальную информацию относительно дискуссий по наиболее важным международным делам. Дополнительным шагом в этом направлении стало, начиная с 1933 г., исключение из протоколов упоминаний лиц, вносивших соответствующие предложения, и докладчиков на Политбюро. Не только у современного читателя, но и у получателя машинописных протоколов стало еще меньше возможностей для разгадывания содержания или даже темы отдельных постановлений по внешнеполитическим вопросам, скрывавшихся к тому же за общими заглавиями – «Об Америке», «О Польше», «Вопросы НКВД» и проч. Во-вторых, многие важные вопросы были либо выведены за рамки рассмотрения Политбюро, либо переданы в его комиссии, либо обсуждались членами Политбюро (возможно, и на заседаниях этого органа) без каких-либо отметок в протоколе (см. ниже). Судя по доступной документации центральных ведомств, с конца 20-х гг. многие вопросы, связанные с оказанием «финансовой поддержки» политическим деятелям, оплатой услуг зарубежной прессы, согласованием военных поставок и др., в Москве вообще перестали фиксировать на бумаге.

Навязчивое стремление к «конспирации» граничило с отношением к ней как к самостоятельной ценности²⁷. На практике связь между пафосными требованиями «конспирации» и рутинными операциями по охране тайны решений Политбюро была, как показывает сводка по «учетным секретным материалам ЦК XVI созыва», удивительно слабой²⁸. Размышления над аксиологическими схемами, лежащими в основе древних и современных деспотических режимов, привели исследователя идеологии Китая В.А. Рубина к пониманию секретности как одного из присущих им атрибутов. Деятельность Цинь Шихуанди по строительству стен, окружавших дороги к дворцам вана, дабы сохранить в полной тайне свое местопребывание, вдохновлялась двумя различными политико-мировоззренческими доктринами. Согласно легистской концепции Шэнь Бухая, «умному правителю» следует вести себя загадочно: «он укрывается в бездействии, прячет свои мотивы и скрывает следы». Легистская секретность и тактика обмана окружающих уживалась у Циньского руководства с даосской идеей таинственности, вытекающей из недоступности и невыразимости всеобъемлющего начала²⁹. Продолжая параллель, намеченную крупным синологом, можно отметить, что недоговоренность, присущая постановлениям коллективного Цинь Шихуанди совмещала соображения секретности с сознательным уклонением от попыток охватить взглядом и непротиворечиво представить в своих постановлениях общие начала проводимой политики³⁰. Соответственно, смысловая структура резолюций Политбюро уровень их детализированности и степень краткости определялись существом рассматриваемых групп вопросов, отношением к ним со стороны Политбюро, и, наконец, кругом лиц, которым письменное постановление адресовалось, одним сло-

²⁷ Дополнительно см.: Письмо И.В. Сталина Н.С. Алилуевой, 24.9.1930//Иосиф Сталин в объятиях семьи. М., 1993. С. 32–33.

²⁸ Руководящий сотрудник Секретного отдела летом 1932 г. докладывал Секретарю ЦК ВКП(б) П. П. Постышеву: «Простые выписки из прог[околов] ПБ не запрашивались с июля 1930 г. Самоотком же возвращено не более 60 %. Выписки из о[собых] п[апок] запрашивались, но недостаточно настойчиво, вследствие этого до сих пор не возвращено около 200 экз. выписок 1932 года (не считая НКВД, ОГПУ и РВС, которым разрешена задерживать на длительный срок). Материалы ПБ для сведения и к заседанию, включая и ОП, не запрашивались до III-33 г., самоотком же возвратилось не более 60 %» (Справка о работе V сектора ЦК ВКП(б) по рассылке и учету секретных материалов, 8.8.1933//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.78).

²⁹ В.А. Рубин. Проблема секретности в древнекитайской мысли//Он же. Личность и власть в древнем Китае: Собрание трудов. М., 1999. С. 82–87.

³⁰ Об отсутствии у Политбюро отчетливой концепции внешней политики СССР см. введение к разделу I.

вом – широко понимаемой *функциональной направленностью* записей в протоколах высшего партийного органа.

В конце 20-х – начале 30 гг. происходило лавинообразное разрастание потока дел, требовавших разрешения в Политбюро³¹, а его значимость как органа, коллективно вырабатывающего решения, снижается. Преобладание получают задачи санкционирования (или запрета) мер, предлагаемых представителями партийных, государственных организаций и ведомств³² (включая Оргбюро), контроля за исполнением принятых решений, а в случае, когда принятие окончательного решения представлялось самому Политбюро нецелесообразным, – определение порядка согласования и выработки предложений, которым Политбюро давало свою санкцию. В высшей степени характерно, что оригиналами протоколов являлись серии отдельных карточек (листов), а оформление протоколов – объединение индивидуальных записей в виде единого целого, осуществлялось главным образом для удобства пользования и рассылки³³. Под стать небольшим листам стандартной или произвольной формы был и содержательный формат преобладающей части направляемых в Политбюро предложений о развитии взаимоотношений с внешним миром – текущих вопросов дипломатии, торговли, пропаганды, культурных связей и т. д. Повторяющееся разнообразие конкретных запросов находило естественное завершение в кратких резолюциях с преобладанием ограниченного набора безусловных формул – «принять», «отложить», «передать», «назначить», «вопрос снять».

Эти императивы служили своего рода гарантией четкости передачи повеления, предупреждали возникновение двусмысленности при интерпретации решений высшей инстанции исполнителем (партийным органом, ведомством, лицом). Политбюро конца 20-х – 30-х гг. обладало авторитетом, при котором не требовалось убеждать исполнителей в целесообразности принятого им решения. Мотивирование и подробное разъяснение постановления, напротив, содержали потенциальную возможность такого истолкования директивы со стороны исполнителя, которое привело бы к действиям, противоречащим намерению Политбюро. С другой стороны, краткость решения, отсутствие в нем аргументации редуцировали возможность критической оценки путем оспаривания тех или иных тезисов постановления, более того – затрудняли само понимание его резолютивной части для всех тех, кто не был непосредственно причастен к подготовке, принятию или осуществлению постановления (включая некоторых членов Политбюро, например отсутствовавших на заседании).

В редких случаях Политбюро приходилось делать уступку обстоятельствам. В начале 1930 г. назначенный полпредом в Варшаве В.А. Антонов-Овсеенко отказался выполнить решение Коллегии НКВД о вручении верительных грамот. Ссылаясь на общий смысл ранее полученных им указаний, он апеллировал к «Сессии». Политбюро предписало полпреду «пойти к министру и вручить верительные грамоты», но при этом поручило «указать» ему, что «мы не заинтересованы в обострении отношений с поляками». Такое косвенное раскрытие мотивов решения Политбюро (очевидных, впрочем, из первой части постановления) было

³¹ Резкое увеличение числа вопросов, зафиксированных в протоколах Политбюро, произошло в 1929 – начале 1930 г., после чего их возрастание приняло более плавный характер (с 2857 пунктов в 1930 г. до 3945 в 1934 г.). В первой половине 30-х гг. среднегодовое число пунктов протоколов ПБ составило 3459, в 1935–1939 гг. оно снизилось до 3135 (Подсчитано по: О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С.289).

³² О такой направленности работы Политбюро хорошо свидетельствует компоновка записок НКВД в высший орган власти (см. ниже). Лишь в редких случаях в этих документах анализировались различные практические варианты разрешения поставленных вопросов, не говоря уже о рассмотрении альтернативных проектов.

³³ См. материалы РГАСПИ – Ф. 17, Оп. 163; О.В.Хлевнюк. Указ. соч. С. 9–10; Н.Н.Покровский. Источниковедение советского периода: документы Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) первой половины 1920-х гг.//Археографический ежегодник за 1994 г. М., 1996. С. 21–23. О том, что такая очередность подготовки документации отражала ее содержательные функции, косвенно свидетельствует записка члена Политбюро и наркома обороны управляющему делами НКО Смородинову, касающаяся дел этого ведомства. «Впредь ни в коем случае не ждать, пока будет подписан протокол (формальность), а немедленно сообщать заинтересованным лицам сущность решения (сущность дела) и следить за своевременным выполнением принятых решений» (Записка К.Е.Ворошилова И.В.Смородинову. 6.8.1935. – РГВА. Ф. 4. Оп. 18. Д. 4. Л. 42).

продиктовано, на наш взгляд, обстоятельствами более существенными, чем неуступчивость Антонова-Овсеевского. Развертываемые в УССР антипольские акции пришли в начале 1930 г. в противоречие с потребностями стабилизации отношений с Польшей: на Правобережной Украине вместе со сплошной коллективизацией начались массовые протесты крестьян. Не отказываясь от прежних установок, высшее партийное руководство тем самым давало «сигнал» московской, харьковской и минской элите проявлять сдержанность, не доводя свое рвение до обострения советско-польских отношений³⁴.

Другим примером – исключением, подтверждающим правило функциональной краткости, – является важное политическое постановление «О поездке т. Литвинова», принятое опросом в конце октября 1933 г. (накануне визита наркома по иностранным делам в Париж, ознаменовавшегося секретными договоренностями с министром иностранных дел Франции о возрождении франко-русского союза)³⁵. В нем говорилось:

«а) Считать целесообразной остановку т. Литвинова в Берлине и не отказываться от бесед с Нейратом, а если пожелает Гитлер, то и с ним.

б) В случае, если немцы будут предлагать подписать протокол о том, что все конфликты улажены, то идти на это можно при условии, если они публично в той или иной извиняющейся форме выразят сожаление по поводу ряда неправильных действий германских властей в конфликте о журналистах. Если же они протокола требовать не будут, то ограничиться беседой в тоне, дающем им понять, что мы не намерены углублять конфликт и готовы сделать все необходимое для восстановления прежних отношений.

в) Считать целесообразным при проезде через Париж встречу т. Литвинова с Поль Бонкуром, если соответствующее предложение т. Литвинову будет сделано»³⁶.

Составители этой резолюции не могли не быть осведомлены об обстановке, возникшей после окончательного выхода Германии из Лиги Наций 14 октября 1933 г. Сложившееся к середине октября англо-французское единство взглядов на недопустимость «немедленного перевооружения Германии» распалось. Решения лондонского кабинета 23 октября пока оставались тайной для Москвы, однако «исключительно дружественная» встреча британского государственного секретаря с немецким послом (20 октября) и действия рейхсканцлера, впервые удостоившего английского посла в Берлине официального приема (24 октября), нашли адекватное отражение в сообщениях мировых информационных агентств: Великобритания начинала новый раунд усилий по достижению двусторонней договоренности с Германией по проблемам безопасности и вооружений. Уже по этой причине Гитлер был, менее чем когда бы то ни было заинтересован в публичном примирении с Советами и изъяслении сожалений по поводу действий властей Германии, предпринятых месяцем ранее в отношении советских корреспондентов; выступление Гитлера 24 октября содержало авансы по адресу Польши, но отнюдь не Советского Союза.

В конце сентября Гитлер передавал через посла Дирксена и статс-секретаря Бюлова, что «хотел бы... заявить о своем твердом намерении наладить дружественные отношения с СССР кому-либо из руководящих людей из центра», поведать им, что «как политические, так и географические условия требуют безусловной дружбы между СССР и Германией и это должно быть осуществлено, как бы другие государства ни стремились создать между ними конфликт». Протянутая рука национал-социалистского рейхсканцлера была тогда отвергнута без церемоний: советские представители отвечали, что заместитель наркома Крестинский передумал ехать к немецким врачам и решил показаться венским профессорам, отчего принять приглашение Гитлера ему недосуг. Немцам дали даже понять, что Крестинский нарочно изменил

³⁴ См. решения «О Польше» от 25.1.1930 (раздел 1), «Об Украине и Белоруссии» от 11.3.1930 (раздел 3).

³⁵ См.: З.С. Белоусова. Франция и европейская безопасность, 1929–1939. М., 1976. С. 152.

³⁶ Протокол № 148 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 1.11.1933, п. 102/82 (опросом от 25.10.1933). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 15. Л. 119.

свои планы, чтобы избежать общения с канцлером³⁷. Для большинства получателей протоколов Политбюро эти германские обращения и ответ на них советского руководства оставались неизвестными, равно как и отказ Гитлера подвергнуть малейшей критике исполнителей его директивы о недопущении советских журналистов в Лейпциг. Будь они осведомлены об этих фактах, «читатели» «особых папок», вероятно, признали бы совершенной фантастикой директивы Литвинову относительно переговоров в Берлине³⁸.

Столь же лукаво было сформулировано предположение о встрече наркома с Ж. Поль-Бонкуром. Растущее одиночество Франции в кругу великих держав, сотрудничество Литвинова с Поль-Бонкуром в Женеве и, наконец, сообщение полпреда Довгалевского о том, что французский министр в беседе с ним 20 октября (т. е. до рассматриваемого здесь решения Политбюро) заявил о заинтересованности Франции в заключении с СССР договора о взаимной помощи³⁹, не оставляли никаких сомнений в том, что Ж. Поль-Бонкур пригласит Литвинова для дискуссии на сообщенную им ранее тему.

Практическое существо резолюции Политбюро состояло, таким образом, в признании «целесообразности» обсуждения, о котором Поль-Бонкур предупредил Москву, и в желании подготовить «общественное мнение» узкого правящего слоя к повороту в советской внешней политике. Выбор руководителей Политбюро в пользу сближения с Францией следовало объяснить более широкому кругу высокопоставленных функционеров, продемонстрировав, что вина за разрыв рапальских отношений лежит на немцах. Рассмотрение несуразностей и асимметричности постановления «О поездке т. Литвинова» показывает, что именно эти задачи решало постановление Политбюро, на первый взгляд столь чистосердечно раскрывавшее готовность «сделать все необходимое для восстановления прежних отношений» с Германией. Напротив, принятое двумя месяцами позже постановление «О Франции», открывавшее путь сближению СССР с будущими союзниками по антигитлеровской коалиции, было лишено указаний на какие-либо мотивы, побудившие его «не возражать» против заключения «регионального соглашения о взаимной защите от агрессии со стороны Германии»⁴⁰. Было бы, однако, опрометчиво использовать сопоставление буквального смысла этих постановлений в качестве аргумента в нескончаемой (и в значительной мере бесплодной) дискуссии о том, насколько «искренним» был «антигитлеровский курс» СССР в 30-е гг. и т. д.⁴¹.

Проблема, думается, лежит в иной плоскости. Предложенный выше краткий критический анализ предостерегает против непосредственного восприятия «кремлевских тайн», зафиксированных в протоколах Политбюро. «Откровенность» и «красноречивость» немногих постановлений Политбюро обладала тем же общим функциональным смыслом, что и клишированность и лапидарность основной массы его решений. Во всех рассмотренных вариантах – подробная мотивация, косвенное указание на мотивы и полное отсутствие такого компонента в постановлениях Политбюро – этот смысл определялся не столько непосредственной информационной насыщенностью сообщения, сколько его социально-коммуникативными аспектами, и был связан с феноменом «сталинских сигналов» (как назвала его Ш. Фитцпатрик). Она отмечает парадоксальность положения, при котором режим, известный требовательностью к исполнению директив Центра, избегал «ясности в формулировании политической линии». «Фак-

³⁷ Запись беседы Л. М. Хинчука с Б. Бюловым, 27.9.1933. – АВП РФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 73. Д. 7. Л. 298–297; Запись разговора Л.М. Хинчука с Г. Дирксеном, 12.10.1933. – Там же. Л. 319.

³⁸ Действительно, последующая беседа Литвинова с Нейратом свелась к взаимным препирательствам о вине каждой из сторон в создавшемся на почве лейпцигского процесса «журналистском конфликте» (Aufzeichnung des Reichsministeis des Auswärtigen Freiherr von Neurath, 28.10.1933//ADAP. Ser. C. Bd.II, 1. S.52–53; Из дневника М.М. Литвинова, 28.10.1933//ДВП СССР. Т.XVI. С. 589–590).

³⁹ Там же. С.577.

⁴⁰ См. решение «О Франции» от 19.12.1933 (раздел 1).

⁴¹ Анализ постановления «О поездке т. Литвинова» см.: З.С. Белоусова. Советский Союз и европейские проблемы: 1933–1934 гг.//ВИ. 1999. № 10. С. 55–56.

том является, однако, то, что важные изменения в политике скорее «сигнализировались», чем сообщались в форме ясной и детальной директивы. Сигнал мог быть дан в выступлении и статье Сталина, или в редакционной статье, или обзоре в «Правде», или же посредством показательного процесса, или в форме опалы заметной фигуры, связанной с определенными тенденциями политического курса», – констатирует американский историк⁴². Предназначенные для распространения в среде правящей элиты⁴³, протоколы Политбюро выполняли сходное предназначение. Они подавали сигнал исполнителю и более широкому кругу «читателей». Если, например, сжатое «багажа не вскрывать» было адресовано руководителям ОГПУ и НКВД, ждавшим указаний относительно имущества г-жи Озолс⁴⁴, то почти одновременно принятая директива «в разговоре с румынами исходить из решения правительства СССР по бессарабскому вопросу о плебисците, обусловленном всеми гарантиями для свободного выявления населением его отношения к этому вопросу», имело в виду более широкие потребности. Партийно-государственной верхушке, встревоженной непредвиденным исходом кампании за подписание Московского протокола, Политбюро «сигнализировало», что на новые уступки Румынии оно не пойдет. Пышная фраза о гарантиях свободного волеизъявления, исходившая из круга признанных специалистов по самоопределению народов, подавала иронический знак, понятный партийному общественному мнению. Не будь нужды в расширении поля принятия этого «сигнала», Политбюро, в соответствии с обычной практикой, несомненно, поставило бы точку вместо запятой в середине фразы⁴⁵.

Новые исследования и наблюдения позволяют подтвердить издавна существовавшее представление о том, что практика «конспирации» и «сигнализации» «сознательно или бессознательно» использовалась правящим режимом для укрепления и освящения своей власти, придания ей сакральных свойств⁴⁶. Применительно к сухим протоколам ПБ ЦК ВКП(б) эти характеристики, думается, чрезмерно метафоричны. Несомненно, однако, что поиски устойчивой легитимации и организации власти, занимавшие Сталина и его коллег по Политбюро, во многих важных отношениях следовали проложенными (и замшелыми) историческими тропами. Отрицание принципов, на которых основывались современные государственные институты, заставляло большевистский режим подкреплять властные механизмы архетипическими ритуальными нормами. Архаизация методов управления экономикой в конце 20-х – начале 30-х гг. дала сильный импульс «опрощению», примитивизации способов осуществления власти в целом⁴⁷. Почти одновременно завершилось изгнание из правящей элиты «инородных» групп, оппозиционная деятельность которых являлась попыткой, в частности, заставить партийное большинство уважать современные, «парламентские» методы борьбы⁴⁸. Осуществлявшиеся под лозунгом «модернизации» перемены обескровили современные элементы культуры

⁴² Sheila Fitzpatrick. *Everyday Stalinism. Ordinary life in extraordinary times: Soviet Russia in the 1930s*. N.Y., Oxford, 1999. P.26.

⁴³ К сожалению, остаются неизвестными ни точный круг лиц, получавших в тот или иной период «рассылочные» протоколы Политбюро, ни более узкий состав руководителей, знакомившихся со сводом постановлений под грифом «Особая папка». Выявлен лишь перечень адресатов, утвержденный в конце 30-х гг. (см.: Постановление Политбюро о рассылке протоколов заседаний Политбюро ЦК от 16.10.1938//О.В. Хлевнюк и др. (сост.) Указ. соч. С. 81–82).

⁴⁴ См. решение «О латышах» от 14.3.1929 (раздел 1).

⁴⁵ См. решение «О Румынии» от 28.3.1929 (раздел 1). Как известно, антагонизм между СССР и Румынией вызывался не различием подходов к организации плебисцита в Бессарабии, а его абсолютной неприемлемостью для Бухареста.

⁴⁶ См. Sheila Fitzpatrick. *Ibidem*. Н.Н. Покровский уподобил принятие решений «инстанции» «сакрализованному действию» (Н.Н. Покровский. Указ. соч. С.36). Разумеется, в этом нет ничего необычного: «политическая жизнь и церемониал не суть отдельные «влияния, одно серьезное, другое поверхностное. Ритуал – не маска силы, но сам по себе способ властвования» (David Canadine. Introduction: divine rites of kings//David Canadine and Simon Price (eds.). *Rituals of royalty: power and ceremonial in traditional Societies*. Cambridge, etc., 1987. P.19).

⁴⁷ См.: Andrea Graziosi. *The great Soviet peasant war: Bolsheviks and peasants, 1917–1933*. Cambridge, Mass., 1996. P. 71–72.

⁴⁸ Достаточно вспомнить, что логика борьбы нечаянно (и скандально) привела Л.Д. Троцкого к тому, чтобы в качестве исторического образца поведения оппозиции избрать Ж. Клемансо – «тигра» классического парламентаризма.

большевизма; дискуссия об «азиатском способе производства» и взаимоотношения Петра и Ивана с боярством оказались ближе к актуальной политической проблематике режима, чем французский коммунальный эксперимент 1871 г. Неудивительно поэтому, что официальные записи высшего органа власти несли на себе отпечаток забот, во многом характерных для возносящихся элит традиционных обществ – укрепление социального престижа высшей инстанции, стабильное функционирование иерархически подчиненных уровней власти при одновременном демонстрировании лояльности к старинным родоплеменным институтам (или уставу и традициям большевистской партии – коллективности руководства, партийной демократии и проч.)⁴⁹.

Особенности языка протоколов Политбюро не только отражают их прикладное назначение и бюрократическую рутину, но и свидетельствуют о формировании дискурса – особого использования языка для выражения устойчивых психоидеологических установок «инстанции». Этот дискурс предполагал и создавал особого «идеального адресата», un Destinaire idéal, по определению П. Серию⁵⁰, – такого типа «воспринимателя» высказывания, который «принимает все пресуппозиции каждой фразы, что позволяет дискурсу осуществиться; при этом дискурс-монолог приобретает форму псевдиалога с идеальным адресатом, в котором (диалоге) адресат учитывает все пресуппозиции»⁵¹. Тенденция к сжатию смысловых компонентов, являющихся условием истинности суждения (например, анализа международной ситуации), в текстах протоколов возмещалась широкой эксплуатацией прагматической пресуппозиции. Утверждения типа «считать целесообразным при проезде через Париж встречу т. Литвинова с Поль-Бонкуром, если соответствующее предложение т. Литвинову будет сделано» дарили адресату подсознательную уверенность в том, что такое решение является единственно правильным, поскольку смысловое обоснование подменялось прагматической суппозицией – чем-то само собой разумеющимся для источника высказывания (в самом деле, странно было бы отказываться от приглашения встретиться и поговорить, если оно исходит от представителя страны, с которой установились неплохие отношения!). Практика умолчаний приглашала адресата, принявшего эти правила игры, к сотворчеству, достраиванию отсутствующих в тексте компонентов по аналогичному образцу. Желая «понять» резолюцию «багажа не вскрывать» мог легко дополнить это высказывание известными ему «ввиду нецелесообразности», «мы не заинтересованы в обострении отношений с латышами» и прочими прагматическими (или псевдосемантическими) пресуппозициями. В результате отрывистые монологические постановления трансформировались в «псевдиалог» авторов с читателями. Осуществляемые через систему рассылки протоколов и ознакомления с ними, систематические упражнения в заочных вертикальных беседах (в разных формах проходящих через всю советскую эпоху) вырабатывали поистине «идеального» участника социально-языковой игры⁵².

⁴⁹ Сила этих традиционных установлений сказывалась в терминологии, согласно которой деятельность партийных органов, включая Политбюро, направлялась *секретарями*. Именно в этом качестве протоколы Политбюро подписывались Сталиным, а в его отсутствие Молотовым или Кагановичем. Когда в протоколе Оргбюро (от 27 августа 1928 г.) появилась запись о возложении функций председателя этого органа на Кагановича, Томский немедленно заявил протест. «До сих пор в нашей практике мы избегали института председателей в парторганах, – написал он Молотову. – Правда практически председательство в Оргбюро и Политбюро всегда поручалось какому-либо одному товарищу (Каменев, а потом Рыков – в П. Б., Молотов – в Оргбюро), но таковой формально не являлся председателем П. Б. или Оргбюро». Молотов немедленно извинился за невнимательность и заверил, что протокол Оргбюро будет должным образом изменен. (Записка М.П. Томского В.М. Молотову, 31.8.1928. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 255. Л. 97; Записка В.М. Молотова М.П. Томскому, 1.9.1928. – Там же. Л. 98).

⁵⁰ Основные выводы классической работы Патрика Серию «Analyse du discours politique soviétique» (1985) изложены в: Ю.С. Степанов. Альтернативный мир, дискурс, факт и принцип причинности// Ю.С.Степанов (ред.). Язык и наука конца XX века. М., 1995, С. 38–44. Благодарим Н.Б. Вахтина, указавшего нам на значимость исследований П. Серис для лучшего понимания этой темы.

⁵¹ Там же. С. 42.

⁵² В «горизонтальном измерении» скудость аутентичной информации при ощущении своей сопричастности деятельности высшей инстанции провоцировала конструирование и распространение собственных версий, слухов (см. ниже).

«Дискурс Политбюро» приглашал адресатов к «диалогу» с «инстанцией» и вместе с тем вводил его в жесткие рамки. На такое социальное значение языковых клише, столь характерных для языка протоколов Политбюро, еще в 30-е гг. обратил внимание академик А.Д. Сперанский. Начав с утверждения, что Сталину «чужды заботы стилиста», он нечаянно пришел к заключению: «Он не боится повторений. Мало того, он ищет их. Они у него на службе. Он, как гвоздем, прибывает к сознанию то, что является формулой поведения»⁵³. «Формула поведения» исполнителей и даже участников принятия решений Политбюро, культивировавшаяся стилем его протоколов, состояла в старательной ограниченности – добровольном отказе от видения общих задач, издании и буквальном исполнении частных директив⁵⁴. Протоколы Политбюро свидетельствуют, что в его недрах уже в конце 20-х гг. (когда Генеральному секретарю еще приходилось выступать с длинными полемическими речами) рождалось понимание таинственной краткости как средства повышения авторитета власти. Описывая присущую «архетипу высокой престижности» сдержанность во всех проявлениях жизненной энергии, исследователи отмечают: «Обычно говорят, что царь с трудом двигался, так как на нем была тяжелая одежда, однако можно сказать и наоборот: царь надевал тяжелую одежду для того, чтобы не иметь возможности быстро двигаться»⁵⁵. С не меньшим основанием можно утверждать, что неясность резолюций Политбюро была вызвана не столько функциональной необходимостью заключить их в броню краткости (в нее облачали и самые тривиальные решения), не только обремененностью множеством дел (в приложения к протоколам Политбюро нередко включались проекты постановлений и дипломатических нот, которые на следующий день должны были распространяться миллионными тиражами), но и стремлением придать всей процедуре decision-making величавость, достойную древнего Кремля, окружить ассигнование 30 тыс. рублей ореолом эзотерической недосказанности и, в конечном счете, утвердить социальную дистанцию между источником верховной власти и иерархически соподчиненными сферами исполнителей ее воли.

Широкое понимание функций официальных записей Политбюро как социально-культурного феномена позволяет лучше понять их некоторые делопроизводственные особенности, в частности *параллельное составление «обычных» и «особых» протоколов, направление выписок из «особых протоколов», отсутствие стенограмм заседаний Политбюро.*

Начиная с 1923 г., в преддверии развязки национально-революционного кризиса в Германии, Политбюро ЦК РКП(б) перешло к новой системе фиксации своих решений⁵⁶. Они крайне неполны, и отсутствие в них, в числе прочих лакун, сопроводительных документов и постановлений «особой папки» может быть вызвано позднейшей обработкой дел в архиве ЦК КПСС. Наиболее масштабные секретные постановления стали исключаться из корпуса «строго секретных» протоколов и заноситься в протоколы Политбюро с грифом «особая папка» («совершенно секретно») с оставлением в исходном протоколе пометы «Решение – особая папка». Несмотря на различный уровень секретности, между «особыми» и «обычными» протоколами существовало полное совпадение в формулировках вопроса и указании лиц или

⁵³ А. Сперанский. О Сталине: Впечатления от встреч//Известия. 7.11.1936.

⁵⁴ О взаимосвязи конкретности мышления со склонностью к магии формул и устойчивых словосочетаний см.: в частности: Л. С. Васильев. Некоторые особенности системы мышления, поведения и психологии в традиционном Китае//Л. А. Делюсин (отв. ред.). Китай: традиции и современность: Сб. статей. М., 1976. С.58. В непосредственной, устной форме урок такого поведения был преподан послу в Швеции А.М. Коллонтай. После аудиенции у Сталина, рассказавшего ей, как Политбюро разрешило конфликтный вопрос о шведском займе, Коллонтай поведала дневнику: «В нашей работе не надо быть инициативной. Надо «проводить задания», а не создавать и находить прицелы» (А.М. Коллонтай. Записки за 23 года дипломатической работы. Тетрадь десятая. 1933 г. – РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3 Д. 19. Л. 67).

⁵⁵ А.К. Байбури, А.Л. Топорков. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л., 1990. С. 66.

⁵⁶ Остается неизвестным, было ли это разделение первоначально произведено только при подготовке беловых протоколов (копий) или же охватывало и оригиналы. К сожалению, Н.Н. Покровский, с большой глубиной проанализировавший эту группу источников, в своем очерке не затрагивает вопроса о разделении протоколов ПБ на «обычные» и «особые». Доступные материалы черновых протоколов (см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163).

учреждений, представивших его на усмотрение Политбюро⁵⁷. Обозначенные в «совершенно секретных» протоколах одним или двумя инициалами, докладчики и лица, деятельность которых стала предметом решения Политбюро, не расшифровывались и в «особых» протоколах⁵⁸. Как правило, все содержание принятого решения относилось к одному из двух видов протоколов, и оно заносилось в него целиком⁵⁹. Постепенно практика придания части постановлений более высокой степени секретности привела к образованию двух параллельных систем записи постановлений, при которой решения, принятые на заседании Политбюро и в промежутках между заседаниями, распределялись между «обычными» и «особыми» протоколами, так что к началу 30-х гг. количество «особых протоколов» фактически совпало с числом заседаний Политбюро и необходимость в дополнительной нумерации отпала.

Число документов, относимых к наиболее конфиденциальным, быстро росло; «особая папка» пополнялась в значительной мере за счет перенесения в нее большинства внешнеполитических дел. Если не считать вопросов о назначениях представителей СССР за рубежом (полпредов, торгпредов, военных атташе, руководителей и членов делегаций на международных конференциях и т. д.⁶⁰), то в «особую папку» направлялись все иные постановления Политбюро по проблемам взаимоотношений СССР с внешним миром, независимо от того, насколько важным или секретным было существо конкретного решения. Часть внешнеполитических постановлений, однако, продолжала фиксироваться в «обычных» протоколах, копии которых подлежали более широкому распространению, нежели «особые папки». Выявить определенные правила, которыми руководствовалось Политбюро (или Секретарь ЦК ВКП(б), руководивший проведением подготовки и принятия решений, подписывавший протокол) при распределении своих постановлений между двумя видами протоколов, оказалось невозможным. Можно констатировать лишь, что все решения по экспортно-импортным операциям, осуществлявшимся сверх ранее утвержденного валютного плана, – будь то, например, закупка свиней на 30 тыс. рублей или приобретение картин за 2 тыс. рублей⁶¹ – никогда не заносились в рассылочные «обычные» протоколы. Этот подход отчасти объяснялся тем, что финансовые аспекты самих валютных и экспортно-импортных планов относились к категории повышенной секретности, источником дополнительных ассигнований являлся, как правило, «торгово-политический контингент» – резервный фонд валюты, о существовании и тем более размерах которого знал крайне узкий круг лиц, отчасти – в стремлении избежать ревнивых претензий со стороны ведомств, которым в дополнительных тратах отказывалось⁶². Среди постановлений по международным

⁵⁷ Единственный выявленный нами случай расхождения следует, вероятно, отнести за счет технической ошибки. В протоколе № 71 (особый № 69) от 4 апреля 1929 г. значилось, что «вопрос Комиссии Внешних Сношений» о помощи польским швейникам (п. 47) был внесен «т.т. Фигатнером, Васильевым», в другой (рассылочной) версии протокола № 71 был указан только Фигатнер (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 59; Там же. Оп. 3. Д. 733. Л. 9).

⁵⁸ Иногда это вызывалось нежеланием компрометировать членов руководства СССР или ИККИ. Так, рассмотрение обвинений Б. Мархлевской против А. Варского (1927) в протоколах ПБ обоих видов значилось как вопрос «О тов. В.», а берлинской аферы Савелия Литвинова (двоюродного брата наркома) как «Дело С.Л.» (1929–1930). Впрочем, о Савелии Литвинове открыто говорила советская печать (см.: С. Гальперин. По всему свету: Очерки международной политики//Новый мир. 1930. № 3. С.161).

⁵⁹ Единственное известное нам исключение касается решения о назначении Л.М. Карахана послом в Турцию летом 1934 г. Постановления по назначению полпредов фиксировались исключительно в «обычных» («совершенно секретных») протоколах ПБ. Дело Карахана, на протяжении полутора десятилетий являвшегося одним из влиятельных руководителей НКВД, было необычным; руководство Политбюро сочло, что его устранению из Москвы следует придать временный характер. В результате принятое постановлением было разделено на две части: первый его пункт («Назначить полпредом») вошел в обычный протокол, а второй («Предложить т. Кагановичу сообщить т. Карахану, что он отправляется в Турцию на один год») был отнесен к категории «особая папка» (Протокол № 9 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.6.1934, п. 135/128 (опросом от 23.6.1934). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 105).

⁶⁰ Подробнее см. введение к разделу 4.

⁶¹ См. решение «О польской выставке живописи» от 29.9.1933 (раздел 1).

⁶² Необходимость просить у «инстанции» даже скромные (сотни рублей) суммы нередко вызывала тяжелые раздумья. Например, отказывая авторитетному (и тяжело больному) полпреду СССР во Франции в хлопотах о «небольшом пособии

делам, включенных в обычные протоколы, удельный вес решений о снятии с повестки дня или откладывании поставленного вопроса был выше, чем других (о принятии предложений ведомств, внесении в них изменений и т. д.)⁶³. Четкой содержательной или тематической границы при распределении внешнеполитических решений между двумя видами протоколов не существовало. Так, в сентябре 1933 г. – январе 1934 г. Политбюро четырежды рассматривало вопросы об организации воздушного сообщения между Польшей и СССР. Два из них, имевшие принципиальное политическое значение, – о принятии предложений НКВД на этот счет (сентябрь 1933 г.) и об отказе от продолжения переговоров с Польшей (январь 1934 г.) – вошли в «обычные» протоколы ПБ. Два других постановления, касавшиеся хода авиационных переговоров (ноябрь 1933 г.) – были отнесены к категории «особая папка»⁶⁴. 26 и 27 июля 1934 г. Политбюро утвердило решения под одинаковым названием («О посылке хлеба пострадавшим от наводнения в Польше»), причем одно из них как «строго секретное» вошло в «обычный» протокол, а другое – в «особый»⁶⁵. Вряд ли можно объяснить деловыми мотивами (в том числе, соображениями конфиденциальности) тот факт, что два решения 1933 г. о советско-польских торговых соглашениях оказались доступны всем получателям протоколов Политбюро, а постановление вступить в переговоры с Польшей о координации продаж двойных шпал из листовницы было заключено в «особую папку»⁶⁶. Не исключая элементов делопроизводственного произвола, приходится признать, что параллельное ведение двух видов протоколов ПБ имело некие дополнительные функции, а распределение между ними вопросов внешнеполитической проблематики вызывалось мотивами, лежащими в иной сфере. Вероятно, эта практика отражала и конструировала определенный тип взаимоотношений Политбюро с адресатами его протоколов. Для представителей правящего слоя, получавших «обычные» протоколы, поддерживалась иллюзия их «причастности» к международной деятельности Политбюро. Значение имело не существо тех или иных частных решений, которые сохранялись в этих протоколах, а сам факт наличия в них записей о проводимых внешнеполитических акциях – перечней вопросов повестки дня и немногих содержательных постановлений. Вместе с тем перенесение в «особые папки» подавляющего большинства внешнеполитических резолюций подтверждало исключительность положения группы избранных, знакомившихся с их содержанием. Иерархичность протоколов Политбюро воспроизводила и акцентировала статусные различия внутри узкого правящего слоя⁶⁷.

на лечение», Крестинский признавался, что «боится» обращаться в ЦК ввиду царящего там «погромно-валютного настроения» (Письмо Н.Н. Крестинского В.С. Довгалеvскому, 7.12.1930. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 53. Д. 82. Л. 24).

⁶³ См., например: Протокол № 126 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15.5.1930, п. 43 «О Польше». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 785. Л. 9; Протокол № 30 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.3.1931, п. 46/59 «О договоре с Эстонией». – Там же. Д. 817. Л. 1; Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 24.5.1931, п. 7/12. – «О переговорах с финнами»; п. 16/21 «О Чехо-Словакии». – Там же. Д. 822. Л. 8, 9 и др.

⁶⁴ См. решения «О воздушных линиях Варшава – Москва и Париж – Москва» от 29.9.1933; «О переговорах с поляками об авиалинии» от 1.11.1933; «О воздушной линии Краков – Харьков» от 15.11.1933; «О воздушной линии Москва – Варшава» от 19.1.1934 (раздел 1).

⁶⁵ См. решения «О посылке хлеба пострадавшим от наводнения в Польшу» (Протокол № 11 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.8.1934, п. 112/93 (опросом). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 16. Л. 143 (опубликовано в: И.И. Костюшко (ред.). Указ. соч. С.78.); Протокол № 11 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.8.1934, п. 120/101 (опросом). – Там же. Оп. 3. Д. 949. Л. 23).

⁶⁶ См. решения «О торговом договоре с Польшей» от 31.7.1933, «О соглашении с польским правительством о продаже лесных материалов» от 1.10.1933 (раздел 1).

⁶⁷ В этом отношении различие в статусе протоколов Политбюро оказывалось частью более общей «иерархии знания», объединявшей и вместе с тем структурировавшей партийную номенклатуру. Читатели протоколов Политбюро занимали в ней верхние ступени, за ними следовали «товарищи, получавшие протоколы заседаний ЦК», знакомить с которыми «кого бы то ни было» без «специальной оговорки ЦК» было нельзя. Обитатели более низкого уровня – недопущенные к ознакомлению с буквой «протоколов ЦК» партийные чиновники могли пользоваться «устными или письменными ссылками на протоколы заседаний ЦК», что в советском делопроизводстве «категорически воспрещалось» («Правила хранения, ознакомления и возвращения протоколов заседаний ЦК ВКП(б), установленные Секретариатом ЦК 10 июня 1927 г., действовали, по крайней мере, до середины 30-х гг. и воспроизводились на обложках протоколов Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б). Невнимание

О решении Политбюро, включенном в «обычный протокол», его исполнитель должен был узнать из посылаемой ему выписки, но также и из рассылаемого общего текста. При этом должностное лицо (или лица), ответственное за осуществление решения Политбюро, в протокольной записи не указывалось; неясно поэтому, кем и как определялся адресат направляемой выписки (вероятно, Секретный отдел направлял ее либо руководителю соответствующего органа, либо докладчику или автору записки в Политбюро). Фиксация постановления в «особом» протоколе влекла за собой персонализацию ответственности исполнителя перед Политбюро: большинство резолютивных записей сопровождалось указанием «Выписка послана т. . .». В тех случаях, когда постановление содержало несколько пунктов, относившихся к сфере деятельности различных партийных и государственных органов, представителю каждого из них направлялась выписка из соответствующей части постановления. Как правило, выписки по международным делам адресовались наркомам, их заместителям, членам Коллегии. Выписка могла отправляться как в московское учреждение, так и, в виде шифровки, в республиканские партийные органы (например, в Минск или Киев). В тех случаях, когда прямым исполнителем директивы Политбюро оказывалось должностное лицо, находившееся за рубежом (будь то полпред или находящийся в служебной поездке нарком), выписка была адресована одному из находившихся в Москве руководителей наркомата. Пересечь границу Союза ССР могла шифрованная телеграмма НКВД в зарубежное полпредство (текст которой мог быть утвержден на заседании Политбюро), но ни в коем случае не «выписка», сколь бы внешне бессодержательной она ни была. Единственный известный факт направления за пределы СССР выдержки из протокола Политбюро относится к началу 20-х гг. и связан с весьма специфической обстановкой. В 1922 г. нарком Чичерин в своем письме полпреду в Финляндии полностью воспроизвел фрагмент протокола с постановлением Политбюро, рекомендуя адресату не предпринимать шагов к выполнению некоторых из намеченных в нем мер⁶⁸. Отмеченная выше краткость большинства постановлений Политбюро означала, что выписка из протокола лишь условно выполняла функцию передачи исполнителю информации о существовании директивы, особенно если он лично присутствовал на заседании Политбюро. Так, выписка, направленная Литвинову (с соблюдением, надо полагать, всех мер предосторожности) по итогам «решения Политбюро» «О Чехо-Словакии» гласила: «Вопрос снять»⁶⁹. Если Литвинов, представивший свои соображения на этот счет, присутствовал при принятии решения, выписка не несла для него полезной информационной нагрузки, если же дело разбиралось в его отсутствие, она ничего не сообщала о политических мотивах решения, об отношении Политбюро к существу поставленных в инициативной записке проблем.

Создается впечатление, что система рассылки выписок являлась в значительной мере символической процедурой. Направлением выписки Политбюро утверждало прямую – поверх институциональных барьеров – связь между своей волей и обязанностью избранного им в исполнители лица. По следам решения о начале торговых переговоров с Латвией (август 1932 г.), Б.С. Стомонякову, назначенному Политбюро руководителем советской делегации, была направлена выписка, включавшая только пункт о его назначении. Другая часть постановления («довести до сведения Лат[вийского] пра[вительства], что мы готовы приступить к переговорам в Москве в середине сентября») была сообщена только М.М. Литвинову⁷⁰. Разумеется,

к этой иерархии, проявление неуважения к ней наказывались низвержением «нарушителя» в мрак незнания. Уезжая домой, Первый секретарь ЦК КП(б) Узбекистана А. Икрамов забыл в гостиничном номере копию протокола Политбюро. За «недопустимо небрежное отношение со стороны т. Икрамова к документам ЦК» «инстанция» лишила его «права получения протоколов ЦК в течение 3-х месяцев» (Постановление Политбюро об оставлении Икрамовым протокола Политбюро ЦК в гостинице «Националь» от 1.2.1933//О.В.Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 78). Тем самым руководители Политбюро фактически признали, что получение его протоколов есть сословная привилегия, а не деловая необходимость.

⁶⁸ Письмо Г.В. Чичерина А.С. Черных, 6.1.1922. – АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 5. П. 106. Д. 9. Л. 1–3.

⁶⁹ См. решение «О Чехо-Словакии» от 10.5.1931 (раздел 1).

⁷⁰ Протокол № 112 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.8.1932. – АВП РФ. Ф. 0135. Оп. 162. Д. 13. Л. 60.

Стомоняков был осведомлен о сроке начала переговоров, а Литвинов – о том, что его заместитель назначен главой советской делегации. Тем не менее, Политбюро сочло нужным демонстративно вмешаться в распределение ролей между наркомом и его заместителем при осуществлении своего решения. Информационная незначительность выписки для того, кто уже получил устное распоряжение Политбюро, восполнялась другими ее функциями: напоминанием о фиксации буквальных обязанностей получателя перед «инстанцией»; подтверждением положения адресата на нетвердых ступеньках иерархической лестницы и, наконец, установлением взаимосвязи между полученным указанием и статусом получателя в политико-бюрократической системе. В феномене «выписок» дополнительно раскрывалась символическая насыщенность «постановлений Политбюро»; прозаическая «выписка» функционировала как *жест власти*, неоспоримый по определению⁷¹.

В контексте высказанных соображений о конспиративности и функциональности протоколов ПБ ЦК ВКП(б) и их символической природе представляется симптоматичным неуспех попыток обнаружить стенограммы заседаний Политбюро конца 20-х – начала 30-х гг.⁷². Регламент работы Политбюро предусматривал стенографирование докладов и заключительных слов, а в некоторых случаях – и выступлений в прениях. Известно, что в начале 20-х гг. при обсуждении важнейших внешнеполитических дел на заседаниях Политбюро велись если не стенографические, то подробные секретарские записи, в которых излагались мнения его членов⁷³. Однако единственное в конце 20-х гг. упоминание в протоколах Политбюро о его стенограммах имеет негативный отпечаток: «Воспретить всем, получающим оригиналы стенограмм заседаний Политбюро и пленумов ЦК для исправления, снятие с них для себя каких бы то ни было копий»⁷⁴. Вероятно, после подавления «правого уклона»⁷⁵ запись дебатов в Политбюро прекратилась. На заседаниях Оргбюро (по крайней мере, до 1931 г.) такие записи изредка велись, с указанием в протоколе, что «вопрос стенографировался»⁷⁶. Подобные отметки делались и в протоколах Политбюро середины 20-х гг. Нельзя исключать, что такого рода пометы и даже сами стенограммы могут быть обнаружены в пока недоступных коллекциях материалов Политбюро. Однако механизмы фиксации решений, отраженные в протоколах Политбюро конца 20-х – начала 30-х гг., делают крайне маловероятным существование массива официальных стенограмм или секретарских записей («конспектов») его заседаний этого периода, в особенности, посвященных обсуждению проблем внешней политики. Более перспективным для реконструкции дискуссий в Политбюро представляется поиск личных записей, сделанных в ходе заседания⁷⁷ или непосредственно после него⁷⁸, а также анализ сопроводительных мате-

⁷¹ «Если на уровне знаков мы сталкиваемся с явлением «правильности» (или «ложности»), то на уровне символов господствует истина» (А.М. Сергеев. Некоммуникативность понимания и феномен символического в культуре/Коммуникация в культуре. Петрозаводск. 1996. С.26).

⁷² Исключение составляют стенографические записи нескольких заседаний Политбюро, задуманных как часть политико-пропагандистских кампаний (см.: О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С. 13).

⁷³ См. составленный Б. Бажановым «Конспект прений по вопросу “О международном положении”» (21.8.1923) («Назначить революцию в Германии на 9 ноября»//Источник. 1995. № 5. С. 120–127).

⁷⁴ Протокол № 123 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8.9.1927, п. 35 (опросом). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 650. Л. 9.

⁷⁵ См. «Краткую запись» «из выступлений на объединенном заседании Политбюро ЦК и Президиума ЦК ВКП(б) в конце января и в начале февраля 1929 г.» (И.В. Сталин. Группа Бухарина и правый уклон в нашей партии//И.В. Сталин. Соч. Т.11. М., 1952. С. 318–325).

⁷⁶ Протокол № 27 заседания Оргбюро ЦК ВКП(б) от 6.12.1930, п. 1. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 202. Л. 1.

⁷⁷ Так, в фонде Секретариата заместителя наркома по иностранным делам Л.М. Карахана в подборке материалов печати были обнаружены отрывочные записи аргументов, приведенных Литвиновым и самим Караханом на заседании Политбюро 20 сентября 1931 г. (См. решение «О Польше» от 20.9.1931 г. (раздел 1).

⁷⁸ См. описание в дневнике Коллонтай заседания ПБ ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г., на котором с участием наркомов иностранных дел и внешней торговли, полпреда и торгпред в Стокгольме обсуждалась целесообразность получения займа в Швеции (А.М. Коллонтай. Записки за 23 года дипломатической работы. Тетрадь одиннадцатая. 1934 г. – РГАСПИ. Ф. 134. Оп. 3. Д. 21. Л. 17–19). Дневник А.М. Коллонтай неоднократно подвергался литературной переработке, однако содержит непосредственные наблюдения и свидетельства.

риалов, изучение исправлений, внесенных в проекты решений, и других помет в черновых протоколах Политбюро⁷⁹.

II

Рассмотрение особенностей протоколов Политбюро с точки зрения их социально-знаковой природы позволяет обратиться к процедурам и реальным обстоятельствам, предшествовавшим фиксации его решений, – внесению вопросов в Политбюро, формированию его повестки дня, способам принятия решений, распределению ролей между членами руководства, участвовавшими в этом процессе.

Внесение предложений в Политбюро. Инициатива рассмотрения Политбюро международных дел в большинстве случаев исходила от центральных советских ведомств. В некоторых случаях с предложениями, носящими международно-политический смысл, выступали нижестоящие партийные инстанции. На протяжении 20-х гг. процедура внесения в Политбюро таких запросов и предложений вполне определилась и в 1929–1931 гг. подвергалась лишь частичному пересмотру. По мере увеличения объема и разнообразия дел, подлежащих представлению в Политбюро (что отчасти объяснялось стремлением партийно-государственной бюрократии сложить с себя часть ответственности), необходимость соблюдения ригористических процедур подачи предложений в Политбюро усиливалась. Для получения санкции Политбюро заинтересованное ведомство должно было представлять по вносимому вопросу «письменный материал», включавший объяснительную записку и проект постановления Политбюро. В конце 1929 г. разрешенный объем такой записки был увеличен до 5–10 страниц. Материал должен был поступить к полудню 9, 19 и 29-го числа каждого месяца (т. е. за шесть дней до дня заседания)⁸⁰. В ноябре 1931 г. Политбюро распорядилось уменьшить размер представляемых материалов до 4–5 страниц⁸¹; через десять дней это решение было пересмотрено, и их объем увеличен до 8 страниц⁸². В 1929–1930 гг. утвердилось правило «не ставить в повестку ПБ» вопросы, по которым получены устные обращения или даже письменные просьбы без приложения «материала по существу вопроса». Политбюро отступало от него «в особо исключительных срочных случаях»⁸³.

Образцом следования этой процедуре можно считать документ, представленный в Политбюро заведующим Агитационно-пропагандистским отделом ЦК ВКП(б) А.И. Криницким, т. е. исходивший из аппарата ЦК ВКП(б). Записка, размноженная литографическим способом (с нумерацией экземпляров), была адресована «в Политбюро ЦК» и снабжена грифом «с. секретно». На трех страницах убористой машинописи излагалась предыстория вопроса и принятые ранее «решения ЦК» (т. е. Политбюро), новые обстоятельства, цели предлагаемой акции, доводы оппонентов вносимого предложения, пояснение о практических шагах, которые повлечет его принятие и, наконец, проект постановления Политбюро⁸⁴.

⁷⁹ См. проведенный Н.Н. Покровским анализ «следов внутренней борьбы при постепенной выработке решения Политбюро» (Н.Н. Покровский. Указ соч. С. 26–28).

⁸⁰ Постановление Политбюро о материалах к заседаниям ПБ, 5.10.1929//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 23. Ранее действовало правило представления письменных материалов не позднее, чем за три дня до очередного заседания.

⁸¹ Постановление Политбюро о порядке представления материалов к заседаниям Политбюро, 5.11.1931// Там же. С.24.

⁸² Постановление Политбюро о порядке представления материалов к заседаниям Политбюро, 15.11.1931// Там же.

⁸³ Постановление Политбюро о материалах к заседаниям Политбюро, 5.10.1929; Постановление Политбюро о материалах к заседаниям Политбюро, 5.9.1930// Там же. С.23. Единственный выявленный случай рассмотрения на заседании Политбюро устного запроса НКВД отразился в постановлении «О Турции»: «Предложения т. Карахана принять, поручив ему представить их в письменной форме» (Протокол № 47 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.7.1931, п. 25. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 106.

⁸⁴ Записка А.И. Криницкого в Политбюро ЦК ВКП(б), 29.5.1929 (копия, экземпляр № 29). – АВР РФ. Ф. 0122. Оп. 13. П. 145. Д. 9. Л. 91–99. О содержании документа см. решение «О съезде поляков, проживающих за границей» от 30.5.1929

Изучение около ста записок такого рода (исходивших, по большей части, из НКИД, а также из НКВТ, НКВМ и НКЛеса) позволяет утверждать, что обычно руководители ведомств ориентировались на стереотипную структуру обращения в Политбюро, прослеживаемую в записке Криницкого. Вместе с тем, в резолютивной части документа учитывался стиль постановлений Политбюро, их тяготение к односложности; этим, надо полагать, в значительной мере объясняется частое отсутствие проектов решения в составе «письменных материалов», особенно когда оно «напрашивалось»⁸⁵. Применительно к вопросам, инициировавшимся НКИД, порядок часто не соблюдался, в особенности, когда записки в Политбюро исходили от М.М. Литвинова. Так, в письме (на полутора страницах) секретарю ЦК ВКП(б) Л.М. Кагановичу 19 сентября 1933 г. он предложил Политбюро принять постановление по двум вопросам (лишь отчасти связанным между собой) – о целесообразности заключения пакта о ненападении между СССР и Грецией и об отношении СССР к многостороннему договору ненападения с участием Турции, Персии, Ирака и Великобритании (Саадабский пакт). Литвинов не только не предложил формального проекта решения, но и уклонился от изложения сути вопроса, сославшись на то, что она известна адресату «из шифровок»⁸⁶. Двумя днями позже М.М. Литвинов направил Кагановичу записку «О воздушной линии Варшава – Москва», которая, несмотря на отсутствие проекта постановления, в целом соответствовала стандартной форме вносимых в Политбюро материалов. По всей вероятности, структурные и стилистические различия записок-предложений в Политбюро объяснялись не столько авторством, сколько кругом их адресатов. Если первый из названных документов был посвящен политико-дипломатическим вопросам, находившимся в исключительной компетенции НКИД, и потому мог быть санкционирован руководством Политбюро (например, путем проведения опроса членов Политбюро) без заслушивания иных мнений, то второй материал имел межведомственное значение, и его рассылка была произведена в тринадцать экземплярах – всем членам Политбюро, Тухачевскому и Алкснису (НКВМ), Ягоде (ОГПУ)⁸⁷.

Как явствует из приведенных примеров, адресация и рассылка инициативных документов, требовавших решения Политбюро, в рассматриваемый период варьировались в широких пределах. Если записка Криницкого 1929 г. была адресована «в Политбюро» и первоначально изготовлена в небольшом количестве экземпляров, а затем с нее было отпечатано не менее 29 копий, то подавляющая часть известных нам аналогичных документов НКИД (1931–1934) была составлена на имя Генерального секретаря ЦК ВКП(б) либо (во время его продолжительных летних отпусков) Секретаря ЦК Л.М. Кагановича, иногда с дополнительным персонализированным указанием «копия тов. Молотову», «копия тов. Кагановичу». Более полная информация о получателях обращения указывалась в столбце рассылки. Если поднимаемый вопрос требовал межведомственного согласования (или ставился после его достижения), записка направлялась также руководителю соответствующего государственного органа⁸⁸. В некоторых случаях записки также адресовались Е.М. Ярославскому, являвшемуся представителем Президиума ЦКК на заседаниях Политбюро, однако установить, стало ли это обычной процедурой, не удалось. Два экземпляра записки в Политбюро почти во всех случаях направлялись Сталину вероятно, для личного пользования и для приобщения к тематическим делам архива ПБ (в случае отсутствия Сталина, в качестве получателя иногда указывался А.Н. Поскребы-

(раздел 2).

⁸⁵ См., например, обращение и.о. наркома по иностранным делам с просьбой санкционировать обмен сведениями о вооружениях с Финляндией (Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 3.9.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 5).

⁸⁶ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу, 19.9.1933. – РГАСПИ. Ф. 81. Оп. 3. Д. 254. Л. 149–150.

⁸⁷ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу, 21.9.1933. – РГВА. Ф. 37977. Оп. 3. Д. 658. Л. 72–73.

⁸⁸ Так, один из экземпляров записки Н.Н. Крестинского И.В. Сталину относительно ликвидации задолженности наркомата путей сообщения польским железным дорогам (от 9.5.1932) был направлен А.А. Андрееву, причем именно как руководителю НКПС, а не члену ПБ (которым Андреев являлся с февраля 1932 г.) (АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 64. Л. 105–104).

шев). Возможно, в большинстве случаев не формальная адресация и даже не общее количество копий, а указание в перечне рассылки числа копий, предназначенных для сталинской канцелярии, является показателем того, предполагал ли отправитель, что записка станет предметом официального решения Политбюро (а не является лишь информационным сообщением либо запросом к Генеральному секретарю о его личной санкции по тому или иному делу)⁸⁹. Возможно, это объяснялось тем, что в записке предлагалось срочно созвать заседание комиссии Политбюро (в которую вошли Сталин, Молотов, Литвинов и Стомоняков), и одна копия документа НКВД предназначалась для соответствующего делопроизводства. Кроме того, записки в Политбюро по вопросам, имевшим широкое международно-дипломатическое значение, или же направляемые по официальному заключению Коллегии НКВД, сообщались в копиях ее членам (с указанием об этом в заголовке или, чаще, в рассылке). Например, документ 1931 г. об обмене сведениями о состоянии вооруженных сил, адресованный Сталину (находившемуся в Сочи) и в копии членам Политбюро, был изготовлен в НКВД в девятнадцати экземплярах, из которых два были посланы Сталину, двенадцать – другим членам и кандидатам в члены ПБ, а остальные пять переданы в Секретариаты членов Коллегии и общее делопроизводство наркомата по иностранным делам⁹⁰.

Эти наблюдения являются лишь попыткой наметить некоторые характерные черты структуры, оформления и рассылки инициативных записок по внешнеполитическим делам. Трудность заключается не только в сравнительной узости использованной источниковой базы, но и в чрезвычайном разнообразии такой документации, даже исходящей из одного ведомства. В рамки сделанных замечаний не укладывается, например, подробная записка, включающая раздел «НКВД просит ПБ» (т. е. проект постановления), направленная Крестинский Секретарю ЦК Кагановичу для получения санкции на обмен политзаключенными с Польшей⁹¹. В документе упоминаются переговоры НКВД с ОГПУ и Представительством ЦК КПП в Москве, однако ни Менжинскому, ни представителю ИККИ в ПБ ЦК ВКП(б) Мануильскому, ни, наконец, самим членам Политбюро копии направлены не были. Их получили лишь сам Каганович (два экземпляра), члены Коллегии⁹² НКВД Карахан и Стомоняков; официально информировать наркома (находившегося в Женеве) и Генерального секретаря (пребывавшего в Сочи) Крестинский как будто не намеревался. Не исключено, разумеется, что и.о. наркома действовал таким образом в расчете, что при необходимости Каганович сам распорядится о снятии копий для членов Политбюро и других причастных к этому делу лиц (такая необходимость, несомненно, возникла – вопрос окончательно решился на заседании Политбюро 1 августа 1932 г. В августе 1931 г. тот же Крестинский адресовал свою записку «В Политбюро ЦК ВКП(б) тов. Кагановичу» направил ему два экземпляра, а третий передал «Литвинову-Кара-

⁸⁹ См., например: Записка Б.С. Стомонякова И.В. Сталину (копия В.Р. Менжинскому), 14.5.1932, «В. Срочно». – Там же. Ф. 09. Оп. 7. П. 35. Д. 5. Л. 41. Документ был изготовлен в трех экземплярах и был посвящен новым предложениям польской миссии относительно персонального обмена политзаключенных, решение по которому Политбюро приняло спустя два с половиной месяца. Другим примером являются записки Крестинского Сталину от 21, 22, 23 июля 1931 г. о различных аспектах «дела Богового» (Там же. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 185–187, 175–179). Хотя оно вскоре стало предметом обсуждения на двух заседаниях Политбюро (см. решения «О Польше» от 25.7.1931 (раздел 1) и «О т. Боговом» от 5.8.1931 (раздел 4, заместитель наркома не намеревался информировать об этом других членов Политбюро и направлял Сталину один экземпляр (письмо от 22 июля дополнительно помечено «лично», хотя копия его была передана Литвинову). Парадоксально, что, по всей вероятности, именно предложения, содержащиеся в этом «личном» письме, стали тремя днями позже официальной основой решения Политбюро «принять предложение НКВД». С другой стороны, записка Литвинова Сталину (от 2.1.1932) о необходимости выработки директив для переговоров с Румынией была направлена ему в двух экземплярах (один был направлен Стомонякову) (АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П. 35. Д. 5. Л. 1).

⁹⁰ Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину (копии членам ПБ), 1.8.1931 (экземпляр Н.Н. Крестинского). – Там же. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 759–760.)

⁹¹ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 15.7.1932. – Там же. Л. 237–234.

⁹² См. решение «О Польше» от 1.8.1931 (раздел 1).

хану»⁹³, через четыре дня аналогичная записка была изготовлена Секретариатом Крестинского в шести экземплярах и вместо сведений о рассылке сообщала «копии чл. Коллегии». Вопреки обыкновению документ имел гриф «секретно» (а не «сов. секретно») ⁹⁴. Иногда авторы записок передавали «коммунистический» или «товарищеский» привет членам Политбюро, порой ограничивались подписью. Видимое отсутствие стандартизации рабочих процедур (адресации, оформления и рассылки письменных материалов в Политбюро) делает опрометчивым любое определенное суждение об их эволюции. Тем не менее, общая тенденция несомненно состояла в постепенном сужении прямой коммуникации между органами, выступающими инициаторами решений по международным делам, и Политбюро как совокупностью его индивидуальных членов, в сосредоточении информации и запросов по внешнеполитическим вопросам в руках Сталина, Кагановича, Молотова и, в меньшей степени, Ворошилова.

Подобное явление в общих чертах обнаруживается и при рассмотрении другой группы обращений к «сессии» – писем, инициативных записок и докладов в Политбюро, поступавшим от полномочных представителей СССР за границей. Некоторые из них являлись в недавнем прошлом крупными партийными работниками либо личными друзьями и приближенными членов Политбюро, что в сочетании с неясностью фактического статуса Литвинова в партийном руководстве и недавним оппозиционным прошлым его первого заместителя (Крестинского) создавало благоприятный фон для вынесения разногласий за пределы ведомства, хотя и в масштабах более скромных, нежели в начале 20-х гг. Считавший себя самостоятельным «пролетарским иностранным политиком» (и ведший интенсивную частную переписку с К.Е. Ворошиловым), полпред в Праге А.Я. Аросев неоднократно жаловался патрону на НКВД и всеми силами стремился попасть в поле зрения Политбюро. «Ведомство не хочет, чтобы полпред имел возможность непосредственно сноситься с П. Б. или его членами, – писал Аросев Сталину после аудиенции у него. – Ведомство хочет, чтобы на всех постах стояли его чиновники»⁹⁵. Отношение руководителей Политбюро к непосредственным рабочим контактам с полпредами было двусмысленным. Сталин, с одной стороны, «неоднократно упрекал» Литвинова за то, что он «не пользуется своим авторитетом Наркома в своих сношениях с Полпредами», с другой – в некоторых случаях поощрял прямые связи между «инстанцией» с тем или иным полпредом, демонстрируя внимание к его соображениям или даже «всецело решая спор в его пользу»⁹⁶. При возникновении разногласий с наркомом или Коллегией НКВД, полпреды (в исключительных случаях – и советники полпредств) заявляли настоятельные пожелания о передаче дела в «сессию» вместе с копиями относящихся к нему писем и телеграмм либо сами направляли туда копии исходящих документов. «Копию направляю в Сессию», – заключал, например, В.А. Антонов-Овсеенко письмо в НКВД с доказательствами того, что «мы оказались несозревшими к сближению с Польшей»⁹⁷. Нередко членам Политбюро адресовались специальные письма, записки и доклады полпредов.

⁹³ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 29.8.1931. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 661–665.

⁹⁴ Записка Н.Н. Крестинского Л.М. Кагановичу, 2.9.1931. – Там же. Л. 656–659.

⁹⁵ Личное письмо А.Я. Аросева И.В. Сталину, 3.3.1934 (копия). – РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 96. Л. 118.

⁹⁶ Протокол № 152 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.1.1934, п. 49/30 (Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, 22.12.1933). – Там же. Ф. 17. Оп. 163. Д. 998. Л. 101–102. Несмотря на высказанные в записке упрёки и подробную деловую мотивацию, Сталин (и вслед за ним другие члены ПБ) отказались пересмотреть принятое по инициативе Трояновского постановление о назначении персонала в полпредство СССР в Вашингтоне. «Могу согласиться на отмену решения лишь в отношении Ромма», – гласила резолюция Сталина, под которой подписались также Каганович, Молотов, Ворошилов (согласие остальных было получено опросом. (Там же. Л. 101).

⁹⁷ Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Б.С. Стомонякову, 20.7.1933. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 17. П. 164. Д. 3. Л. 147–143. Указание «копия в сессию» в адресации (или столбце рассылки) письма полпреда не всегда означало, что оно направлялось непосредственно в ЦК ВКП(б). На оформленном таким образом письме из Варшавы замнаркому, например, пришлось сделать помету: «Кагановичу, копии Сталину, Постышеву и Ежову» (Письмо В.А. Антонова-Овсеенко Н.Н. Крестинскому и Б.С. Стомонякову (копия «в сессию»), 1.3.1932. – Там же. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 64. Л. 10). Вместе с тем неясно, что в каждом конкретном случае означало выражение «Сессия» – Секретариат, Оргбюро или Политбюро ЦК ВКП(б). Известен, по крайней

Обращения полпредов зачастую вызывались кадровыми вопросами или носили личный характер⁹⁸, однако в большинстве выявленных случаев касались общих проблем взаимоотношений с отдельными странами или даже советской внешнеполитической стратегии. В декабре 1928 г., «узнав об образовании комиссии Политбюро по вопросу о военном сотрудничестве с немцами», полпред Крестинский направил Сталину, Ворошилову и Литвинову «подробное письмо, в котором изложил свой взгляд на это сотрудничество, высказываясь, в общем, за сохранение и дальнейшее его развитие». Полгода спустя, в письме Ворошилову он подверг критике «целый ряд посылок, из которых делаются те или иные заключения», и предложил свое видение общемировой ситуации (от англо-американских отношений НО положения на Дальнем Востоке)⁹⁹. Его преемник Л.М. Хинчук летом 1933 г. направил Л. М. Кагановичу письмо (в единственном экземпляре) о положении в Германии и советско-германских отношениях, главным образом для того, чтобы предостеречь Политбюро: «... сближаясь с Францией, Польшей и другими государствами, не следует прежде времени сбрасывать маску и начинать безудержную антигерманскую кампанию»¹⁰⁰. Примером обращения к руководству Политбюро с инициативным проектом является предложение полпреда в Праге организовать «Институт советской культуры» в Европе¹⁰¹.

Наряду с письмами и инициативными записками в «инстанцию», известны факты представления полпредами специальных докладов по поступавшим из Кремля запросам. Так, летом 1931 г. полпред в Хельсинки И.М. Майский направил Генеральному секретарю подготовленный по его указанию обширный доклад о деле Сурена Ерзинкяна (торгпреда-растратчика и невозвращенца, близкого А.И. Микояну)¹⁰². Письмо-доклад могло быть написано по следам беседы полпреда с руководящим деятелем ЦК. «Дорогой Николай Иванович! В разговоре со мной Вы под конец сказали, чтобы я изложенное мною устно коротко сформулировал на бумаге, для того, чтобы можно было потом проверить, что и как из отмеченного мною поддается практическому осуществлению», – начинал свой доклад Ежову полпред в Чехословакии С.С. Александровский¹⁰³. Призывы Александровского к активизации советской политики в Центральной Европе (1935–1936) встречали понимание руководителей НКВД, которые передавали в Политбюро его доклады и соображения, сопровождая их собственными комментариями¹⁰⁴.

мере, один случай, когда экземпляр политписьма был направлен заведующему Бюро международной информации ЦК ВКП(б), явно в расчете на то, что через К. Радека оно быстрее достигнет Генерального секретаря, чем через заведующего Секретным отделом ЦК ВКП(б) А.Н. Поскребышева (Письмо В.А. Антонова-Овсеевко Б.С. Стомонякову, 28.7.1933. – Там же. Ф. 0122. Оп. 17. П. 164. Д. 3. Л. 152–148).

⁹⁸ В этом случае полпреды и советники чаще адресовались к секретарям ЦК ВКП(б), руководившим работой Оргбюро и Секретариата ЦК (Постышеву, Кагановичу, позднее Ежову). См., например: Письмо И.М. Майского Л.М. Кагановичу, 24.11.1930. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 4. Д. 79. Л. 69–70 (об оставлении на своем посту торгпреда Давыдова).

⁹⁹ Письмо Н.Н. Крестинского К.Е. Ворошилову (копии Я.К. Берзину, Б.С. Стомонякову), 21.7.1929. – РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 100. Л. 163–167. Адресацию своего второго письма полпред объяснил следующим образом: «У меня есть потребность вновь высказаться по вопросу о сотрудничестве применительно к сегодняшней политической обстановке. Но так как вопрос не вышел еще из пределов военного ведомства и, может быть, будет решен без инстанции, то я не направляю моего письма т. Сталину, а пишу лишь Вам с посылкой копий в НКВД т. Стомонякову и т. Берзину, которому непосредственно подведомственны сношения между Красной Армией и Рейхсвером» (РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 100. Л. 163 об.).

¹⁰⁰ Письмо Л. М. Хинчука Л.М. Кагановичу, 7.7.1933. – Там же. Ф. 17. Оп. 120. Д. 107. Л. 84–87.

¹⁰¹ Записка А.Я. Аросева И.В. Сталину, В.М. Молотову, Л.М. Кагановичу, 14.8.1932. – Там же. Д. 43. Л. 5–6.

¹⁰² Доклад И.М. Майского И.В. Сталину, 20.8.1931 («лично»). – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 101. Л. 1–24.

¹⁰³ Доклад С.С. Александровского Н.И. Ежову, 31.3.1936 (копия). – Там же. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 118. Л. 31. Содержание цитируемого документа подтверждает вывод о том, что «не входя формально даже в состав Политбюро, Ежов принимал активное участие в его работе» (О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С. 161).

¹⁰⁴ См.: Сопроводительная записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину (копии К.Е. Ворошилову, Л.М. Кагановичу, Г.К. Орджоникидзе, В.Я. Чубарю), 2.8.[1936]. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 11. П. 77. Д. 118. Л. 58; Письмо Н.Н. Крестинского С.С. Александровскому, 26.9. 1936 («только лично»). – Там же. Л. 74.

Объем и характер освоенных источников недостаточны для суждения о том, в какой мере предложения и информация, поступавшие от советских представительств за рубежом, влияли на образ действий Политбюро. Однако лишь небольшая часть таких обращений послужила непосредственным поводом для принятия постановлений. В представленной выборке имеются четыре решения Политбюро, применительно к которым можно говорить об этом с большой долей уверенности. Политбюро согласилось с одним таким предложением (в формулировке НКВД)¹⁰⁵, заслушало полпреда и торгпреда наряду с другими докладчиками¹⁰⁶, «сняло вопрос», поднятый НКВД по настоянию полпреда¹⁰⁷, подтвердило правильность директивы НКВД полпреду, апеллировавшему «в сессию»¹⁰⁸. Общий расклад, таким образом, оказывался не в пользу инициативы с мест. Судя по имеющимся материалам, в конце 20-х – первой половине 30-х гг. Политбюро было склонно считаться с настояниями лишь немногих, влиятельных полпредов (Антонова-Овсенко, Довгалецкого, Сурица, Трояновского), предпочитая работать в тесном контакте с руководством наркомата по иностранным делам.

Формирование повестки Политбюро. Возможность внесения в Политбюро практически неограниченного количества представлений по крупным и частным вопросам, множественность органов и лиц, имевших право (или претендовавших на него) обращаться к высшему органу, придавали большую значимость формированию повестки Политбюро.

При рассмотрении запросов по международно-политическим делам руководство Политбюро учитывало невозможность соблюдения ригористических норм заблаговременного представления письменных материалов и нередко шло навстречу НКВД. В ходе советско-латвийских переговоров о пакте ненападения (Рига, январь 1932 г.) руководитель делегации Стомоняков запросил разрешение отступить от намеченной линии в пользу некоторых уступок латышам. Исполняющий обязанности наркома обратился к Сталину с запиской, указав на желательность «разрешить вопрос сегодня»¹⁰⁹. Предложение НКВД было включено в повестку дня состоявшегося в тот день заседания Политбюро (окончательного решения, впрочем, принято не было)¹¹⁰.

Судьба обращений, поступивших в Политбюро, но не подвергнутых его обсуждению, могла быть различной. Так, в июле 1933 г. замнаркома Н.Н. Крестинский направил записку руководителям Политбюро, в которой сообщал о переговорах НКВД с чехословацкой миссией в Москве по поводу перезахоронения останков двух легионеров, погибших во время гражданской войны в России. НКВД потребовал и получил письменные гарантии, что эта акция не будет использована чехословацкой стороной в политических целях. Коллегия НКВД считала возможным удовлетворить просьбу о проведении эксгумации в Челябинске и отклонить дополнительное обращение аналогичного характера. В соответствии с процедурой, к записке Крестинского был приложен проект постановления Политбюро. Тремя днями позже «т. Поскребышев сообщил, что т.т. Сталин и Молотов за принятие предлож[ения] НКВД». После звонка Поскребышева Крестинский дал указания заведующему 2-м Западным отделом об исполнении принятого решения¹¹¹. Таким образом, хотя запрос был оформлен в соответствии с требованиями, предъявляемыми к документам, поступавшим в Политбюро, принятие решения не потребовало ни проведения опроса его членов, ни записи в протоколе. Другой – диаметрально противоположный – вариант реагирования на постановку перед Политбюро вопросов по внеш-

¹⁰⁵ См. решение «Предложение т. Антонова-Овсенко» от 12.8.1929 (раздел 1).

¹⁰⁶ См. решение «О Литве» от 23.5.1929 (раздел 1).

¹⁰⁷ См. решение «О Чехо-Словакии» от 10.5.1931 (раздел 1).

¹⁰⁸ См. решение «О Польше» от 25.1.1930 (раздел 1).

¹⁰⁹ Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину, 28.01.1932. – АВП РФ. Ф. 09. Оп. 7. П. 55. Д 5. Л. 2–4.

¹¹⁰ См. решение «О Латвии» от 28.1.1932 (раздел 1).

¹¹¹ Записка Н.Н. Крестинского И.В. Сталину, 5.7.1933 (с пометами Крестинского). – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 33. Д. 99. Л. 2–4.

неполитическим делам освещает документ наркома М.М. Литвинова от 13 мая 1934 г.¹¹² Оно открывалось заявлением о том, что после продления советско-польского пакта о ненападении НКВД считал целесообразным «рассмотреть и принять решения по всем конкретным вопросам политических, экономических и культурных отношений между СССР и Польшей, которые были поставлены за последний год польским правительством или по инициативе НКВД и по тем или иным причинам не получили еще конкретного разрешения». Литвинов перечислял 11 конкретных вопросов. Один из них (о заключении торгового договора) был поставлен НКВД еще 26 июня 1933 г. в письме Б.С. Стомонякова, после которого последовало еще несколько обращений в Политбюро по этому же вопросу (последним было письмо Литвинова от 16 марта 1934 г.). Просьба разрешить совместную разработку находящихся в советских архивах документов по истории Польши была сформулирована в записке наркома от 5 октября 1933 г. По двум иным, сравнительно мелким, вопросам Литвинов писал в Политбюро 7 апреля 1934 г.¹¹³ Как показывает сопоставление списка перечисленных Литвиновым вопросов с протоколами Политбюро и дипломатической переписки, в последующем в Политбюро был поставлен и разрешен только один (самый малозначительный)¹¹⁴. В других случаях повторное внесение вопроса в Политбюро приводило к принятию им соответствующего постановления (например, о соглашении с Мемельским лесным синдикатом)¹¹⁵.

Таким образом, на стадии формирования перечня вопросов, подлежащих рассмотрению Политбюро, могли быть приняты следующие возможные решения: 1) оперативное удовлетворение запроса ведомства руководящими членами Политбюро без внесения в повестку дня, коллективного обсуждения и проведения голосования в Политбюро; 2) внесение предложения в повестку дня заседания (либо в список вопросов, подлежащих утверждению Политбюро иными путями); 3) откладывание дела на неопределенный срок с последующим включением его в повестку Политбюро (под влиянием заинтересованных органов либо изменившихся обстоятельств); и 4) фактический отказ в рассмотрении поставленного вопроса и принятии по нему какого-либо решения. Кроме того, сроки рассмотрения внесенного предложения иногда оказывались в зависимости от его порядкового номера в повестке дня заседания¹¹⁶.

Полномочия на формирование повестки Политбюро предоставляли их обладателю исключительное влияние. При распределении обязанностей между Секретарями ЦК ВКП(б) после XIV съезда Политбюро возложило на Сталина, наряду с другими делами, «подготовку вопросов к заседанию Политбюро». Весной 1927 г., по настоянию Генерального секретаря, Секретариат и Оргбюро распределили эти обязанности (как и общее наблюдение и контроль) по ведомственному признаку между несколькими секретарями ЦК. Поэтому с мая 1927 г. по январь 1930 г. Сталин отвечал за наблюдение за работой и исполнением директив партии в

¹¹² Записка М.М. Литвинова [И.В. Сталину(?)], 13.5.1934. – Там же. Ф. 05. Оп. 14. П. 99. Д. 61. Л. 69–72. Адресация записки Генеральному секретарю ЦК ВКП(б) устанавливается из содержания и представляется несомненной, хотя имя адресата и сведения о рассылке из доступного экземпляра вырезаны.

¹¹³ Относительно других перечисленных в письме Литвинова сюжетов данные о сроках и форме обращения в Политбюро отсутствуют.

¹¹⁴ См. решение «О мото-велопробеге польских спортсменов» от 8.6.1934 (раздел 1).

¹¹⁵ См.: Письмо Б.С. Стомонякова М.А. Карскому, 27.6.1933. – АВП РФ. Ф. 0151. Оп. 23. П. 46. Д. 3. Л. 64.

¹¹⁶ «Надеялся сегодня быть в состоянии сообщить Вам, что имеющийся у Вас проект директивы [о заключении таможенного соглашения с Германией] правительством утвержден, – писал замнаркома полпреду в Берлине 16 декабря 1930 г., – Однако оказалось, что вчера вся повестка исчерпана не была, и целый ряд вопросов, в том числе и этот, отложен до следующего заседания... Вы не можете еще предложить начать официальные переговоры» (Письмо Н.Н. Крестинского Л.М. Хинчуку, 16.12.1930. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 2. Д. 38. Л. 178). Существо controversy сводилось к тому, что в начале декабря Политбюро оказалось перегружено делами: вне очереди были проведены «экстренное» (о приговоре «вредителям группы Рамзина», 6 декабря) и короткое «обычное» (14 декабря) заседания. Большая часть повестки дня была перенесена на 15 декабря, но начать заседание было решено в 8 часов вечера (См.: Хроника заседаний Политбюро//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 193–194). В результате Политбюро рассмотрело вопрос о таможенном соглашении на своем следующем заседании (25 декабря) и решило сдать его в комиссию, которая собралась лишь после Нового года.

НКВД, НКВМ, ОГПУ, НКФ и в банках, а также ИККИ, т. е. практически во всех органах (кроме Наркомторга), связанных с определением внешней политики СССР. 26 января 1930 г. «в связи с реорганизацией аппарата ЦК», Оргбюро расширило полномочия Сталина по определению повестки, «оставив» за ним «подготовку вопросов к заседаниям ПБ и общее руководство работой Секретариата в целом»¹¹⁷. Наконец, 4 июня 1934 г. постановлением Политбюро о «распределении работы и наблюдении секретарей ЦК за отделами ЦК ВКП(б)», к Сталину были приписаны «1) Культпроп, 2) Особый Сектор, 3) Политбюро ЦК» (Кагановичу (в числе других) – Оргбюро ЦК, а Жданову – Секретариат ЦК)¹¹⁸. Наряду со Сталиным важную роль в этом процессе играл Молотов. 3-м вице-президентом правительства в декабре 1930 г., в связи со сменой главы правительства и реорганизацией работы высших государственных органов СССР, по инициативе Сталина было решено «поручить составление повестки заседаний Политбюро секретариату ЦК совместно с т. Молотовым»¹¹⁹. Неясно, как долго продолжал действовать установленный им порядок, и выражало ли это постановление лишь намерение установить тесную смычку в работе ПБ ЦК ВКП(б) и СНК СССР, или являлось «утешительным призом» бывшему Секретарю ЦК. Эти официальные решения также обходят молчанием процедуру составления повестки Политбюро. Несомненно, что голос Сталина обладал особым весом, однако неясно, приходилось ли его вообще подавать при утверждении повестки (как это практиковалось секретарями ЦК перед заседаниями Оргбюро), или Генеральный секретарь был наделен правом единолично либо вместе с Председателем СНК СССР определять круг, сроки и способ рассмотрения дел, которые предстояло решить Политбюро. Постановление Политбюро от 29 мая 1932 г. гласило: «Составление повесток Политбюро приурочить к закрытым заседаниям Политбюро»¹²⁰. Это указание можно интерпретировать и как подтверждение того, что по повестке ПБ проводилось предварительное голосование его членов, так и свидетельство о консультативном характере обсуждения таких повесток. Другое решение 1932 г. содержит упоминание о том, что «проекты повесток заседаний Политбюро» представлялись Секретариатом ЦК¹²¹. Из этих свидетельств трудно уяснить, рассматривались ли понятия «повестка ПБ» и «повестка заседаний ПБ» как идентичные, и если да, то в каком порядке определялся перечень вопросов, которые Политбюро решало между своими заседаниями. Наконец, некоторое влияние на определение судьбы поступивших в Политбюро запросов могли оказывать процедуры их обработки в Секретном отделе ЦК, который к тому же организовывал голосование опросом. По всей видимости, в конце 20-х – первой половине 30-х гг. повестки заседаний обычно формировались с учетом мнений секретарей ЦК и членов ПБ, а перечень вопросов голосуемых заочно, – Генеральным секретарем (или заменяющим его Секретарем ЦК)¹²². В любом случае, с середины 1920-х Сталин неизменно располагал полномочиями «неполитического» характера, включая руководство Секретариатом и Секретным отделом ЦК, позволявшими контролировать внесение в повестку

¹¹⁷ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) о распределении обязанностей между секретарями ЦК от 26.1.1930 [с примечаниями]//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 112–113).

¹¹⁸ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о распределении обязанностей между секретарями ЦК от 4.6.1934//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С.141.

¹¹⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) о заседаниях Политбюро от 30.12.1930//Там же. С.180–181.

¹²⁰ Постановление Политбюро о повестках Политбюро от 29.5.1932//Там же. С. 24–25.

¹²¹ Постановление Политбюро о повестках заседаний Политбюро от 1.9.1932//Там же. С.25. См. также письмо И.В. Сталина Г.Л. Пятакову (13 июля 1926 г.), в котором упоминается получение «Секретариатом ЦК» предложений и просьбы «поставить вопрос на ближайшем заседании Политбюро». «Считая этот вопрос вполне назревшим, Секретариат решил поставить его на ближайшем после Пленума заседании ПБ» (А.В. Квашонкин и др. (сост.). Большевицкое руководство: Переписка. 1912–1927: Сб. документов. М., 1996. С.335).

¹²² В пользу такого предположения говорит, например, адресация (в копиях) членам Политбюро просьбы члена Коллегии НКВД «ускорить решение по вопросу», поставленной в его записке в Политбюро десятью днями ранее, но не включенного в повестку дня (Записка Л.М. Карахана И.В. Сталину (копии – членам Политбюро, членам Коллегии НКВД, Я.Б. Гамарнику), 4.8.1931. – РГВА. Ф. 09. Оп. 29. Д. 102. Л. 20).

Политбюро подавляющего большинства вопросов международной политики Советского Союза и уже в силу этого влиять на их судьбу.

Способы принятия решений Политбюро. Акт принятия решения. – важнейший этап многоступенчатой процедуры выработки директивы, «действие», «в результате которого разнородных мнений и подходов нескольких человек пресуществляется в непререкаемую и непогрешимую волю партии»¹²³, – приобретал разнообразный облик, в зависимости от того, принималось ли оно в рамках повестки заседания, путем опроса членов Политбюро, или в форме «решения Политбюро».

Принятие постановлений на заседаниях Политбюро первоначально являлось преобладающей практикой. Наряду с обычными заседаниями, для рассмотрения отдельных особо важных вопросов (например, о контрольных цифрах на очередной хозяйственный год, состоянии железнодорожного транспорта) иногда проводились «специальные» заседания Политбюро; например, в декабре 1930 г. состоялось его «экстренное» заседание для принятия «предложения Комиссии ЦК» «о приговоре по делу вредителей группы Рамзина»¹²⁴. Однако по внешнеполитическим вопросам подобных «экстренных» или «специальных» заседаний начиная с 1927 г. не созывалось, что позволяет нам сосредоточиться исключительно на «обычных» заседаниях этого органа. Во второй половине 1920-х гг. заседания Политбюро проводились один раз в неделю (по четвергам). В связи с введением в СССР непрерывной рабочей недели, Политбюро 30 сентября 1929 г. постановило «установить с 1 октября периодичность заседаний органов ЦК в десять дней», вслед за этим, днями заседаний Политбюро были назначены 5, 15 и 25-е числа каждого месяца¹²⁵. Секретариат ЦК должен был заседать на следующий день после очередного заседания Политбюро, а Оргбюро – по 10, 20 и 30-м числам. Несмотря на лихорадочную обстановку рубежа 1929–1930 гг., этот ритм строго поддерживался (так, за первую половину 1930 г. Политбюро «XV созыва» внесло лишь одно изменение в график проведения заседаний). Со второй половины мая до декабря 1931 г. регулярные заседания ПБ проводились вдвое чаще (как правило – 5, 10, 15, 20, 25 и 30-го числа каждого месяца). На протяжении этого полугодия было проведено 38 заседаний (включая внеочередные). 25 ноября 1931 г. Политбюро рассмотрело внесенное Куйбышевым и Кагановичем предложение о новом расписании заседаний Политбюро, Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б), а также СНК СССР и Совета труда и обороны. Было решено, что начиная с 1 декабря 1931 г. Оргбюро и Совнарком проводят свои заседания два раза, СТО – три раза, а Политбюро и Секретариат ЦК – четыре раза в месяц. Устанавливалось, что заседания Политбюро проходят с 2 часов дня 1, 8, 16 и 23-го числа месяца¹²⁶. Таким образом, Политбюро вернулось к недельной периодичности заседаний, характерной для 20-х гг. Она фактически соблюдалась, как показывает составленная коллективом историков и архивистов «Хроника заседаний Политбюро», до начала 1933 г. Переносы и отмены заседаний специальными решениями Политбюро привели к тому, что в январе-феврале 1933 г. оно заседало всего три раза; в марте и апреле было проведено по три заседания, в мае – одно. В конце апреля Политбюро постановило проводить заседания три раза в месяц (5, 15 и 25-го числа)¹²⁷, т. е. вернуться к графику конца 1929 – начала 1931 г. Это решение осталось мертвой буквой. С июня 1933 г. ПБ стало проводить заседания, как правило, два раза в месяц, обычно отсчитывая две недели от даты последнего заседания (даже если оно про-

¹²³ Н.Н. Покровский. Указ. соч. С.28.

¹²⁴ Протокол № 18 экстренного заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 6.12.1930. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 807. Л. 1.

¹²⁵ Протокол № 101 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 5.10.29, п. 31, 70. – Там же. Д. 761. Л. 7.

¹²⁶ Протокол № 77 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.11.1931. – РГАСПИ. Ф. 13. Оп. 3. Д. 862. Л. 2. «Формально закрытые заседания Политбюро в этом постановлении не упоминались. Однако, как свидетельствуют протоколы, закрытые заседания проводились 1 и 16 числа, а очередные 8 и 23 числа каждого месяца» (О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С.64).

¹²⁷ Протокол № 136 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 23.4.1933, п. 1. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 921. Л. 1.

дилось с запозданием на несколько дней). Новый сезон летних отпусков принес перемены¹²⁸: отныне заседания созывались один, изредка – два раза в месяц (восемь заседаний за вторую половину 1934 г., двадцать пять заседаний в 1935–1936 гг.). Протоколы весны-лета 1937 г. обозначают агонию заседаний Политбюро как нормального института принятия решений. В апреле состоялось два заседания, в июне, после двухмесячного перерыва, – еще два. За последующие три с половиной года (середина 1937 – конец 1940 г.) встречи членов Политбюро, зафиксированные в протоколах в качестве его «заседаний», состоялись всего девять раз, т. е. столько же, сколько за полтора месяца осени 1931 г. Эта динамика указывает на внутренние изменения в процедурах и содержании работы Политбюро на протяжении 30-х гг. и на рискovanность экстраполирования имеющейся отрывочной информации и наблюдений за пределы узких временных рамок.

Обстановку, в которой проходили заседания Политбюро, кратко воспроизводит в своих воспоминаниях ответственный секретарь «Известий» И.М. Гронский, присутствовавший на большинстве из них в 1929–1934 гг. Политбюро собиралось в Кремле в 11 часов утра, «заседания, как правило, продолжались до 7 часов вечера с одним перерывом на 15–20 минут». «Все докладчики ждут в секретариате – небольшой комнате рядом с залом заседаний. Когда подходила очередь – докладчика вызывали». В конце 20-х гг. (до октября 1929 г.) на заседаниях Политбюро председательствовал А.И. Рыков. Позднее заседания вел Молотов¹²⁹, который при обсуждении всегда объявлял, что «слово имеет товарищ Сталин». Сталин располагался на другом конце стола от того места, где находился председательствующий и рядом с которым, стоя, выступал очередной докладчик. «Чуть поодаль, за столом со множеством телефонов, сидела девушка – стенографистка, горбунья, абсолютно бессловесное создание»¹³⁰. Судя по протоколам, заседания обычно были многолюдны, члены Политбюро составляли меньшинство среди участников заседаний – членов и кандидатов в члены ЦК, ЦКК, руководителей местных партийных органов, государственных ведомств и т. д. Установить, кто именно присутствовал при вынесении решения по тому или иному конкретному вопросу и мог повлиять на его результаты, необычайно сложно. Состав присутствующих на заседаниях Политбюро, не всегда фиксировался в протоколах¹³¹, для доклада по какому именно вопросу был вызван представитель ведомства, неясно; сами члены и кандидаты в члены Политбюро могли, надо думать, на короткое время оставлять комнату заседаний. Протоколы Политбюро позволяют скорее судить о том, кто не мог участвовать в обсуждении интересующего нас вопроса повестки дня, чем информируют о подлинном составе присутствующих.

Обсуждение на заседаниях внешнеполитических дел не рассматривалось как имеющее самостоятельную ценность средство взаимной информации и контроля. Об экспериментах в этой области свидетельствует решение, принятое по инициативе Сталина в период активизации переговоров о заключении пакта ненападения с Польшей весной 1927 г. 7 апреля Политбюро постановило «поставить в следующем заседании Политбюро в четверг, 14.IV. с.г., первую информацию НКВД относительно переговоров с поляками». Состоялось ли такое обсуждение, неизвестно, но через две недели НКВД было поручено дать на заседании 28 апреля «точную справку» об освещении советско-польских переговоров в зарубежной печати. Вслед за этим (30 апреля) участники заседания распорядились «представить в Политбюро письменную

¹²⁸ Другим вероятным катализатором изменения периодичности заседаний ПБ являлось завершение в мае – июне 1934 г. процесса ликвидации коллегий в союзных ведомствах.

¹²⁹ «Всегда было правило: председательствовал на Политбюро Председатель Совнаркома. После Ленина – Рыков, потом десять лет я был председательствующим» [Высказывания Молотова, 8.3.1974]//Феликс Чуев. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С.262.

¹³⁰ И.М. Гронский. Из прошлого: Воспоминания. М., 1991. С.136, 153.

¹³¹ Восстановить имена участников заседаний в тех случаях, когда протоколы не содержат перечня их имен, по журналам посещений кремлевского кабинета Сталина возможно лишь отчасти: сами журналы далеко не полны, заседания проходили не только в этом кабинете.

справку» на этот счет¹³². Эволюция понятий – «информация», «точная справка», «письменная справка» – свидетельствует о стихийном стремлении вывести информационно-контрольные функции Политбюро за пределы его заседаний. Когда речь шла о получении сведений, подлежащих обдумыванию и не требующих немедленного решения, Политбюро предпочитало быть читателем, а не слушателем¹³³. Дискуссия на заседании, напротив, подразумевала обязательное принятие постановления¹³⁴.

Несмотря на молчаливую установку не тратить времени на обсуждение, не ведущее к принятию содержательного решения (и, быть может, благодаря ей), значительную часть резолюций Политбюро по международным вопросам, в особенности имеющим политический характер, составляли постановления об откладывании решения. В некоторых случаях откладывание решения было вызвано изменением или неопределенностью международной обстановки, появлением новых факторов, значение которых к моменту постановки вопроса на Политбюро могло оказываться недостаточно ясным¹³⁵. Другой причиной являлось следование процедуре, выработанной в первые послереволюционные годы. «...Одного правила в ЦК придерживались строго – если при обсуждении какого-то решения или документа возникали дискуссии, появлялись иные точки зрения, вопрос тут же с обсуждения снимался и отправлялся на доработку, – вспоминал технический секретарь Политбюро в 1925–1926 г. А.П. Балашов. – Считалось, что он недостаточно подготовлен и незачем тратить время на разговоры. Так было и в ПБ, и в комиссиях»¹³⁶. Вероятно именно в связи с межведомственными и иными разногласиями на протяжении августа 1929 г. на заседаниях Политбюро трижды принималось постановление «отложить» «вопрос о прилете литовской эскадрильи»¹³⁷. Третьим фактором отсрочки (порой завуалированной – когда новое решение Политбюро по сути дублировало предыдущее) являлось отсутствие в Москве наиболее авторитетных членов Политбюро, которым чаще других поручалось формулирование внешнеполитических постановлений (Сталина, Молотова, Ворошилова). График их отпусков составлялся со сдвигом, однако нужный эффект достигался не всегда. Так, в конце августа – первой половине сентября 1931 г., когда советское руководство оказалось перед необходимостью пересмотра политики в отношении Польши (а косвенно – и других сопредельных европейских государств), Сталин и Молотов находились в отпуске, Ворошилов – в длительной командировке, и ответственность за принятие решения пала на плечи Кагановича, Калинина, Орджоникидзе и Рудзутака. Вследствие этого, постановления Политбюро 3 и 10 сентября оказались вариациями его решения от 30 августа и фактически откладывали разрешение вопроса до получения новых директив Сталина из Сочи, возвращения Молотова из отпуска (и Литвинова из Женевы). Наконец, откладывание решений относительно перемещений заграничных кадров было вызвано необходимостью выяснить их

¹³² Протокол № 94 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7.4.1927, п. 22. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 627. Л. 4; Протокол № 96 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.4.1927, п. 4. – Там же. Д. 629. Л. 1; Протокол № 99 (особый № 77) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 21.4.1927, п. 8. – Там же. Оп. 162. Д. 4. Л. 111.

¹³³ В марте 1925 г. НКВД было предписано «представлять в Политбюро по мере накопления сведений, но не реже одного раза в месяц, систематические обзоры международного положения и иностранной политики» (Протокол № 54 (особый № 41) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.3.1925., п. 15 «О совещании» (г). – Там же. Д. 2. Л. 92). Спустя несколько месяцев Политбюро вновь указало на предпочтительность письменных отчетов перед устными докладами. «Приняв к сведению сообщение т. Чичерина», оно распорядилось: «впредь заменить устные доклады письменными, особо конспиративными, ежедневными справками» (Протокол № 71 (особый № 51[?]) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.3.1925, п. 1 «Вопросы НКВД», часть «ж» «О документах», (а). – Там же. Д. 2. Л. 155). Возможно, это наблюдение заслуживает рассмотрения и в более широком контексте отношения советских руководителей к текстам. См. также сделанные в иной связи замечания Д. Арч Гетти (J. Arch Getty. *Afraid of their shadows: The Bolshevik recourse to terror*//Manfred Hildermeier (Hrsg.). *Stalinismus vor dem Zweiten Weltkrieg: Neue Wege der Forschung*. München, 1998. S.175–176).

¹³⁴ «Для него обсудить вопрос, означает решить его», – писал о Сталине А.Д. Сперанский (А.Сперанский. Указ. соч.).

¹³⁵ См. решение «О Чехо-Словакии» от 20.4.1931 (раздел 1).

¹³⁶ А.П. Балашов, Ю.С. Мархашов. *Старая площадь, 4 (20-е годы)*//Полис: Политические исследования. 1991. № 4. С.185.

¹³⁷ См. решение «Предложение т. Антонова-Овсенко» от 12.8.1929 (раздел 1).

отношение (порой переменчивое) к предполагаемым назначениям или трениями между руководителями соответствующих ведомств.

Эти замечания во многом относятся к решениям о передаче поставленного перед Политбюро вопроса во временные комиссии. Такие комиссии создавались как для руководства ведением важных переговоров¹³⁸, так и ad hoc – для выработки отдельного решения, составления или редактирования проектов документов (в частности, дипломатических нот или инструкций по ведению переговоров). В комиссии этого типа входили как члены Политбюро, так и представители заинтересованных ведомств, выработанные в них решения могли позднее передаваться на утверждение в Политбюро¹³⁹, но в некоторых являлись окончательными и не подлежали дополнительной санкции Политбюро.

Две рассмотренные группы решений – постановления об откладывании вопроса и о передаче его в специально создаваемую комиссию – могут рассматриваться как «подвиды» или «модификации» основных типов процесса выработки постановлений, описанных Н.Н. Покровским. Выработанная им на материалах начала 20-х гг. классификация в целом применима (насколько можно судить без ознакомления с черновыми протоколами) и к внешнеполитическим решениям более позднего времени. Она включает четыре типа ситуаций:

(1) «ПБ без изменений принимает после обсуждения формулировку «становления, содержащуюся в инициативном документе». Как отмечалось выше, в инициативных записках НКВД далеко не всегда содержался проект постановления, распространенной практикой являлось принятие постановлений этого типа в форме «Принять предложение...» (с указанием ведомства или лица, внесшего его в Политбюро).

(2) В постановлении отмечается, какая именно часть проекта постановления или вариант, изложенный в инициативной записке, получил санкцию Политбюро.

(3) «Предложенные в инициативном документе формулы постановления одобряются ПБ, но при этом подвергаются смысловой правке, редактированию».

(4) «При обсуждении на заседании ПБ инициативного документа принимается совершенно иное предложение, сформулированное кем-либо из членов ПБ еще до заседания или непосредственно в ходе его»¹⁴⁰.

По многим вопросам, переданным на усмотрение Политбюро, решения принимались опросом его членов. Опрос проводился путем рассылки членам Политбюро либо специально оформленных опросных листов, либо телефонограмм¹⁴¹. Этот метод принятия решений, предоставлявший руководителям и аппарату Политбюро еще большие полномочия в области формулирования текста постановления, применялся как для принятия срочных решений в промежутках между заседаниями Политбюро, так и для разгрузки повестки заседаний Политбюро (известна практика принятия решений опросом на самом заседании¹⁴²). В обращениях по различным вопросам руководства НКВД и НКВТ в Политбюро нередко предлагался именно такой способ рассмотрения дела¹⁴³. В большинстве подобных обращений речь шла либо о том, что по спорному межведомственному вопросу был достигнут компромисс¹⁴⁴, либо о внесе-

¹³⁸ Например, «комиссия по переговорам с Францией», в которую вошли четыре члена ПБ (Сталин, Молотов, Ворошилов, Орджоникидзе), руководители НКВТ (Розенгольц) и НКВД (Крестинский) (Протокол № 43 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.6.1931, п. 57/2. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 10. Л. 89).

¹³⁹ См. решения «О Финляндии» от 14.2.1929 и 21.2.1929 (раздел 1).

¹⁴⁰ Н.Н. Покровский. Указ. соч. С. 24–25.

¹⁴¹ Там же. С. 29–30.

¹⁴² См.: О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С. 65. На одном из заседаний января 1929 г. Сталин просто пустил по кругу клочок бумаги, на котором карандашом сообщал о желании получить краткий отпуск; члены ПБ расписались на нем, и таким путем, «опросом», решение о предоставлении десятидневного отпуска было принято (РГАСПИ. Ф. 17 Оп. 163. Д. 765. Л. 106).

¹⁴³ См., в частности: Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, В.М. Молотову, 20.12.1931 – АВР РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 16; Записка А.П. Розенгольца И.В. Сталину, В.М. Молотову, 22.10.1932. – Там же. Ф. 09. Оп. 7. П. 55. Д. 5. Л. 181.

¹⁴⁴ В этом случае обращение могло исходить от руководителей двух ведомств (См. Записка Ш.З. Элиавы и Б.С. Стомоня-

нии частичных изменений в ранее полученные директивы. Примерная группировка решений Политбюро по способам их принятия и политической значимости в конце 20-х – начале 30-х гг. в основном подтверждает такую корреляцию.

Первоначально опрос, по-видимому, рассматривался как суррогат процесса принятия решения ПБ. В начале 20-х гг. результаты опроса обычно утверждались на последующем заседании с формулировкой: «Подтвердить решение Политбюро от...», что, по всей вероятности, было связано с разногласиями, порой разделявшими членов Политбюро в соотношении 3:4 или даже 4:4¹⁴⁵. К концу 20-х гг. изменение облика Политбюро и содержания его деятельности, растущая рутинизация сопровождались отказом от процедуры «подтверждения» результатов опроса. Принятие решений «опросом» становится нормальной практикой. С начала 30-х доля постановлений ПБ, принятых опросом, быстро возрастает и вскоре становится преобладающей. К весне 1937 г. эта практика достигает своего апогея, затем внезапно (в течение нескольких месяцев) уступает место иной, отличной от заседаний Политбюро и опроса его членов, рабочей процедуре (или процедур), скрытой за названием *решение Политбюро*.

Эта трудно постижимая запись отражает, во-первых, внеплановое, проводимое в промежутке между регулярными заседаниями Политбюро, собрание его членов. На это косвенно указывает редкость таких записей в протоколах конца 20-х— начала 30-х гг., когда заседания Политбюро были сравнительно часты. В своеобразном контексте эта запись встречается в нескольких протоколах, относящихся к лету 1931 г.; можно предположить, что тогда в составлении протоколов приняло участие новое лицо, зафиксировавшее факты заседаний в форме, которая отступала от сложившейся традиции делопроизводства и более непосредственно отражала жизненные обстоятельства работы Политбюро¹⁴⁶. В протоколе № 42 указано, что он относится к заседанию Политбюро «от 8 июня и 10 июня 1931 г.», отдельно приводится список членов Политбюро, присутствовавших в эти дни. Перечень вопросов повестки дня и запись принятых по ним постановлений предваряет формулировка «решения Политбюро» (с указанием дат – 8 июня, 10 июня). Перед разделом, относящимся к 10 июня, дополнительно указано, что он относится к «заседанию Политбюро»¹⁴⁷. Заглавие другого протокола лета 1931 г. (№ 53) относит его содержание к заседаниям Политбюро 28 и 20 июля. В тексте этого протокола не содержится указания на «решения ПБ» или иных помет, которые отдавали бы предпочтение одной из этих встреч членов Политбюро перед другой¹⁴⁸. Рассмотренные выше случаи показывают, что, по крайней мере, в некоторых случаях «решения» Политбюро принимались на неформальных встречах, на которых присутствовали не только «вожди», но и «рядовые» члены этого органа. Однако присутствия большинства членов Политбюро было недостаточно, чтобы считать их деловую встречу полноценным заседанием, таковыми оказывались только собрания в специально отведенные дни. В исключительных случаях заседание вне расписания могло быть признано частью регулярного процесса, и лишь в одном из изученных нами про-

кова в Политбюро, 23.4.1932. – Там же. Л. 153).

¹⁴⁵ Н.Н. Покровский приводит случай, когда на заседании Политбюро дважды утверждались результаты опроса (Указ. соч. С. 32).

¹⁴⁶ На некоторый сбой в делопроизводстве Политбюро летом 1931 г. указывает и нарушение нумерации протоколов. Протокол заседания от 20 июля имеет номер 50 (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 837), а протокол от 25 июля – номер 51 (Там же. Д. 838.). В промежутке между ними (22–23 июля) состоялось едва ли не единственное в своем роде «заседание Политбюро с представителями партийных кооперативных и хозяйственных организаций»; его протокол помечен номером 52 (там же).

¹⁴⁷ Протокол № 42 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 8 и 10.06.1931 г. – Там же. Д. 829. Согласно журналам посещения кабинета Сталина, вечером 10 июня 1931 г. состоялась трехчасовая встреча членов Политбюро (Посетители.//ИА. 1994. № 6. С.35.).

¹⁴⁸ Вероятно, это было связано с неясностью, какое из них является регулярным. Согласно регламенту, таковым должно было быть признано заседание 30 июля. Однако встреча 28 июля состоялась через 5 дней после внепланового, но вполне официального заседания 22–23 июля. Поскольку пятидневный промежуток между заседаниями являлся в то время нормой, то у составителя (оформителя) протокола, по-видимому, создалось впечатление, что заседание 28 июля вписывается в нормальный режим работы Политбюро.

токолов оба эти вида рабочих встреч членов Политбюро документально оформлены как равноправные заседания.

Во-вторых, в рубрике «решения Политбюро» фиксировались договоренности ведущих деятелей ЦК, к которым они приходили на встречах, проводимых по делам других партийных инстанций – Оргбюро и Секретариата. Так, за первые четыре месяца 1930 г. протоколы Политбюро содержат 14 дат принятия «решений». Из них только три даты не совпадают с 10, 20 и 30-ми числами месяца, т. е. с установленными для заседания Оргбюро днями. Естественно предположить, что, собравшись по делам Оргбюро, входившие в него члены Политбюро оперативно разрешали проблемы, которые по тем или иным причинам они не считали нужным откладывать на пять дней – до очередного заседания Политбюро. По мнению О.В. Хлевнюка, в рассматриваемую серию постановлений «попадали решения, принятые Секретариатом ЦК во время предварительного рассмотрения повестки заседаний Политбюро»¹⁴⁹. В конце 1930 г. руководство Политбюро предприняло попытку придать законный статус такого рода узким собраниям и именовать их «заседаниями Политбюро». «На заседаниях Политбюро по 10-м, 20-м и 30-м числам заслушивать только вопросы ГПУ, НКВД, обороны, валютные (секретные) и некоторые внутрипартийные вопросы», – говорилось в специальном постановлении¹⁵⁰. Однако этот порядок не прижился. В протоколах Политбюро лишь с мая 1931 г. наблюдается предусмотренная декабрьским постановлением пятидневная периодичность заседаний. Это обстоятельство можно было бы счесть за нежелание оформлять специальные протоколы «закрытых заседаний», однако и «решения Политбюро» в начале 1931 г. отнюдь не всегда датировались указанными числами. Так, в марте 1931 г. «решения» принимались 11, 13, 14, 20 и 30-го числа. Обременительным оказалось и разделение вопросов по срокам рассмотрения, степени их секретности и тематике. Временным выходом из этих затруднений с конца весны 1931 г. стало более частое проведение очередных заседаний, оформлявшихся отдельным протоколом, причем некоторые из постановлений, принятые в день заседаний, фиксировались как «решения Политбюро». Можно предположить, что они принимались в узком кругу (на «закрытом заседании»). К концу 1931 г. сбой в таком порядке стали перерастать в отказ от него¹⁵¹.

Эти наблюдения над соотносимостью понятий «решение Политбюро» и «закрытое заседание Политбюро» позволяют заключить, что не секретность заседания определяла особый протокольный статус принятых на нем решений, а его внеочередной характер и несоблюдение процедур, характерных для регулярного заседания Политбюро. (К ним, вероятно, относились, порядок подготовки повестки дня, наличие кворума, голосование). В протоколах конца 20-х – середины 30-х гг. нет свидетельств проведения заседаний, в которых участвовало бы менее половины от числа избранных в Политбюро (членов и кандидатов в члены)¹⁵². По-видимому, эта цифра и определяла правомочность заседания, а невозможность ее достичь автоматически переводила постановления Политбюро в рубрику «Решения Политбюро»¹⁵³. В связи с отсутствием упоминаний о кворуме в предложенном Лениным регламенте Политбюро (1923), Дж.

¹⁴⁹ О.В. Хлевнюк. Указ. соч. С.287. Основания для этого (весьма правдоподобного) наблюдения нам неизвестны.

¹⁵⁰ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О заседаниях Политбюро», 30.12.1930.

¹⁵¹ В декабре 1931 г. ни одно из «решений» не было утверждено в день проведения оформленных протоколом заседаний, либо 10, 20 или 30-го числа: такие постановления датированы 2, 3, 18, 25, 27 декабря, очередные заседания состоялись 1, 8, 16, 23 декабря (см.: Хроника заседаний Политбюро//О.В. Хлевнюк и др. (сост.). Указ. соч. С. 210–211).

¹⁵² По утверждению В.М. Молотова, кандидат в члены Политбюро, если он замещал отсутствующего члена Политбюро, имел право решающего голоса. Поэтому, при определении кворума различие в статусе кандидатов в члены и членов Политбюро могло не иметь никакого значения. [Высказывания Молотова 5.7.1980 и 22.7.1981]/Феликс Чуев. Указ. соч. С. 261.

¹⁵³ См. также: Н.Н.Покровский. Указ. соч. С.29. На важность этого фактора для соответствующего оформления постановлений указывает также то обстоятельство, что наибольшая плотность записей о «решениях ПБ» приходится на лето – начало осени – в начале и в конце периода отпусков (к которым добавлялись и командировки) членов руководящих органов. В частности, в 1931 г. 17 % подневных записей такого рода приходится на период с 5 по 25 июня, а в 1932 г. 21 % от их общего числа – на период с 17 по 29 июня.

Левенхардт обращает внимание на распространенную практику «проводить так называемые совещания [administrative meetings] в дополнение к заседаниям [plenary meetings]». Так, материалы Совета Труда и Оборона показывают, что на его совещаниях требовалось наличие кворума, но принятые таким путем решения имели силу постановлений СТО, «поскольку они были подписаны председателем Совета»¹⁵⁴. В таком контексте необычным предстает не столько проведение Политбюро «совещаний» и принятие «решений», сколько предпринятая в конце 1930–1931 г. попытка придать таким им регулярный характер. Подытоживая наши соображения, можно в общей форме отождествить реалии, стоящие за «решением Политбюро», с неформальной встречей или рабочим совещанием членов Политбюро, проводимым по мере надобности и в неполном (или суженном) составе.

Судя по протоколам, обозначаемая этим термином практика, зародившись в 1920-е гг. достигла кульминации в 1931 г., на который приходится 53 даты принятия «решений». В 1932 г. их число снижается до 29, в 1933–1934 г. – до 9—11. В январе 1935 г., когда заседаний ПБ вообще не проводилось, эта рубрика появляется в протоколах четыре раза, после чего на два года исчезает из них вовсе, будучи вытеснена «опросами». Через две недели после февральско-мартовского Пленума ЦК ВКП(б) 1937 г. запись о «решениях Политбюро» начинает обретать довлеющий характер (18 перечней «решения ПБ» в течение месяца, начиная с 19 марта), пока наконец протоколы высшего политического органа не стали состоять исключительно из таких записей. Наблюдения за меняющимся соотношением *заседаний*, *опросов* и *решений* позволяют предположить, что по крайней мере с середины 30-х гг. два последних способа принятия постановлений Политбюро в действительности походили друг на друга: существование постановления вырабатывалось и утверждалось на неформальной встрече нескольких руководящих деятелей, после чего аппарат ПБ придавал им законность, проводя опрос остальных членов Политбюро, либо оформляя их в виде «решений».

Ведомственная переписка НКВД содержит также упоминания о решениях «инстанции» («сессии», «правительства»), которые не удалось обнаружить в беловых копиях протоколов Политбюро. Полпреду в Хельсинки, например, сообщалось, что в начале июля 1933 г. в Политбюро обсуждалась советская позиция на переговорах с Финляндией о ее присоединении к Лондонским конвенциям и был согласован текст соответствующих инструкций (направлены полпреду 12 июля)¹⁵⁵. Можно предположить, что эти решения были приняты в кабинете Сталина 2 июля между 14.10 и 14.45, когда там находились Молотов, Крестинский, Сокольников, а также покинувшие совещание около половины третьего Ворошилов и Орджоникидзе¹⁵⁶, но поиски протокольной записи оказались тщетны. Так же обстоит дело и с фиксацией в протоколах Политбюро некоторых крупных внешнеполитических акций СССР (в частности, заключение Лондонских конвенций об определении агрессии). Не исключено, что часть таких решений была принята комиссиями Политбюро¹⁵⁷. Однако в документах содержатся недвусмысленные указания на то, что некоторые запросы НКВД разрешались в ином порядке – путем получения устной (беспротокольной) санкции Политбюро¹⁵⁸. Подозрения, что решения по некоторым важным и второстепенным запросам принимались без занесения в протокол (по крайней мере, беловые копии), усиливаются отрывочными мемуарными свидетельствами. По утверждению И.М. Гронского, в начале 1932 г. «состоялся оперативный пленум ЦК, закрытый – без протокола, без стенограммы», на котором было решено перейти в «активное политическое наступление на Дальнем Востоке». Литвинов на этом заседании «не был и даже ничего не

¹⁵⁴ John Löwenhardt et al. The rise and fall of the Soviet Politburo. L., 1992. P. 104.

¹⁵⁵ Письмо Н.Н.Крестинского Б.Е Штейну, 5.8.1933. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 8. П. 32. Д. 87. Л. 4.

¹⁵⁶ Посетители//ИА. 1995. № 2. С. 184.

¹⁵⁷ См. вступительную статью к разделу 4.

¹⁵⁸ См. решение «О Латвии» от 1.2.1932 (раздел 1).

знал о нем»¹⁵⁹. «Пленум ЦК», на который не приглашен один из его членов, скорее подпадает под определение одного из «заседаний Политбюро», тем более, что документация о пленумах ЦК, на которых бы рассматривались международные проблемы, с конца 20-х отсутствует. Присутствие на заседаниях группы членов ЦК (порой весьма многочисленной¹⁶⁰), было столь же нормальным явлением, как и замещение на них Литвинова его заместителями. Поэтому свидетельство Гронского представляет ценность главным образом как указание на принятие «инстанцией» (вероятно, Политбюро, а не ЦК) особых, «беспротокольных», постановлений по важным внешнеполитическим делам. Кроме того, известно, что, по крайней мере, до начала 30-х гг. Секретариат и Оргбюро часто прибегали к такой процедуре, используя при голосовании бланк со специальным штампом «без протокола», особенно когда речь шла о мелких рутинных делах (допуск тех или иных лиц к материалам ЦК, отмене или переносе заседаний и т. д.). Это, впрочем, не означало, что решение не фиксировалось в оригиналах протоколов этих органов¹⁶¹. С фиксацией «беспротокольных» постановлений в архивах Политбюро дело обстоит, по-видимому, еще сложнее.

Н.Н. Покровский, впервые рассмотревший эту «трудную для источниковеда ситуацию» на материалах 1922–1923 гг., пришел к выводу, что «когда на заседании ПБ принималось постановление «без занесения в протокол», оно не включалось в комплекс документов чернового протокола». Оно записывалось отдельно, в единственном экземпляре и откладывалось в тематических делах Секретного Архива ЦК, причем неизвестно с какой полнотой – «уже сейчас выявляются лакуны». Еще более осторожно крупный источниковед высказывается о мотивах, по которым постановлению Политбюро придавался «беспротокольный» статус¹⁶². Фрагментарная документация 30-х гг. свидетельствует, что нет оснований отождествлять их с соображениями секретности. Если в протокол Политбюро были включены, например, постановление «О танковой программе»¹⁶³ или директивы по мобилизационному планированию и строительству вооруженных сил на 1931–1933 гг., то, если следовать логике «конспирации», непонятно, почему малозначительные коррективы в инструкции Стомонякову по проекту пакта ненападения с Латвией¹⁶⁴ не получили в нем аналогичного отражения. Вероятно, феномен постановлений «без занесения в протокол» отражает не только особый порядок записи решений заседания ПБ, но и своеобразные рабочие процедуры вне рамок таких заседаний, быть может – санкционирование тех или иных решений Сталиным и Молотовым (как в приведенном выше примере с запиской Крестинского об эксгумации останков чехословацких легионеров). В соответствии с заведенным порядком, такого рода малозначительные запросы требовали санкции Политбюро, что вступало в противоречие с физической способностью этого органа к коллективному принятию решений, даже с использованием суррогатной технологии «опроса». Потребности момента побуждали пренебрегать церемониями¹⁶⁵. Однако легитимность исключения их из сферы полномочий Политбюро наталкивалась на общие соображения централизованного политического контроля, сохранения начал коллективного руководства.

¹⁵⁹ И.М. Гронский. Указ. соч. С. 147.

¹⁶⁰ В заседании ПБ 8 февраля 1932 г., например, наряду с членами ПБ приняли участие 59 других членов и кандидатов в члены ЦК ВКП(б), что в сумме дает 48 % списочного состава Центрального Комитета, избранного XVI съездом партии.

¹⁶¹ Так, заурядное постановление «О разгрузке т. Ангарова А.И.» (1.3.1929) было по требованию Молотова принято «без записи в протокол», что не помешало не только записать «беспротокольное» постановление в протокол Секретариата ЦК ВКП(б), но и послать выписки из него по восьми адресам – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 866. Л. 251.

¹⁶² Н.Н.Покровский. Указ. соч. С. 36–37.

¹⁶³ Протокол № 27 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 25.2.1931. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 9. Л. 151–156.

¹⁶⁴ См. решение «О Латвии» от 28.1.1932 (раздел 1).

¹⁶⁵ Так, Литвинов в одном из «весьма срочных» писем Сталину (о необходимости быстро отреагировать в печати на развернувшуюся в Финляндии кампанию в защиту советских ингерманландцев) предлагал Генеральному секретарю (именно «предлагал», а не просил его) отредактировать заметку для публикации в «Известиях» и правленный экземпляр передать Поскребышеву (Записка М.М. Литвинова И.В. Сталину, 19.4.1931. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 11. П. 79. Д. 100. Л. 8).

Думается, что такого рода дилеммы подталкивали руководство Политбюро к выработке паллиативных решений, одним из которых, вероятно, являлась «беспротокольная» форма фиксации постановлений, становившихся известными нескольким нескольким руководителям и исполнителям.

Феномен «беспротокольных постановлений», ни тексты, ни само существование которых в 30-е гг. не является твердо установленным, хорошо обозначает пределы постижения механизмов выработки решений на основе доступных источников. При всей важности многокритериальной статистической и содержательной обработки беловых протоколов Политбюро (задачи лишь едва намеченной в работах последних лет), существенное продвижение в этом направлении вряд ли окажется возможным без введения в исследовательский оборот оригиналов протоколов Политбюро, сопровождающих их тематических дел, новых пластов документации из ведомственных архивов. Однако и совокупность этих материалов в некоторых важных случаях неспособна заменить зафиксированного устного свидетельства, независимо от степени его полноты. «По отношению к Польше *мы приняли эту политику*, – рассказывал руководитель ЦК, оправдывая выбор, сделанный ранее в узком кругу: – *Мы решили* использовать наши военные силы, чтобы помочь советизации Польши. *Мы формулировали это не* в официальной *резолуции*, записанной в *протоколе Ц[ентрального] к[омитета]*, и представляющей собой закон для партии и нового съезда, но *между собой мы говорили*, что мы должны штыками пощупать – не созрела ли социальная революция пролетариата в Польше?»¹⁶⁶. Приведенные аргументы (и свидетельство Ленина) побуждают расширять поиск источников, отражающих процесс принятия Москвой политических решений.

III

Материалы о руководстве Политбюро советской внешней политикой в 20—30-е гг. не исчерпываются коллекциями оригинальных документов из фондов ЦК РКП(б) – ВКП(б). В качестве достоверных источников исследователями международных отношений и политики Москвы нередко привлекаются мемуарные свидетельства и архивные коллекции (главным образом, немецкие), которые содержат сведения о мотивах и содержании решений Политбюро, позиции его членов. Эти материалы подкупают яркостью и образностью характеристик, планы советского руководства представлены в них с захватывающей ясностью и полнотой.

Классическим примером является повествование В. Кривицкого (С.Г. Гинзбурга) о заседаниях Политбюро летом 1934 г., на одном из которых Сталин наметил курс на сближение с гитлеровской Германией, а на другом «сделал попытку вынудить Польшу сформулировать свою политику в ущерб Германии». «Для решения проблемы», «какой путь изберет Польша», был созван « пленум Политбюро », « Литвинов, Радек, а также представитель Комиссариата обороны » якобы выступили за сближение с Польшей и только начальник отдела ОГПУ Артузов «выразил мнение, что перспективы польско-советского союза иллюзорны». Автор мемуарных записок дословно цитирует отповедь Сталина, «раздраженного таким откровенным несогласием» Артузова «с мнением Политбюро»¹⁶⁷. Самый поверхностный анализ показывает, что Кривицкий-Гинзбург безнадежно перепутал все, что мог слышать о дискуссиях «в верхах» на эту тему: после заключения польско-германского соглашения о ненападении 26 января 1934 г.

¹⁶⁶ В.И. Ленин. Политический отчет ЦК РКП(б) на IX Всероссийской конференции РКП(б), 22.9.1920//Он же. Неизвестные документы 1891–1922. М., 1999. С.374 (курсив авторов).

¹⁶⁷ Walter Krivitsky. I was Stalin's agent. N.Y., 1940 (Цит. по: Вальтер Кривицкий. Я был агентом Сталина: Записки советского разведчика. М, 1996. С. 23–24). Один из первых примеров использования этого свидетельства в исторических сочинениях см.: Stanislaw Mackiewicz. O jedenastej – opowiada aktor. L., 1942. S. 56. О крайней ненадежности свидетельств Кривицкого см.: Frank Schauff. Company choir of terror: The Military Councils of the 1930s. – The Red Army between the XVIIth and XVIIIth Party Congresses//The Journal of Slavic Military Studies. Vol.12. № 2 (June 1999). P. 159.

обсуждать перспективы «польско-советского союза» не приходилось. Тем не менее, уже в 90-е гг. известный своими архивными разысканиями автор в статье о «польском вопросе в истории советско-немецких отношений» пересказал этот пассаж (без ссылок на источник), сопроводив его комментарием: «Заключение польско-немецкого соглашения вскоре подтвердило правильность его [Артузова] прогнозов»¹⁶⁸. Несообразность утверждения, что события января подтвердили июльский прогноз того же года, побудила автора в последующем снять указание на дату «заседания Политбюро», заменив его осторожным «тогда»; существо пересказа и комментарий были сохранены¹⁶⁹. «Исправление источника» продолжил другой историк, который, сверившись с протоколами Политбюро и международной хроникой, почел за благо отнестись к рассказу Кривипкого к «совещанию в Кремле» и датировал его «летом 1933 г.»; это позволило позаимствовать у своего предшественника тезис о том, что вскоре (в январе 1934 г., когда «антисоветская политика Польши стала достаточно [sic] откровенной») «права Артузова подтвердилась»¹⁷⁰. Открывшиеся перед исследователями новые возможности верификации мемуарно-публицистического материала оказались использованы для того, чтобы замаскировать его уязвимость и продлить жизнь легенде, обращение к новейшей истории, в том числе деятельности Политбюро, соединилось с рецидивом средневекового повествовательного метода, согласно которому правдивость известия оценивается с точки зрения его соответствия «здравому смыслу», и, если она может быть «улучшена», известие подправляется. Мемуарных и газетных утверждений, подобных рассмотренному выше, немало, однако, они, как правило, являются источниками по иным проблемам, нежели деятельность Политбюро и советская внешняя политика.

Другим крупнейшим резервуаром сведений о советском Политбюро являются коллекции документов из архивов Веймарской республики и Третьего рейха, которые на протяжении 20-30-х гг. поступали в МИД и военную разведку Германии, а позднее в ведомство Риббентропа и адъютантуру Гитлера. Часть из них, посвященная проблемам международной политики, была широко (и без какой-либо критической проверки) использована некоторыми западными авторами¹⁷¹. Специальный анализ этих документов за 1931–1937 гг. («Stojko-Informationen» 1931–1933 гг. – сведения о решениях Политбюро, выписки из докладов и цитаты из выступлений на Политбюро; коллекция 1934–1937 гг. – решения Политбюро, выдержки из выступлений его руководителей) показал, что их нельзя считать фрагментами аутентичных записей, сделанных на заседаниях этого органа. Все поступившие в Берлин материалы были созданы одним человеком (или группой лиц), находившимся в Вене или имевшим налаженную связь с австрийской столицей¹⁷². Используемые в этих документах формулировки напоминали резолюции низового партийного собрания («По представленному НКВД докладу о международном положении Политбюро ВКП(б) на своем заседании от... пришло к единодушному решению, что...»). Зачастую их авторы оперировали общими тезисами (в июле 1935 г. Политбюро якобы поставило перед наркоминделом задачи «укрепления авторитета

¹⁶⁸ В.А. Starkow. Sojusz czy konfrontacja: Kwestia polska w historii stosunkow radziecko-lotmieckich w latach 1933–1937// Problem granic i obszaru odrodzonego panstwa polskiego 1918–1990. Poznan, 1992. S.156–157.

¹⁶⁹ Б.А. Старков. Союз или конфронтация: Из истории советско-германских отношений//Он же. Дела и люди сталинского времени. СПб., 1995. С.73.

¹⁷⁰ Е.Горбунов. Военная разведка в 1934–1939 годах//Свободная мысль. 1998. № 2. С. 103. Е.А. Горбунов счел излишним ссылаться как на В. Кривипкого, так и на коллегу Б.А. Старкова.

¹⁷¹ См.: Jan Korbel. Poland between East and West: Soviet-German diplomacy toward Poland, 1919–1933. Princeton, NJ, 1963; M. Loventhal, J. McDowell. The Stalin, resolution and the road to World War II//San José Studies. (Nov. 1980). P. 78–104; Ivan Pfaff. Der kurswechsel der sowjetischen Mitteleuropapolitik nach Rheinlandbesetzung//Zeitschrift für Ocforschung. 1985. Bd.34. S.67–108; idem. Sovětska zrada. Praha, 1993. Критический разбор многочисленных работ И. Пфаффа см.: Jindřich Dejmeš. K československo-sovětským poliitickým vztahům ve druhé polovine třicátých let//Česky časopis historicky. 1999. Nel. S. 80–104.

¹⁷² M. Reiman, I.Sütterlin. Sowjetische «Politbüro-Beschlüsse» der Jahre 1931–1937 in staatlichen deutschen Archiven// Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. 1989. Bd.37. H.2. S. 215–216.

Лиги Наций с помощью успешного предотвращения вооруженного конфликта между Италией и Абиссинией»; «расширения полномочий Лиги Наций в вопросе применения санкций против агрессора»; «установления возможно более тесного внешнеполитического контакта между СССР, Великобританией, Францией и Италией на основе осуществления системы безопасности и гарантий оказания помощи» «сближения между Малой Антантой и Италией и ускорение заключения Дунайского пакта» и т. д.¹⁷³). Венские материалы содержат и саморазоблачительные красоты, подобные «выступлению Ворошилова на заседании Политбюро в августе 1937 г.»: «В недалеком будущем чехословацкая земля содрогнется от поступи Красной армии, затем придет черед освобождения пролетариата в Австрии, Венгрии, Румынии и Польше. В случае вступления Красной армии в Чехословакию и восстания пролетариата в соседних с ЧСР странах, следует учредить большую наддунайскую республику (Чехословакия, Румыния, Венгрия, Австрия, север Югославии) под чешским водительством, и Балканскую республику»¹⁷⁴. Неудивительно, что статс-секретарь МИД Германии Б. фон Бюлов, узнав от Папена, что тот регулярно поставляется в Имперскую канцелярию доклады о заседаниях Политбюро вроде тех, которые в начале 30-х гг. приобретались для нужд внешнеполитического ведомства, вынужден был констатировать неразумность расходов на финансовую поддержку венского автора¹⁷⁵.

Развенчание немецких коллекций «документов Политбюро» и растущий скептицизм по поводу точности мемуарных свидетельств перебежчиков, не исключают, на наш взгляд, возможности привлечения материалов о деятельности высших партийно-государственных инстанций, которые поступали из Москвы по дипломатическим или разведывательным каналам. Как отмечал многолетний корреспондент «*Berliner Tageblatt*» в Москве Пауль Шеффер (имя которого неоднократно упоминается в протоколах Политбюро), хотя «стены Кремля окутаны непроницаемым облаком», напряжение, с которым устремлены на них взгляды непосвященных, позволяло проникать эту преграду¹⁷⁶. Быть может, наиболее перспективны в этом отношении государственные архивы Турции, представители которой в 20-х – середине 30-х гг. пользовались в Москве режимом наибольшего благоприятствования. Турецким дипломатам было отведено особое помещение в здании НКВД для просмотра выборок из советской дипломатической переписки, некоторые сведения они получали напрямую от членов Политбюро. Например, в апреле 1935 г., как сообщил посол З. Апайдин своему американскому коллеге, «один из членов Политбюро лично информировал его о том, что на заседании этого органа позапрошлым вечером Литвинов был подвергнут суровой критике за введение своего правительства в заблуждение относительно готовности французов подписать соглашение [договор о взаимной помощи], предусматривающее его автоматическое применение в случае “вызывающей агрессии”». Турецкий посол добавлял, что «несколько членов Политбюро говорили ему о том, что они добиваются замены Литвинова Трояновским на посту комиссара по иностранным делам»¹⁷⁷. Протоколы ПБ подтверждают факт проведения встречи его членов (или закрытого заседания) в день, указанный З. Апайдином (25 апреля); сопоставление сообщения посла с советскими и британскими документами о переговорах СССР и Франции в апреле 1935 г. (а также со свидетельствами О.А. Трояновского о положении его отца в те годы) указывает на высокую вероятность того, что полученная им информация о позиции членов Политбюро была

¹⁷³ Ibid. S.203, 205.

¹⁷⁴ Цит. по Ivan Pfaff. *Sovetska zrada*. S.78–79. Элементарное историческое чутье должно было подсказать, что летом 1937 года у наркома обороны были иные заботы, чем планирование раздела Югославии. Пфафф же сопроводил цитату восклицательными знаками.

¹⁷⁵ M. Reiman, I. Sütterlin. Ibid. S. 208. Некоторые из получаемых Берлином материалов становились известны советской разведке и отложились в отечественных архивах. См. в частности: Планы внешней политики Советского Союза (Меморандум Крестинского о необходимости совместных действий Советского Союза с Англией, САСШ и Китаем против Японии) [не ранее 13.2.1932] (перевод с немецкого). – РГВА. Ф. 4. Оп. 19. Д. 13. Л. 143–145.

¹⁷⁶ Paul Scheffer. *Seven years in Soviet Russia*. L., N.Y., 1931. P.XV.

¹⁷⁷ W.C.Bullitt to Secretary of State, tel., Moscow, 27.4.1935. – NA. SD: 751.6111/65.

вполне достоверной. Надо полагать, в бумагах турецкого посольства в Москве и его донесениях в Анкару контакты с членами высшего советского руководства, сведения об их настроениях, мнениях, о дискуссиях на заседаниях Политбюро отражены с гораздо большей подробностью и систематичностью, чем в немногих известных высказываниях турецких дипломатов своим коллегам по дипкорпусу. До настоящего времени внешнеполитические архивы Турецкой республики наглухо закрыты для исследователей; к тому же некоторые аспекты советско-турецких связей межвоенного периода ни в Москве, ни в Анкаре не желали бы сейчас предавать огласке. Нынешнее положение не вечно, и, возможно, документация турецких архивов в будущем станет важным вспомогательным источником при исследовании процесса принятия решений советским руководством.

Государственные архивы стран, отношения которых с Советским Союзом, оставляли желать лучшего, также содержат материалы о деятельности Политбюро, полученные в результате упорных профессиональных усилий дипломатов¹⁷⁸. Так, видный государственный деятель Финляндии Рудольф Холсти (друг юности Отто Куусинена¹⁷⁹) в период пребывания на посту посланника в Ревеле (1923–1926) периодически направлял МИД сообщения об обсуждении высшими партийными инстанциями советской политики в Балтийском регионе. В частности, согласно докладом Холсти, в декабре 1925 г. Политбюро дважды рассматривало ближайшие задачи советской политики на Балтике, причем Зиновьев, Сталин, Дзержинский, Молотов и представители НКВМ высказывались в пользу «возврата» портов и даже присоединения прибалтийских государств к СССР военной силой, тогда как Каменев, Рыков, Томский, Сокольников, Рудзутак, а также Литвинов склонялись к расширению советского присутствия на Балтике посредством заключения торговых договоров и таможенных союзов¹⁸⁰. Для полной критической оценки этой серии финских документов (следы которой уходят в архивные хранилища США, куда позднее эмигрировал Р. Холсти) и других, пока не вошедших в научный оборот иностранных свидетельств о деятельности Политбюро, недостает, однако, материалов из архива Политбюро, «законное» происхождение которых находится вне подозрений. Парал-

¹⁷⁸ Мы оставляем в стороне вопрос о документах, накопленных иностранными секретными службами. Насколько нам известно, наряду с документацией германских спецслужб исследователям ныне доступны лишь фрагментарно сохранившиеся материалы чехословацкой и польской военных разведок. До передачи Франции материалов французского генштаба, хранящихся в Особом архиве, исследователям выдавались некоторые материалы Deuxième Bureau. Один из них, содержащий «речь Сталина», якобы произнесенную на собрании «Политбюро и руководства Коминтерна» 19 августа 1939 г., был опубликован Т.С.Бушуевой в обзоре сочинений Суворова-Резуна (Т.Бушуева. «Проклятая – попробуйте понять»//Новый мир. 1994. № 12. С. 230–237). Текст «воспроизведен на основе французской копии, сделанной, вероятно, кем-то из Коминтерна, присутствовавшим на Политбюро»; причем автор убеждена, что «подлинник» – «в архиве за семью печатями». Между тем, «этот безусловно исторический документ» содержит, среди прочего, указание на готовность Германии «уступить нам в качестве зоны влияния Румынию, Болгарию и Венгрию». Одно этого достаточно, чтобы предположить, что в руках исследовательницы находился как раз искомый «подлинник», а опубликованная ею «речь Сталина» – не что иное, как русская копия донесения кого-то из агентов Второго бюро, который никогда не присутствовал на заседаниях Политбюро. Анализ польских документов (их архивная обработка еще не завершена) свидетельствует о крайней приблизительности информации, которая поступала в Варшаву из «Секретариата Политбюро». Скорее всего, ее источником были слухи (См. в частности: [Oddzial II Sztabu Głównego] do T.Schaetzla, 23.8.1933 – ЦХИДК. Ф. 308. Оп. 19. Д. 31. Л. 86-86об). Увы, как заметил один из героев Ле Карре, правительства подобны рядовым потребителям: они с недоверием относятся к бесплатно получаемым товарам и сведениям и склонны слепо верить в надежность тех из них, за которые дорого заплачено.

¹⁷⁹ См.: Запись беседы М.М. Литвинова с А. Залеским, 5.12.1927//ДиМП. Т. V. М., 1967. С.238. Для понимания возможных путей циркуляции политической информации следует помнить о давних родственных и социальных связях внутри «интернационализировавшейся» в 1917–1920 гг. восточноевропейской элиты. Например, полпред Ф.Ф. Раскольников по приезде в Таллинн обнаружил на посту командующего военно-морскими силами Эстонии адмирала Германа Зальца – старого приятеля и заместителя по Балтфлоту, с которым был совершен «ледовый поход» из Гельсингфорса в Кронштадт. Адмирал запросто поделился с Раскольниковым своими заботами, рассказал о состоянии эстонских судов, корабельной артиллерии и т. д.; командующий советскими Военно-Морскими Силами поблагодарил полпреда за полученные сведения и поручил уточнить некоторые из них (Письмо Р.А. Муклевича Ф.Ф. Раскольникову, 5.4.1930. – РГА ВМФ. Ф. Р-1483. Оп. 1. Д. 95. Л. 14).

¹⁸⁰ К.А. R.Holstin kokoelma. Kansio 61. Suomen lähetystön Tallinnassa raportti, 8.1.1926. Один из любопытных аспектов этого документа состоит в ассоциировании позиций Литвинова и будущих руководителей «правого уклона». Применительно ко второй половине 20-х гг. эта связь документально установлена (см. вступительные статьи к разделам 1 и 4).

тельное расширение круга отечественных и зарубежных документов и выработка методов их критического сопоставления могли бы заставить заговорить (пусть и на иностранных языках), сухие протокольные записи Политбюро, помочь различить индивидуальные голоса в хоре его коллективных решений.

* * *

Завершая рассмотрение механизмов подготовки, принятия, фиксирования и распространения решений Политбюро по внешнеполитическим проблемам, мы хотели бы подчеркнуть, во-первых, недостаточную освоенность документальных пластов, содержащихся в отечественных архивах, в том числе, в общедоступных коллекциях ЦК ВКП(б). Во-вторых, современная Россия – отнюдь не единственная страна, архивы которой хранят важные свидетельства о деятельности Политбюро ЦК ВКП(б). Комплексный анализ и архивные открытия разнообразных документов о деятельности советского Политбюро могут многое изменить в сегодняшнем взгляде на нее и порожденные ею проблемы.

Раздел 1

Решения Политбюро о государственных отношениях с западными соседними государствами

Каковы были стратегия и основные ориентиры международной политики СССР? Располагало ли советское руководство отчетливой внешнеполитической концепцией, планом строительства взаимоотношений СССР с окружающим миром, отдельными регионами и государствами? Поиски ответов на эти вопросы в протоколах Политбюро (в строках постановлений или между строк) дают отрицательный результат. Эта проблема тесно связана с другой, еще в 20-е гг. породившей два противостоящих направления в реляциях западных дипломатов и исследованиях советской внешней политики: является ли она результатом приложения к международным делам восторжествовавшей коммунистической идеологии, или же поведение СССР диктуется характерными для «нормального государства» факторами, потребностью обеспечить свои безопасность и «национальные интересы»?

Анализ решений Политбюро ЦК ВКП(б) (как включенных в настоящую работу, так и посвященных другим аспектам международной политики) и материалов НКВД СССР свидетельствует в пользу того, что этот спор может быть разрешен, исходя из двойственности природы советского политического мышления. Социально-психологические установки большевизма придавали подходу Москвы к внешнеполитическим делам эсхатологическое измерение. Ожидание Второго Пришествия мировой войны и пролетарской революции, обещающего коммунизму окончательную международную победу, диктовало, вместе с тем, решимость избежать преждевременного столкновения родины большевизма с силами мирового зла. Уже в начале 1918 г. в большевистском руководстве возобладало понимание, что в международных делах «государство принуждено делать то, чего не сделала бы партия»¹⁸¹. Коммунистическое кредо, открыто заявлявшееся в многочисленных постановлениях Политбюро ЦК ВКП(б) о советизируемой Монголии¹⁸², оказывалось неуместно перед лицом западных государств, несовместимо с проблематикой действительных взаимоотношений с ними. Международное поведение Советской России в целом лишь до середины 20-х гг. соответствовало тому общему правилу, что «революционная держава морально и психологически все время находится в состоянии войны со своими соседями, даже если в правовом отношении между ними преобладает мир, ибо она верит, что обладает миссией трансформировать международное сообщество убеждением или силой [by conversion or coercion], и неспособна признать за своими соседями такое же право на существование, какое она приписывает себе»¹⁸³. Если интернациональное воздействие Российской революции оказалось сопоставимо с преобразующей силой Реформации и Французской революции, то взять на себя роль Швеции Густава-Адольфа II или Франции Бонапарта отсталая и истерзанная страна оказалась не в состоянии. Во второй половине 1920-х гг. перспектива перерастания «перманентного террора» в «перманентную войну» была окончательно изгнана из сферы реальной политики, апостол «перманентной революции» – из социалистического отечества. Опыт первого десятилетия эры Октября не только подтверждал, что «Мессия уже в пути», но и отрезвляюще указывал на неисповедимость его путей. Миллениаристские ожидания и режим реального времени, установки коммунистической доктрины и

¹⁸¹ Протокол № 44 заседания ЦК РСДРП от 22.2.1918//Седьмой экстренный съезд РКП(б). Март 1918 года. Стенографический отчет. М., 1962. С. 263–265.

¹⁸² См.: Валерий Шепелев. «Монгольский вопрос» на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б)//РЦХИДНИ. Научно-информационный бюллетень № 8 (1996). С. 63–72.

¹⁸³ Martin Wight. Power politics. L., 1979. P.90.

насущенные государственные задачи не только не совпадали, но и пришли в видимое противоречие. Однако этот конфликт вовсе не требовал решительного исхода – окончательного выбора в пользу одной из сторон: общие мировоззренческие установки оказывались соотнесены скорее с ценностными ориентациями, предчувствиями и ожиданиями, нежели с задачами практической деятельности. В этом отношении предложенное Р. Ароном понимание советского человека как «двойственного субъекта», применимо к творцам советской политики. Правящая элита конца 20-х – середины 30-х гг. еще сохраняла политические идеалы, но уже отказалась от непосредственного связывания их с повседневными делами. Столкновение между видением будущего и диктатом настоящего породило квазиконцепцию внешней политики СССР на основе общих установок *Realpolitik*.

Применительно к рассматриваемому периоду эти принципы были наиболее полно изложены в утвержденной Политбюро публичной декларации 1930 г. Первым из них называлась необходимость «обеспечения нашему социалистическому строительству мирных условий и свободы от внешних потрясений». Подобно царскому режиму накануне войны, Политбюро обосновывало свое миролюбие потребностями внутренней реконструкции и неблагоприятными внешними условиями: «Нам приходится строить социализм в одной стране в окружении капиталистических стран, занимающих 5/6 земного шара. Мы этого факта не можем игнорировать и не игнорируем... Нам приходится... делать величайшие усилия для борьбы с агрессивными стремлениями определенных капиталистических групп, идущих в сторону создания постоянных трений и конфликтов между обеими системами, следовательно, и для укрепления и сохранения мира между народами»¹⁸⁴. Прошедшие школу марксистской диалектики, советские руководители понимали, что «мир неделим» задолго до того, как отчеканенная Литвиновым в 1920 г., эта формула приобрела широкое хождение¹⁸⁵, равно как и то, что «благодаря войне между капиталистическими государствами мы захватили власть и укрепились». Высшее политическое руководство не могло поэтому согласиться с однозначными заявлениями, будто «всякое [курсив наш. – Авт.] обострение антагонизмов Германия – Антанта, Франция – Италия, Италия – Юго-Словакия [sic], Англия – Америка означает упрочение нашего положения, уменьшение всяких опасностей для нас»¹⁸⁶. Перед мысленным взором государственных деятелей стоял пример 1914 г., когда начавшийся в европейском захолустье конфликт стремительно вовлек в войну страны, интересы которых были затронуты им лишь косвенно. Это понимание было присуще и большевистским руководителям. В середине 30-х гг. его бесхитростно выразил «всесоюзный староста»: «Мы... не возражали бы» «против этой [империалистической. – Авт.] войны», «если бы она могла ограничиться, например, только войной между Японией и Америкой или между Англией и Францией»¹⁸⁷. В конце 20-х – начале 30-х гг. (с началом активной хозяйственной реконструкции и до возобладания ориентации на автаркию) необходимость сохранения мирных отношений СССР с окружающими странами дополнительно акцентировалась ссылкой на потребности пятилетки и «огромного развития и нашего экспорта и нашего импорта», отчего, заявлял руководитель СНК СССР, «в развитии наших мирных отношений... мы теперь заинтересованы не менее, а более, чем раньше», и «стремимся к такой прочности и устойчивости отношений с отдельными государствами, чтобы с этой стороны не получить про-

¹⁸⁴ Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М.М. Литвинова, 23.7.1930. Приложение № 7//Протокол № 2 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 20.7.1930, п. 87. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 790. Л. 38–39 (опубликовано: Известия, 26.7.1930. Далее цитируется по: ДВП СССР. Т. XIII. С. 424–427).

¹⁸⁵ Alexander Pope. Maxim Litvinoff. N.Y., 1943. P. 234.

¹⁸⁶ Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину. Груневальд, 22.3.1929. – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 5. Болезненная филиппика наркома была вызвана звучавшим из Москвы «вздором», что «обострилась опасность войны между капиталистическими государствами, а следовательно и нападение на нас».

¹⁸⁷ Беседа М.И. Калинина с ответственными работниками аппарата Президиума ВЦИК, 7.3.1935. – ГАРФ. Ф. 1235с. Оп. 2. Д. 1681. Л. 11.

боины или урона в осуществлении величайшего плана гигантских работ, которые изложены в пятилетке»¹⁸⁸.

Наряду с неблагоприятным соотношением сил между СССР и «капиталистическим миром», политика предохранения страны от внешних потрясений и, тем более, вооруженного столкновения на западных рубежах диктовалась сомнениями в устойчивости собственной власти, присущими советскому руководству 20-х – 30-х гг. Военный конфликт, вторжение с Запада грозили разбудить или умножить внутренний социальный и национальный протест. Большевики старшего поколения знали и помнили, как под ударами войны на востоке покачнулась власть царизма, как война на западе привела к его крушению. «Революция сверху» в значительной мере мотивировалась потребностью «усилить и умножить силы нашей обороны». Руководитель Политбюро, однако, был вынужден признать, что «ликвидация кулачества» и «обострение классово-борьбы» в СССР (вкуче с «экономическим кризисом и подъемом революционной волны в капиталистических странах») создают небывалый соблазн для иностранного вмешательства и потому «могут значительно сократить сроки “передышки”»¹⁸⁹. Завершение коллективизации и создание основ советской промышленной мощи скорее трансформировали, нежели устранили источники социального напряжения. Удержание власти продолжало зависеть от сохранения мирных отношений с окружающими странами. Лишь к исходу 30-х гг., после того как облик СССР кардинально изменился по сравнению с предшествующим десятилетием, и, «в итоге всего этого», сталинское руководство осмелилось констатировать «полную устойчивость внутреннего положения и такую прочность власти в стране, которой могло бы позавидовать любое правительство в мире»¹⁹⁰. Характерно, что одновременно с достижением этого этапа в самосознании обновленной правящей элиты, с созданием механизмов всеохватного контроля (и завершением процесса общей реконструкции хозяйства и вооруженных сил СССР) основополагающая внешнеполитическая установка на обеспечение «мирных условий и свободы от внешних потрясений» начала размываться.

В расширенном виде она включала не только противодействие тенденциям к возникновению любых вооруженных конфликтов, которые могли бы вовлечь СССР в военные осложнения, но и предотвращение создания за советскими пределами протогосударственных образований, могущих послужить центром притяжения для той или иной национальной общности и вызвать тем самым дезинтеграцию «Союза». Применительно к советской политике на Западе, это, главным образом, означало борьбу за нейтрализацию влияния на Советскую Украину и Советскую Белоруссию факта существования в составе Польши, Чехословакии и Румынии коренного населения, этнически и культурно близкого населению этих советских республик. Неприемлемость для советского руководства возникновения на территории Польши украинского «Пьемонта» привела к открытому декларированию в 1923 г. (в связи с решением Конференции послов о передаче Польскому государству Восточной Галиции): «Если участь Восточной Галиции, населенной той же народностью, что и союзная России Украина, будет решена без участия советских республик, то результатом... явится возникновение новых очагов для столкновений в будущем»¹⁹¹. В декабре 1924 г., соглашаясь с целесообразностью переговоров с Польшей, Политбюро постановило «не отказываться от принципа исправления границ между

¹⁸⁸ Пятый Всесоюзный съезд Советов. Отчет Правительства. Доклад А.И. Рыкова//Известия. 23.5.1929.

¹⁸⁹ И.В. Сталин. Ответ товарищам свердловцам, 9.02.1930//Он же. Соч. Т. 12. М., 1953. С.188. В начале 1930 г. эти опасения переросли в подлинную «военную тревогу» относительно возможности вторжения Польши на Украину и в Белоруссию. См. решение «Об Украине и Белоруссии» от 11.3.1930 (раздел 3) и отражение этих ожиданий в приводимых ниже постановлениях о дипломатической линии.

¹⁹⁰ Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), 10.3.1939//И. Сталин. Вопросы ленинизма. М., 1952. С. 615.

¹⁹¹ Нота правительства РСФСР правительствам Франции, Великобритании и Италии, 13.3.1923//ДВП СССР. Т. VII. С.223. Подробнее см.: П. Н. Ольшанский. Рижский договор и развитие советско-польских отношений. 1921–1924. М., 1974. С. 225–227.

СССР и Польшей»¹⁹². Скрытый ревизионизм в отношении восточных территорий Польши (в том числе, закрепленных за ней по Рижскому договору), румынской Северной Буковины и чехословацкой Подкарпатской Руси был закреплен в терминах, которыми оперировали как советская пропаганда, так и Политбюро, – «Западная Украина» и «Западная Белоруссия». Однако крупных практических акций по реализации заложенной в этих понятиях идеи объединения Украины и Белоруссии под скипетром Москвы не предпринималось (в отношении Польши – до 1939 г., Румынии – до 1940-го, Чехословакии – до 1945-го). Тенденция к перерастанию озабоченности своей безопасностью в требование ревизии западных границ нашла свое выражение в позиции СССР относительно принадлежности Бессарабии, оборонительных мероприятий Финляндии, внешней политики Эстонии и Латвии. В советской пропаганде (в особенности, на республиканском и местном уровне) перспектива осуществления этих планов приобретала черты коммунистического «освобождения» прилегающих к СССР территорий. Однако ни решения Политбюро, ни их интерпретация в свете имеющейся документации не позволяют считать, что в руководстве СССР существовало общее воззрение или план относительно продвижения к этой цели или что сама цель советизации соседних с Союзом государств постоянно присутствовала в умах деятелей Политбюро. По всей вероятности, правильнее рассматривать ноты «ревизионизма» и «коммунистической экспансии» в качестве отблеска общего идеологического видения, определявшего восприятие границ СССР с капиталистическим миром как преходящего явления, окрашивающего некоторые конкретные решения Политбюро и размышления других членов советского руководства¹⁹³. Они, однако, по существу не выходили за рамки широкого понимания «национальной безопасности», характерного не только для коммунистического СССР, но и для имперской России (например, времен Екатерины II)¹⁹⁴.

Второй сквозной линией советской политики являлось *поддержание баланса сил*. Этот универсальный международный принцип, в значительной мере вытекавший из прагматического миролюбия, в трактовке Москвы получил своеобразное идейно-психологическое оформление¹⁹⁵. «Поддержать слабейшего», – формулировал его бывший толстовец нарком Чичерин в конце 1920-х гг.¹⁹⁶. Его преемник с санкции Политбюро дал этому тезису развернутое обоснование. Мирные договоры 1919–1922 гг. наложили «огромные тяготы на одни страны в пользу других, углубили противоречия, проведя глубокую, не поддающуюся стиранию грань между так наз[ываемыми] странами-победительницами и побежденными». «Естественное сочувствие» к последним, а также враждебное в отношении СССР поведение версальских держав породили «некоторую общность интересов Советского Союза с пострадавшими от войны государствами»¹⁹⁷. Иными словами, «первым как по времени, так и по важности узлом наших

¹⁹² Протокол № 41 (особый № 28) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 18.12.1924, п. 2Б//И.И. Костюшко (ред.). Указ. соч. С.10.

¹⁹³ См. мотивировку предложения НКВД об обмене политзаключенными с Польшей в записке Н.Н. Крестинского (решение «О Польше» от 1.8.1932 (раздел 1). Член Коллегии НКВД Б.С. Стомоняков был удивлен, когда полпред в Латвии упомянул о безосновательности ее страха перед СССР (Письмо А.И. Свицерского Б.С. Стомонякову, 23.11.1931. (с пометами Б.С. Стомонякова). – АВП РФ. Ф. 09. Оп. 6. П. 49. Д. 17. Л. 288).

¹⁹⁴ См. суждения на этот счет публициста А. Бохеньского и историка Р. Джонсона (Adolf Bocheński. *Między Niemcami a Rosją*. Warszawa, 1937. S. 22–23; Robert E. Johnson. *Runaway peasants and Russian motives for the partitions of Poland*//Hugh Ragsdale (ed.) *Imperial Russian foreign policy*. Cambridge, 1993. P. 103–118).

¹⁹⁵ В понятие «баланса сил» в советском словоупотреблении обычно понималось «соотношение сил» и сравнительно редко – международное равновесие, что придавало основанному на этом принципе международному поведению дополнительную подвижность и изменчивость (см.: Raymond L. Garthoff. *The concept of balance of power in Soviet policy-making*//*World Politics*. 1951. № 4. P. 89–109).

¹⁹⁶ Louis Fisher. *The Soviets in world affairs: A history of the relations between the Soviet and the rest of the world. 1917–1929*. Princeton, (NJ), 1951. P.827. Ведущие советские дипломаты, включая Чичерина, Литвинова и Раковского, ознакомились с этой книгой перед ее выходом в свет в 1930 г.

¹⁹⁷ Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М.М. Литвинова, 23.7.1930.

международных отношений является заключение Рапалльского Договора со всеми вытекающими из него последствиями. Из Западных государств Германия является не только первой, но и единственной страной, установившей с нами полностью нормальные дипломатические отношения. [...] Попытки создания единого капиталистического фронта против СССР, как в политическом, так и в экономическом отношении, и даже для целей интервенции, разбивались, главным образом о крепкий утес наших взаимоотношений с Германией»¹⁹⁸. Однако логика поддержания баланса сил подтачивала вытекавший из нее в 1920-е гг. курс на культивирование политических отношений с Германией. Возрождение германского империализма и связанная с этим менявшаяся расстановка международных сил заставили советское руководство уже в начале 1930 г. признать наличие системного кризиса Рапалло¹⁹⁹. В конце 1931 г. под влиянием Сталина Политбюро отвергло тезис Литвинова о необходимости подчинить отношения СССР с Польшей интересам советско-германской международной кооперации²⁰⁰. В 1932–1934 гг. задача борьбы с гегемонией группировки из великих держав трансформировалась в необходимость политического сближения СССР с Францией и ее европейскими союзниками, с Великобританией и США²⁰¹. В своеобразной форме эту установку в начале 1934 г. подтвердил Генеральный секретарь ЦК ВКП(б): «У нас не было ориентации на Германию, так же, как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР»²⁰². Привкус известной формулы лорда Пальмерстона позволяет трактовать это заявление как проявление изоляционистских настроений и даже «идеологии осадного положения»²⁰³ но в контексте пересмотра позиции СССР в отношении Версальского договора и Лиги Наций его главный смысл состоял в подтверждении приоритетной значимости принципа «баланса сил» для проведения советской внешней политики в прошлом, настоящем и будущем. Характерная для Москвы (как, впрочем, и для Лондона) озабоченность сохранением свободы маневра во многом вытекала из веры во всемогущество этого руководящего принципа, из необходимости подчинить ему соображения политической конъюнктуры или идеологии²⁰⁴.

Принцип недопущения решительного преобладания одной из международных группировок имел для СССР не только общемировое или общеевропейское измерение, но и был непосредственно связан с проблемами защиты советских границ. Говоря о необходимости «поддержки слабейшего» и враждебности «таким международным акциям, которые в какой-либо мере могут способствовать угнетению одних народов другими или подготовке новых войн»²⁰⁵, Москва видела в роли объекта международного давления прежде всего себя. Ее преследовал подлинный «кошмар коалиций» – от миража капиталистической реставрации объединенными силами Франции, Польши, Румынии и Чехословакии при поддержке английского флота и американских капиталов до призрака сговора лапуасцев, пилсудчиков и самураев о расчленении СССР. Едва ли не любая попытка сближения между странами, расположенными в непо-

¹⁹⁸ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 240–242.

¹⁹⁹ См.: Jan Korbel. Poland between East and West: Soviet-German diplomacy toward Poland, 1919–1933. Princeton, N.J., 1963. P.260; Oleg Ken. Collective security or isolation: Poland and Soviet foreign policy, 1930–1935. St. Petersburg, 1996. P. 16–17 и др.

²⁰⁰ См. решения «О Польше» от 30.8.1931, 3.9.1931, 20.9.1931.

²⁰¹ См., в частности, комментарий к решению «О Франции» от 19.12.1933.

²⁰² Отчетный доклад т. Сталина о работе ЦК ВКП(б)//XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б): Стенографический отчет. М., 1934. С.14.

²⁰³ См. Габриэль Городецкий. Миф «Ледокола»: Накануне войны. М., 1995. С.46.

²⁰⁴ В этой связи см. давнюю дискуссию вокруг статьи Р. Такера (Robert C. Tucker. The emergence of Stalin's foreign policy// Slavic Review. 1977. Vol.36. P. 563–589) и, в частности, сформулированный Т. Ульдриком тезис о том, что «советский подход к великим державам, если его освободить от марксистско-ленинского жаргона, являлся традиционной политикой баланса сил» (Teddy J. Uldricks. Stalin and Nazi Germany//Ibid. P.599).

²⁰⁵ Интервью Народного Комиссара Иностранных Дел СССР М.М. Литвинова, 23.7.1930. С. 427.

средственной близости от советских границ, рассматривалась как попытка антисоветского сговора²⁰⁶.

Несмотря на неизбежные черты своеобразия, простирающиеся в исторической ретроспективе, на фоне международных отношений межвоенного периода советская внешняя политика выглядела «похожей на внешнюю политику любой другой нации», не желающей военных осложнений, стремящейся к расширению сношений с иностранными государствами и лелеящей надежду на наступление «Der Tag», когда неудовлетворительные для нее итоги мировых потрясений 1914–1920 гг. могут быть исправлены²⁰⁷. «Классовый подход», поначалу являвшийся одним из основных элементов советского внешнеполитического мышления, трансформировался в геополитическое видение, согласно которому мир состоял из «главных», «ближайших» и «смертельных» противников, их «цепных собак», «авангардов» и «тылов», «слабых звеньев» и немногих «друзей»²⁰⁸. Притом общие установки в целом традиционной политики безопасности и баланса сил не привели к построению концепции и, тем более, детального плана укрепления внешнеполитических позиций СССР и достижения им неких промежуточных или конечных результатов. Область конечных результатов принадлежала эсхатологии, в остальном царил эмпирик.

«Наша иностранная политика не определяется установленной заранее начерченной программой, учитывающей не только, что есть сегодня, но и завтра, быть может, – указывал Христиан Раковский в 1927 г., обращаясь к членам ЦК и ЦКК. – Она определяется эмпирически изо дня в день под влиянием тех или иных событий. И Наркоминдел, и полпреды не имеют плана»²⁰⁹. Преодолению «эмпирического подхода» должно было способствовать периодическое комплексное рассмотрение внешнеполитических проблем на особых заседаниях Политбюро, проект организации которых Дзержинский намеревался внести незадолго до своей смерти. Шаги в этом направлении были предприняты весной-летом 1927 г., когда Политбюро обсуждало меры по ослаблению внешней угрозы, причем соответствующие решения (например, «Об Англии») охватывали широкий круг деятельности – от работы Осоавиахима до директив дипломатическим миссиям.

Однако с осени 1927 г., по мере минования «военной тревоги», эта практика была свернута. Выработка решений по проблемам обороны, согласование подходов НКВМ, НКФ ВСНХ, Госплана к оборонному строительству военным и хозяйственным делам с 1927 г. сосредоточились преимущественно в рамках нового института – Распорядительных заседаний Совета Труда и Обороны, на смену РЗ СТО в декабре 1930 г. пришла Комиссия Обороны Политбюро ЦК ВКП(б) и СНК СССР. В конце 1920-х – первой половине 1930 г. вклад Политбюро в организацию работ по обороне страны, как правило, ограничивался проведением немногочисленных специальных («закрытых») заседаний и принятием программных постановлений (1927,

²⁰⁶ О параноиде и эгоцентризме как неизбежных порождениях «стратегического подхода» к международным делам см.: Michael Howard. The strategic approach to international relations//Idem. The causes of war and other essays. 2nd ed. Cambridge (Mass.), 1984. P.45–46. Эти феномены во многом обуславливали «советскую тенденцию к генерализации и извлечению всеобъемлющих выводов из ничтожных явлений» (K.G. Martin to W. Erskine, Warsaw, 8.10.1929. – PRO. FO/371/14041/N4639 (наблюдение польского атташе в Москве Я. Ковалевского)).

²⁰⁷ E. Ovey to A. Henderson, 10.3.1931. Soviet Union Annual report, 1930. – PRO. FO/371/15619/<N 1831>.

²⁰⁸ Ср. Gabriel Gorodetsky. The formulation of Soviet foreign policy: Ideology and *Realpolitik*//Idem (ed.). Soviet foreign policy 1917–1941: A retrospective. L., 1994. P. 41–42.

²⁰⁹ Выступление Х.Г. Раковского. Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет (вып. 1). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. С.98. Ранее Раковский еще более емко определил своеобразие иностранной политики. «Один из ее больших недостатков», писал он Литвинову, состоит в том, что «мы недостаточно заглядываем вперед или же смотрим слишком вдаль» (Письмо Х.Г. Раковского М.М. Литвинову, Лондон, 5.1.1924 (копии Г.В. Чичерину, Э.И. Квиригу, членам Политбюро ЦК РКП(б). – РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 21). Другой крупный советский дипломат, К.К. Юренев, еще в 1920 г. определил «политику ЦК» как «политику импрессионизма» (Девятая конференция РКП(б). Сентябрь 1920 года. Протоколы. М., 1972. С.40), а Иоффе указывал Ленину на «наш постоянный импрессионизм» во внешней политике (Письмо А.А. Иоффе В.И. Ленину, 28.10.1922//Надежда Иоффе. Адольф Абрамова Иоффе. М., 1997. С.86).

1929, 1931), а также санкционированием мер, вносимых РЗ и КО. В результате предпринятой в 1927–1930 гг. перестройки высших звеньев управления, в области обороны советское руководство соответствующими доктриной и системой приоритетов, механизмом согласования работы центральных, республиканских, местных органов и установило режим контроля за реализацией поставленных задач. Однако во внешнеполитической области ничего подобного не происходило. Вплоть до весны 1937 г. Политбюро не делегировало ответственности за внешнеполитические проблемы какому-либо постоянному органу и в то же время не организовывало специальных заседаний, систематического обзора международного положения, заслушивания полпредов и т. д. Сфера внешней политики осталась вне процессов концептуализации и планового руководства со стороны Политбюро ЦК ВКП(б). Представитель СССР в Лондоне и Париже в 1924–1927 гг., Раковский усматривал в этом величайшее упущение: «Наркоминдел формально ответственен перед правительством и Политбюро за иностранную политику. Формально Политбюро ответственно перед партией, но фактически оно не в состоянии руководить этой работой»²¹⁰. Правильнее было бы сказать, что руководители Политбюро намеренно предпочитали избегать составления как генерального плана внешней политики, так и систематического расписания рассмотрения проблем взаимоотношений с внешним миром. В этом они следовали духу ленинизма, высмеявшего схемы движения к революции, и самому Ленину, включившему в свое «политическое завещание» наполеоновское «*От s'engage et puis... on voit*». Сталин и другие руководящие члены Политбюро предпочитали реагировать на отдельные поставленные перед ними вопросы, нежели намечать общую или региональную перспективу внешней политики, и в соответствии с ними требовать от исполнителей периодического отчета относительно продвижения в указанном ими направлении (как то предлагал дисциплинированный западный ум Раковского). Соответственно, представляемые в «инстанцию» предложения НКВД и НКВТ носили характер частных предложений, связь которых с общими задачами советской политики была неясной и расплывчатой, а порой вообще не прослеживалась. Ни в одном из изученных нами представлений наркома и Коллегии НКВД в Политбюро, открывавшихся мотивировочной частью или общим *exposé*, не содержалось не только упоминания или ссылки на следование неким долгосрочным директивам (или, хотя бы «программам мира», которые с середины 1960-х гг. стало составлять советское руководство)²¹¹. Этот подход к внешнеполитическому планированию хорошо демонстрирует наиболее известное и масштабное решение Политбюро, которым был определен «курс СССР на коллективную безопасность». Резолюция 99/74, принятая опросом членов Политбюро 19 декабря 1933 г., содержала директивы, которые НКВД разрешалось «дать т. Довгалеvскому для ответа Бонкуру», и тем самым санкционировала изменение позиции СССР в европейских делах. Однако постановление Политбюро не намечало никакой программы действий, выходящих за рамки тайных бесед полпреда с французским министром иностранных дел²¹². «Основополагающее правило партии – никогда не быть пленником одобренной позиции, она должна быть вольна занять другую позицию, если того потребует политический интерес»²¹³ – во внешнеполитической деятельно-

²¹⁰ Выступление Х.Г. Раковского.

²¹¹ Показательно, что когда в сентябре 1931 г. М.М. Литвинов попытался обосновать сохранение прежней политической линии Москвы в отношении Варшавы, излагая «совершенно бесспорные» «положения» – общие предпосылки европейской политики СССР, то по призыву Сталина Политбюро постановило «отвергнуть установку т. Литвинова» (см. решение «О Польше» от 20.9.1931). Думается, что причиной появления такой уникальной в отношении М.М. Литвинова формулировки явилась не только его несговорчивость, но и «дерзкая» претензия на формулирование для Политбюро некоторых основ советской внешней политики.

²¹² См. постановление «О Франции» от 19.12.1933, в публикациях советской поры изображавшееся как «решение о разрывании борьбы за сохранение мира» или «о разрывании борьбы за коллективную безопасность», что подразумевало наличие соответствующей стратегии или плана (см., в частности: История СССР с древнейших времен до наших дней. 2-ая сер. Т.IX. М., 1971. С.28; А.Л. Нарочницкий (ред.). СССР в борьбе против фашистской агрессии 1933–1945. М., 1986. С.22).

²¹³ Ален Безансон. Интеллектуальные истоки ленинизма. М., 1998. С.239. Видный сотрудник НКВД и ЦК ВКП(б) Михальский (П. Л. Лапинский) уже в начале 1921 г. доказывал, что советское правительство – «самое реалистическое в

сти Политбюро было доведено до такой степени совершенства, что порой искушенный полномочный представитель Союза ССР терялся относительно того, в чем эта одобренная позиция состоит и как она соотносится с общими заботами Москвы²¹⁴.

Разумеется, неполнота информации о внешнеполитической деятельности Политбюро не позволяет исключить наличие у него документально оформленных планов или согласованной системы представлений о задачах и методах проведения иностранной политики. Несомненно, однако, что Политбюро ЦК ВКП(б) не рассматривало и не принимало решений, утверждавших внешнеполитическую программу СССР, а его поведение, в связи с разногласиями между Литвиновым и Сталиным относительно переговоров с Польшей о пакте ненападения дает основания сомневаться в существовании известном членам Политбюро плана действий даже на ближайшую перспективу. Внимательные наблюдатели констатировали, что «политическая тактика СССР всегда идет по линии сосредоточения усилий на очередных задачах». «СССР проводит свою внутреннюю и зарубежную политику «рывками» (ударная система), порой – огромными, и занимается исключительно одним из наиболее важных для себя дел в ущерб остальным. Временами пренебрегает политикой на Западе ради того, чтобы все силы направить на Восток – или наоборот. Однако это не мешает тому, чтобы лучше или хуже разделившись на время с одним из дел, в данную минуту выкинувшихся на передний план, неожиданно наброситься на другое, совершенное иное, и, в свою очередь, атаковать его с тем же напряжением энергии, что и предыдущее»²¹⁵.

По крайней мере, до рубежа 1931–1932 г., когда советское руководство озаботилось созданием надведомственных внешнеполитических органов²¹⁶, деятельность Политбюро по руководству советской политикой, прибегая к обычным сравнениям, можно уподобить действиям капитана и его помощников, проводящих время в кают-компании в ожидании беспорядочных докладов о подводных течениях, направлении ветра и приближении к рифам. Не располагая картой, команда время от времени сверяет свой путь с солнцем, но считает излишним беспокоиться из-за того, что маршрут не проложен. Она верит, что, если сохранять корабль в целостности и не слишком часто поворачивать назад, мировая стихия перенесет его к берегам по другую сторону океана. Отметки в судовых журналах позволяют вычертить общий маршрут некогда самонадеянного корабля. Вряд ли, однако, следует поддаваться соблазну считать проделанный им путь результатом следования определенным курсом, даже если капитан время от времени отдавал распоряжения о поворотах руля. Это применимо и к эволюции советской политики 20-х – 30-х гг. в отношении западных соседних государств. Она свершалась при преобладающем воздействии международных факторов, ее приоритеты и пределы определялись характером режима и внутренними обстоятельствами. Руководство внешней политикой со стороны Политбюро состояло в каждодневном соединении первых со вторыми.

* * *

Временная утрата статуса великой державы и первостепенность забот об обеспечении безопасности СССР, прочности социально-политического строя, утвердившегося на большей части бывшей Российской империи в 1917–1921 гг., обусловили характерную для советской

мире», ибо «способно примениться ко всем обстоятельствам», «идеально усвоить любую политику (to assimilate perfectly all policies)» (Richard K. Debo. *Survival and consolidation: The foreign policy of Soviet Russia, 1918–1921*. Montreal etc., 1992. P. 404).

²¹⁴ См. решение «О Польше» от 25.1.1930.

²¹⁵ Raport J. Kowalewskiego do T. Pełczyńskiego, 21.1.1930. – ЦХИДК. Ф. 308. Оп. 19. Д. 28. Л. 12; Raport St. Patka do A. Zaleskiego, 19.1.1930. – Там же. Л. 1.

²¹⁶ См. решения «Вопросы НКВД» от 22.11.1931 и «Об информационном бюро» от 1.4.1932 (раздел 4) и вступительную статью к этому разделу.

политики конца 1920-х – начала 1930-х годов сосредоточенность на упрочении своего положения в восточноевропейском регионе.

Формирование новых государств Восточной Европы оказалось переплетено с военно-политическими конфликтами, наследие которых легло тяжелым бременем на отношения большевистской России со своими соседями. Наиболее продолжительным из них явилась борьба за Эстонию в конце 1917 – декабре 1919 г. Подписанный 2 февраля 1920 г. Тартуский мирный договор стал первым из череды аналогичных трактатов, подведших черту под усилиями по установлению советского строя в странах Балтии и подтверждавших их независимость и государственную самостоятельность, – с Литвой (12 июля 1920 г.), Латвией (11 августа 1920 г.) и, наконец, с Финляндией (14 октября 1920 г.). Основополагающее значение для системы международных отношений в Восточной Европе имел Рижский мирный договор между советскими республиками (РСФСР, УССР, БССР) и Польским государством. Заключенный 18 марта 1921 г. после ожесточенной войны, разыгравшейся на пространстве от Смоленска и Киева до Львова и Варшавы, Рижский мир перечеркнул грандиозные замыслы обеих сторон – Федеративной Польши и Советской Европы²¹⁷. Отделенная от Советских республик географическим барьером новая Чехословакия также оказалась косвенным участником гражданской войны в России. Выдающаяся роль Чехословацкого корпуса, с конца 1918 г. официально подчинявшегося правительству в Праге, в событиях в Поволжье, Сибири и на Урале во многом осложнила становление межгосударственных отношений между Советской Россией и Чехословацкой Республикой. Лишь в апреле 1922 г. между этими странами было достигнуто соглашение об ограниченном взаимном признании и установлении отношений де-факто. Враждебные отношения между советскими властями и Румынией не переросли в масштабный конфликт, несмотря на разрыв Бухарестом «русско-румынского соглашения об очищении Румынией Бессарабии» немедленно после его подписания в марте 1918 г. Добившись от европейских держав-победителей (Англия, Франция, Италия) признания «объединения Бессарабии с Румынией» (Парижский протокол от 28 октября 1920 г.), Румыния создала непреодолимое препятствие на пути установления отношений с СССР. В 1921 г. руководство ЦК колебалось, склоняясь то к насильственному занятию Бессарабии («эта мысль очень соблазняла Ильича»), то к готовности на нормализацию отношений с Румынией при фактическом признании принадлежности ей Бессарабии²¹⁸. В отличие от советского, румынское правительство исходило из отсутствия состояния войны между СССР и Румынией²¹⁹, но прелиминарные переговоры о нормализации отношений и мирном договоре (Варшавская конференция (сентябрь-октябрь 1921 г.) и Венская встреча (март-апрель 1924 г.) закончились провалом. Вплоть до 1929 г. советско-румынские отношения не были урегулированы каким-либо международно-правовым актом, за исключением «Положения» о «предупреждении и разрешении конфликтов, могущих возникнуть на реке Днестр», ставшей пограничным рубежом между СССР и Румынией.

Независимо от того, в какой форме и мере упорядочились отношения Москвы с ее европейскими соседями, она оказалась вынужденной считаться со складывающимся в Восточной Европе международным порядком. В начале 1921 г. советизацией Грузии и подписанием «контрреволюционного» (по определению Троцкого) Рижского мира определился предел осуществимости замыслов, в которых странам-лимитрофам отводилась роль «объединяющего звена» между Советской Россией и революцией на Западе. Применительно к ним большевистскому государству приходилось осваивать иные понятия – «санитарный кордон», «буфер»,

²¹⁷ Piotr Stefan Wandycz. The Treaty of Riga: Its significance for interwar Polish policy/Thaddeus V. Gromada (ed.). Essays on Poland's foreign policy 1918–1939. N.Y., 1970. P.33.

²¹⁸ См.: Письмо Х.Г. Раковского М.М. Литвинову, Лондон, 11.2.1924 (копии Г.В. Чичерину, членам Политбюро ЦК РКП(б) и Политбюро ЦК КП(б)У)//«Нам нечего торопиться вынимать из румынской ноги бессарабскую занозу». Переписка Х. Раковского с М. Литвиновым. Публ. О. Кена, А. Рупасова/Источник. Документы русской истории. 2001. № 1. С. 46–62.

²¹⁹ В.Н. Виноградов и др. Бессарабия на перекрестке Европейской дипломатии: Документы и материалы: М., 1996. С.252.

«плацдарм» и «авангард капиталистического мира». При этом, ослабленной Советской России в ходе мирных переговоров с соседями пришлось отказаться от последовательного отстаивания национально-государственных интересов и пойти на уступки по многим имущественным, финансовым и территориальным вопросам²²⁰. Новая конфигурация границ, предоставившая, в частности, Финляндии выход к Северному Ледовитому океану (Петсамо), Латвии – стык с Польшей, Эстонии – Печорский уезд, бессилие помешать исполнению притязаний Польши на Восточную Галицию и Румынии на Бессарабию, лишили Россию непосредственного соседства с Литвой и Чехословакией. Как и во времена «восточного барьера» XVI–XVII вв., возможности ее взаимодействия с Центральной и Западной Европой в значительной мере зависели от Речи Посполитой. Двухсотлетнее российское господство на востоке Балтики кончилось. Свобода внешнеполитического маневра Советской России оказалась стеснена. Как показала Генуэзская конференция 1922 г. прежде, чем Москва могла вернуться в большую мировую и европейскую политику, ей предстояло решить проблемы, вставшие перед Советской Россией как региональной державой²²¹.

Главной из них советское руководство считало проблему безопасности. Из периода всеобщих потрясений большевики вышли с убеждением, что «если бы все эти маленькие государства пошли против нас... нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение»²²². С другой стороны границы процесс образования новых государств был сопряжен с пониманием (особенно прочно утвердившимся в Эстонии, но не чуждым ни одной стране региона), что малым странам трудно «в одиночку выжить в мире великих держав»²²³. С 1919 г. западные соседи Советов предпринимали попытки координации своей политики в отношении Москвы. В сентябре 1919 г. состоялись конференции МИД Литвы, Латвии и Эстонии, в январе 1920 г. к ним присоединились Финляндия и Польша (всего в 1919–1926 гг. состоялось около 60 различных «балтийских конференций»). Наиболее яркое выражение тенденция к их консолидации в рамках Большого балтийского блока получила на Варшавской конференции (март 1922 г.) с участием Финляндии, Латвии, Эстонии и Польши (занятие польскими войсками Виленской области в октябре 1920 г. создало так и не устраненную преграду к взаимодействию Литвы со Второй Республикой). Опасение оказаться инструментом польской политики и быть втянутой в военный конфликт с СССР обусловило отказ Хельсинки от Варшавского аккорда. Идея Большого балтийского блока осталась неосуществленной, но на протяжении последующего десятилетия, пока сохранялись в силе вызвавшие ее международные условия, она продолжала волновать воображение советских руководителей и некоторых политических кругов в странах-лимитрофах. Более скромным отпочкованием тенденции к объединению соседних с СССР балтийских государств явился проект Малого балтийского блока в составе Литвы, Латвии и Эстонии (либо Польши, Латвии и Эстонии); в 1923 г. был подписан союзный договор между Латвией и Эстонией (ратифицировавшими также Варшавское соглашение 1922 г., от подтверждения которого сама Польша впоследствии отказалась).

Занимавшая центральное положение в сношениях Советской России со странами региона, Польша в январе 1921 г. заключила договор с Румынией о взаимных гарантиях на случай советской агрессии, согласно которому они обязались «взаимно уважать и защищать перед угрозой извне нынешние целостность их территории и политическую независимость». Под-

²²⁰ См., в частности: Письмо А.А. Иоффе В.И. Ленину, 28.10.1922. С. 85.

²²¹ Характерно, что первая международная встреча представителей Советской России и стран-лимитрофов (Рига, 29 марта 1922 г.) была организована ею в преддверии Генуэзской конференции. В Балтийской конференции по возобновлению экономической жизни в Восточной Европе и упрочению мира в этом регионе приняли участие Польша, Латвия, Эстония и, с информационной целью, Финляндия.

²²² Цит. по: В.П. Потемкин (ред.). История дипломатии. Т. III: Дипломатия в период подготовки второй мировой войны (1919–1939). М.; Л., 1945. С. 71.

²²³ См. Marko Lehti. The Baltic League and the idea of limited sovereignty//Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Bd 45. 1997. Heft 3. S.450–465.

писанный на пять лет договор был в 1926 и 1931 гг. заменен новыми союзными соглашениями и привел к тесному взаимодействию румынских и польских правительств и генеральных штабов. Подписанные в апреле и июне 1921 г. пакты Румынии с Чехословакией и Югославией укрепили ее тыл и привели к окончательному оформлению Малой Антанты. Целью ее создателей являлась защита статус-кво в Центральной Европе от венгерского и германского ревизионизма, присоединение Бухареста к оси Прага-Белград не привело даже к признанию ими аннексии Бессарабии. Тем не менее, логика международных комбинаций придала Малой Антанте побочную «антисоветскую функцию», и Румыния приобрела дополнительные гарантии на случай войны с Советами²²⁴. Франко-польский (февраль 1921 г.) и франко-чехословацкий (январь 1924 г.) союзы связал, эту сеть соглашений на рубежах СССР с поддержкой со стороны самой сильной военной европейской державы 1920-х гг.

Советское руководство медленно адаптировалось к постреволюционной реальности и ожидало возобновления национально-классовой борьбы на своих западных рубежах, полагая, что новая «война начнется через 3–4 года... после окончания войны с Польшей и ликвидации Врангеля»²²⁵. После «германского октября» и провала коммунистического путча в Таллинне (1 декабря 1924 г.) невозможность завершить порыв 1917 г. советизацией соседних государств окончательно стала очевидной. В апреле 1925 г. Западный фронт, в полосе которого в первой половине 20-х велись частые столкновения с поляками и самостийными украинцами, был преобразован в военный округ. Несколько ранее (в феврале 1925 г.), констатируя «установление более или менее нормальных дипломатических отношений с прилегающими к СССР странами», Политбюро распорядилось прекратить направляемую советскими государственными органами «активную разведку» (диверсии) в Польше, «боевую и повстанческую работу» в других соседних государствах; при этом оговаривалось, что обстановка может потребовать возвращения к этим методам («например – Бессарабия») ²²⁶. Месяцем позже Политбюро создало особую «комиссию из представителей НКВД, ОГПУ и Военного ведомства для систематической разработки и систематизации имеющихся сведений, подготовительных действиях соседних стран»²²⁷.

Главным выводом комиссии Политбюро явилось утверждение, что свершившийся «факт создания блока из Прибалтийских стран, Польши и Румынии таит в себе непосредственную угрозу безопасности СССР»²²⁸. Эта одобренная Политбюро установка стала основой подготовки страны к обороне на протяжении последующего десятилетия. Три годами позже, рассматривая предложения Госплана по военной промышленности, Политбюро ЦК ВКП(б) уточнило: «военная опасность угрожает [Советскому Союзу] главным образом со стороны Польши»²²⁹. «Нам нужно во что бы то ни стало, – разъяснял нарком Ворошилов, – быть на одном уровне с нашими ближайшими соседями – с Румынией, Польшей, Литвой, Латвией,

²²⁴ Magda Ádám. *The Little Entente and Europe (1920–1929)*. Budapest, 1993. P. 222–224.

²²⁵ К. Ворошилов. Будет ли война? М., 1930. С.15.

²²⁶ Протокол № 50 (особый № 37) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 25.2.1925, п. 26//И.И.Костюшко (ред.). Указ. соч. С. 13–14. В подтверждение этого постановления Политбюро вскоре одобрило подготовленное комиссией Куйбышева – Литвинова – Уншлихта «Положение о подготовке диверсионных действий в тылу противника» – на территории Польши и Румынии (Протокол № 54 (особый № 41) заседания Политбюро ЦК РКП(б) от 26.3.1925, п. 12. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 91 96).

²²⁷ Протокол № 54 (особый № 41) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 26.3.1925, п. 15. – Там же. Л. 92. Толчком к этому решению явилось проведение в Риге конференции военных экспертов Польши, Румынии, Латвии, Эстонии и Финляндии (30 марта–3 апреля 1925 г.), которую Политбюро расценило как «совещание генштабов» и «создание блока». О действительном (и весьма далеком от этого) содержании работ конференции см. – Marian Leczyk. *Polska a sąsiedzi. Stosunki wojskowe*. Białystok, 1997. S.121–125.

²²⁸ Протокол № 1 заседания комиссии 3 апреля 1925 г. (приложение к п. 1 протокола № 56 (особый № 43) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3.4.1925). – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 109.

²²⁹ Протокол № 21 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 19.4.1928, п. 15. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 6. Л. 63.

Эстонией и Финляндией – со всей этой каемочкой государств, окружающих нас»²³⁰. Военно-политическая доктрина, утвержденная Политбюро в июле 1929 г., определяла все соседние с СССР западные государства как «вероятного противника» «на главнейшем театре военных действий» и требовала достижения паритета с ними по численности вооруженных сил и превосходства в «двух-трех решающих видах борьбы» (воздушный флот, танки, артиллерия). В начале 1930-х оценка вооруженных сил и боевых возможностей лимитрофов продолжала служить отправной точкой для мобилизационного планирования и строительства Красной Армии²³¹.

Другая часть работ комиссии 1925 г. была посвящена определению действий «по разложению этого блока». Было решено «использовать возможности нашего экономического давления на государства Прибалтики» (при этом признавалось незнание «конъюнктуры наших экономических отношений с Прибалтикой»); усиливать «существующий между Польшей и Литвой антагонизм», «максимально использовать» германо-польские противоречия²³². Подготовка и заключение Локарнских соглашений между западными державами и Германией (парафированы 16 октября, подписаны 1 декабря 1925 г.) серьезно модифицировали направленность намеченных советских внешнеполитических усилий и ослабили их конфронтационную тональность. С неприязнью воспринятые в Москве, эти соглашения утверждали различие в международном статусе западных и восточных границ Германии. Предоставление первым из них дополнительных гарантий поощряло тенденцию к пересмотру немецко-польского и немецко-чехословацкого территориального урегулирования. Вместе с тем, Локарнские соглашения фактически положили конец консультациям между представителями СССР и Германии о совместных действиях для сведения пределов Польского государства к ее «этнографическим границам»²³³. Стремясь приостановить дрейф Германии в западном направлении и компенсировать ущерб, который Локарно нанесло германо-советским отношениям, советское руководство впервые смутно ощутило общность международно-политических интересов всех государств востока Европы. В сентябре 1925 г. нарком Г.В. Чичерин посетил с официальным визитом Варшаву, чтобы «создать несколько опорных пунктов для дальнейших дипломатических переговоров, имеющих целью прочное сближение между нашими государствами»²³⁴.

²³⁰ К.Е. Ворошилов. Речь на VIII Всесоюзном съезде металлистов, 25.2.1928//Он же. Статьи и речи. М., 1937. С.251.

²³¹ См.: Доклад Правительственной комиссии К.В. Ворошилова (проект), [не позднее 5.5.1928]. – РГАЭ Ф. 4372. Оп. 91. Д. 213. Л. 110–109.; Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О состоянии обороны СССР», 15.7.1929. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 7. Л. 103; Докладная записка Р.А. Муклевича И.В. Сталину «О необходимости пересмотра постановления Политбюро о морском флоте», 11.12.1929. – РГА ВМФ.Ф. 31483. Оп. 1. Д. 206. Л. 106–106об; Доклад Народного Комиссара по Военным и Морским Делах в Комиссию Обороны «О развитии РККА во второй пятилетке, [не ранее 13] 12.1933. – РГВА. Ф. 40442. Оп. 1. Д. 332. Л. 135; а также: Я. Берзин, А. Никонов, Я. Жигур. Будущая война. Издание IV Управления Штаба РККА, 1928 (аналитическая работа, подготовленная по распоряжению Начальника Штаба РККА, переиздана для служебного пользования Генеральным Штабом ВС РФ в 1998 г.; ее изложение см.: Lennart Samuelson. Soviet defence industry planning: Tukhachevskii and military-industrial mobilisation 1926–1937. Stockholm, 1996. P. 46–52).

²³² Протокол № 1 заседания комиссии 3 апреля 1925 г. (приложение к п. 1 протокола № 56 (особый № 43) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 3.4.1925). Мы не располагаем сведениями ни о решениях, принятых на последующих заседаниях этой комиссии, ни о продолжительности ее работы.

²³³ Zygmunt Gasiorowski. The Russian overture to Germany of December 1924//Journal of Modern History. Vol. XXX, № 2 (June 1958). P. 103. В связи с распространенным среди историков убеждением в существовании в 1920-е гг. далеко идущего военно-политического соглашения между СССР и Германией, уместно привести свидетельство заместителя наркома – в прошлом полпреда в Берлине (1921–1930 гг.), писавшего своему преемнику: «Мы не продумывали, может быть, до конца вопроса о нашем отношении к попыткам немцев вооруженной рукой исправить версальские границы, но мы всегда осторожно держались во всех тех случаях, когда немецкая сторона заговаривала о совместной вооруженной борьбе, скажем против поляков. Мы не возражали, когда немцы говорили об общем враге, то же делали наши военные. Таким образом, мы не разбивали надежды немцев на то, что в случае их столкновения с Польшей, они встретят с нашей стороны ту или другую [поддержку? – Авг.], но никаких положительных заявлений с нашей стороны, которые давали бы им право надеяться на нашу активную помощь, с нашей стороны никогда не было [...] Одним словом, мы никогда ни устно, ни письменно, ни официально, ни неофициально не давали обещания поддерживать герм[анское] пра[вительство] в его реваншистской войне против Польши» (Письмо Н.Н. Крестинского Л.М. Хинчуху, [между 16 и 19].5.1933. – АВРП РФ. Ф. 082. Оп. 16. П. 71. Д. 1, Л. 194–193).

²³⁴ Заявление Г.В. Чичерина представителям польской печати, 28.9.1925//ДиМП. Т.IV. М., 1966. С. 413.

В поле обсуждения вошла проблема заключения советско-польского гарантийного пакта, от чего советская дипломатия прежде отворачивалась, настаивая на приоритете международных мер по разоружению над механизмами безопасности. Поскольку выступление СССР с такой инициативой было чревато образованием дипломатического фронта его западных соседей под эгидой Польши для совместных переговоров о пактах о ненападении, советское руководство, стремясь отделить малые балтийские страны от Польши, решило отступить от принципа неучастия в многосторонних соглашениях. В феврале 1926 г. Политбюро санкционировало «предварительные переговоры с Эстонией, Литвой и Латвией о заключении четверного соглашения о ненападении, невступлении во враждебные комбинации и о нейтралитете»²³⁵.

Следствием этих усилий явилось, однако, предъявление Латвией, Эстонией и Финляндией согласованного с Польшей набора условий двусторонних пактов ненападения с СССР: одновременность их заключения («юнктим»), арбитражное разрешение споров между сторонами, согласование условий пактов с Уставом Лиги Наций. Летом 1926 г. Москва пыталась прорвать «единый фронт» путем ведения отдельных переговоров с Финляндией и Польшей. Для воздействия на Хельсинки Москва фактически прервала демаркацию советско-финской границы и с помощью Германии заблокировала избрание Финляндии в Совет Лиги. Попытки соблазнить Польшу (где в мае 1926 г. установился «санационный» режим Пилсудского) возможностью ослабить рапальские узы, заключив с СССР пакт о неагрессии, не удались. От раздумий о выгодах соглашения с Польшей за счет отказа от поддержки Литвы в территориальном споре между ними²³⁶ советская дипломатия перешла к форсированию переговоров с Литвой о договоре ненападения ценой официального декларирования в ноте Чичерина, что «фактическое нарушение литовских границ» «не поколебало» отношения Союзного правительства к определению территориального суверенитета по советско-литовскому договору 1920 г. Антипольская основа советско-литовского сближения акцентировалась одновременным заключением «джентльменского соглашения» об обмене информацией в отношении Польши²³⁷. Договор о дружбе и нейтралитете между СССР и Литвой, к которому прилагалась нота Чичерина, был подписан 28 сентября 1926 г. и имел «фатальное значение для польско-литовских отношений»²³⁸, пятью месяцами ранее аналогичный договор был заключен с Германией. Таким образом, на «окружение» СССР по периметру западных границ, Москва ответила политико-дипломатическим «окружением» Польши. Вслед за этим советское руководство предприняло попытку изменить позицию Латвии, предложив ей выгодное экономическое соглашение (заказы на 6 млн. рублей в год и др.) в обмен на «ликвидацию враждебной политики в отношении СССР» и заключение политического договора «на выставленных нами условиях»²³⁹. В итоге дипломатического торга Москва согласилась на создание арбитражной комиссии с нейтральным председателем и по торговому договору обязалась увеличить импорт из Латвии до 15 млн. рублей в год²⁴⁰. Благодаря этим уступкам, в марте 1927 г. советско-латвийский пакт о нейтралитете был парафирован, и Политбюро без промедления возоб-

²³⁵ Протокол № 11 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 18.2.1926, п. 2. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 23.

²³⁶ См. изложение предложений полпреда в Каунасе С.С. Александровского в: А. Kasparavicius. The political projections of the great powers with respect to Eastern Europe, 1925–1926//Lithuanian Historical Studies. 1996. Vol.1. P.170.

²³⁷ См. решение «О Литве» от 23.5.1929 (раздел 1) Остаются неизученными военно-политические связи между Москвой и Каунасом. Допущенный к государственным секретам автор глухо упоминает, что «к концу 20-х годов у Литвы и СССР установились особые отношения в военной области, которые носили секретный характер и были связаны с особенностями отношений обеих стран с Польшей» (А.А. Кокошин. Армия и политика: Советская военно-политическая и военно-стратегическая мысль., 1918–1991. М., 1995. С. 95).

²³⁸ Stanisław Gregorowicz. Polsko-radzieckie stosunki polityczne w latach 1932–1935. Wrocław; Warszawa, 1982. S. 26–27.

²³⁹ Протокол № 73 (особый № 55) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 16.12.1926, п. 3. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 4. Л. 28.

²⁴⁰ См.: Протокол № 81 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 27.1.1927, и. 17. – Там же. Л. 52; Протокол № 87 (особый) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 17.2.1927, п. 7. – Там же. Л. 64.

новило дипломатическое наступление на Варшаву. Оно было объявлено решающим: НКВД поручалось «в переговорах с Польшей исходить из необходимости доведения их до успешного конца»²⁴¹. На протяжении апреля-сентября позиции двух стран сблизились, но основные разногласия, в том числе проблема увязывания советско-польского договора с «заключением пактов со всеми балтами», оказались непреодолимыми²⁴². Эпилогом нового тура переговоров между Москвой и Варшавой стал отказ Риги ратифицировать договор с СССР марта 1927 г. и попытка МИД Латвии актуализировать идею «пакта Восточного Локарно», которым Великобритания, Франция, Германия и Советский Союз «гарантировали бы нейтральность и целостность балтийских государств»²⁴³.

Исход пактовой кампании 1926–1927 гг. явился тяжелым уроком для советских руководителей. Некоторые важные задачи программы весны 1925 г., в первую очередь углубление противоречий между Польшей и Германией и Литвой, были достигнуты, другие (использование «возможностей экономического давления на государства Прибалтики») оказались нереальными²⁴⁴. Международное положение СССР оставалось проблематичным. Независимо от того, в какой степени руководители Политбюро соглашались с утверждением Зиновьева («переориентация Германии есть совершившийся факт»)²⁴⁵, СССР был бессилён как воспрепятствовать процессу сближения Германии со странами-победителями – так же как и найти иную опору в европейской политике. Даже спустя несколько лет руководитель НКВД был вынужден констатировать: «С Англией и Францией и некоторыми другими европейскими странами у нас имеются дипломатические отношения, но далекие от нормальных, ибо проблемы внешней политики почти никогда не бывают предметом обсуждения с ними [...] Послы и посланники этих стран в Москве выполняют скорее консульские функции, чем дипломатические. Только в Берлине наше полпредство занимает подобающее ему место в дипломатическом корпусе, так и перед лицом германских официальных учреждений»²⁴⁶. Односторонний характер политических связей СССР делал его заложником международной конъюнктуры и внутренней политической жизни стран-партнёров и даже отдельных политиков. Так, государственный переворот в Литве, совершенный спустя три месяца после заключения с нею договора о дружбе, и приход к власти правительства таутиников во главе с трудноуправляемым националистом А.Вольдемарасом быстро показали советским руководителям, сколь рискован соблазн использования литовской карты.

Вынужденная односторонность советской политики отчасти компенсировалась дружественными отношениями с Турцией, до середины 30-гг. соглашавшейся играть роль младшего партнёра СССР²⁴⁷. Культивирование отношений с Анкарой позволяло Москве нейтрализовыв-

²⁴¹ Протокол № 94 (особый № 72) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 7.4.1927, п. 5//И.И. Костюшко (ред.). Указ. соч. С. 29.

²⁴² Протокол № 125 (особый № 103) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 22.9.1927, п. 6//Там же. С. 33–34.

²⁴³ David M. Crowe. The Baltic states and the great powers' foreign relations, 1918–1940. Boulder etc., 1993. P. 10–11.

²⁴⁴ Уже 8 апреля 1925 г., обсудив процитированное выше решение Политбюро, Коллегия НКВД «сочла нецелесообразным припугнуть Латвию и Эстонию экономическим бойкотом» (Историческая справка о Балтийском союзе (приложение к записке И.М. Морштына М.М. Литвинову (копия Б.С. Стомонакову), 14.1.1932. – АВП РФ. Ф. 05. Оп. 12. П. 86. Д. 68. Л. 18).

²⁴⁵ Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет. Вып. 1. С. 46. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. С не меньшей односторонностью Чичерин доказывал противоположное, призывая в союзники Сталина, который в начале 1927 г. якобы заявил, «что, по мнению Политбюро, укрепление Германии ведет к повышению заинтересованности Германии в отношениях с нами» (Там же. С. 148). Сокольников, однако, призывал «ни в коей мере не обольщаться относительно немецкой политики» (Там же. С. 129), а Бухарин, подводя итоги дискуссии на пленуме ЦК и ЦКК, констатировал «разногласия» «между Политбюро и Чичериным» в оценках международной ситуации (Там же. С. 150).

²⁴⁶ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 4. П. 21. Д. 63. Л. 241.

²⁴⁷ «Дружба с СССР продолжает оставаться осью турецкой внешней политики, – заявлял в конце 20-х гг. премьер-министр Исмет-паша. – Ни с одной страной сближение Турции невозможно, если оно влечет за собой охлаждение СССР» (Запись беседы Я.З. Сурица с Исмет-пашой, 21.3.1928//ДВП СССР. Т. XI. С. 188). Руководство советской военной разведки не боялось докладывать: «на ближайший период времени военные конфликты между СССР и Турцией исключены; вполне возможно даже

вать потенциальную угрозу на южном европейском фланге и спокойно взирать на раздираемую клановой борьбой, слабую в военном и экономическом отношении Румынию²⁴⁸. Скверное управление бедной Бессарабией превращало ее в уязвимую, податливую для воздействия Советов область. В октябре 1924 г. (вслед за провалом венских переговоров и накануне принятия решений о свертывании «боевой и повстанческой работы» в Бессарабии) Москва и Харьков создали Молдавскую автономию с центром в Балте (Тирасполе), расположенной на пограничной «линии реки Днестр»²⁴⁹. Соседство с Румынией беспокоило советское руководство постольку, поскольку оставались в силе и развивались ее военно-политические контакты с союзницами (Польшей и Чехословакией) и великими державами (Великобританией и Францией), и потому предложения чехословацкого или польского посредничества для урегулирования взаимоотношений Москвы и Бухареста представлялись ему контрпродуктивными²⁵⁰.

К концу первого десятилетия отношений Советов с окружающим миром вполне определился отказ России от Черноморской и Балканской ориентации предвоенного и военного времени, о лучшем хранителе Проливов, чем кемалистская Турция, думать пока не приходилось. Бывшие российские союзники и клиенты находились на периферии забот Кремля, и пророчества полпреда в Праге о том, что Чехословакия «раньше или позже станет нашим форпостом в Центральной Европе и на Балканах»²⁵¹ на протяжении 20-х гг. были лишены актуального смысла. Напротив, «балканизация» Северо-Восточной Европы после мировой войны, утрата стратегически важных рубежей на Балтике превратили этот регион в средоточие жизненно важных интересов Советской России. Если влияние в нем Польши могло быть уравновешено совместным сотрудничеством СССР с Германией (в частности, по поддержке Литвы), то предотвратить британское проникновение в Восточную Балтику Советский Союз был совершенно не в состоянии и потому находился в зависимости от доброй воли Лондона, которому приписывалось авторство плана, «направленного к тому, чтобы у нас на границе создать кольцо в целях окружения Советского Союза»²⁵². Между тем, вовлеченность СССР в гражданскую войну в Китае и попытки проведения активной политики на Среднем Востоке делали конфронтацию с Великобританией неизбежной. Давно назревавший разрыв советско-английских дипломатических отношений в мае 1927 г. дал сигнал неподдельной военной тревоге²⁵³. В этих

благожелательное отношение Турции к нам в случае военного нападения на СССР со стороны Англии и ее союзников» (Доклад Начальника IV Управления Штаба РККА о военной подготовке иностранных государств против СССР, [октябрь 1928 г.]. – РГВА. Ф. 7. Оп. 10. Д. 562. Л. 5). На заседании ИККИ Н.И. Бухарин допускал, что «в случае объявления нам войны» Турция «пойдет против империалистов в союзе с нами», а британский посол в Анкаре был «почти уверен», что ее министр иностранных дел сам является «членом 3-го Интернационала» (Объединенный Пленум ЦК и ЦК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. С.171. – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317; G. Clerk to L. Oliphant, letter, Angora, 15.5.1932. – PRO. FO/371/16322/N3443).

²⁴⁸ Анализируя различные аспекты внутреннего положения в Румынии, польский посланник в Бухаресте приходил к заключению: «Как союзница на случай опаснейшего кризиса она скорее явится бременем, нежели сумеет оказать эффективную помощь. Восемь лет назад, когда мы заключали союз, мыслилось, что оба государства представляет более или менее равную силу. Ныне оказалось, что их развитие пошло в противоположную сторону. За эти годы Румыния не нашла в себе достаточно внутренней силы, чтобы использовать гигантский успех, который ей обеспечили результаты великой войны. Сегодня она даже в минимальной степени не представляет того международного фактора, каким ей следовало быть в этой части Европы благодаря своему географическому положению и естественным богатствам» (Raport J. Szembeka do A. Zaleskiego, Bukareszt, 5.4.1928. – AAN. Sztab Główny. T.616/99. S. 65). Такого же мнения придерживался Ю. Пилсудский (Kazimierz Świtalski. Dziariusz 1919–1935. Warszawa, 1992. S.389).

²⁴⁹ По официальным данным, в 1929 г. «титульная нация» составляла 30 % ее полумиллионного населения (Молдавская АССР//Малая советская энциклопедия. Т.5. М.,1930. С.310).

²⁵⁰ См. решения «О Румынии» от 28.3.1929 и «О Румынии и Турции» от 15.1.1931.

²⁵¹ Письмо К.К. Юренева М.М. Литвинову, 3.1.1924. – РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 8. Л. 170.

²⁵² Из доклада председателя ЦИК Советов БССР на IV пленуме Минского городского совета, 7.5.1927//ДиМП. Т.V. М., 1967. С.127. Наряду с соглашениями, действительно заключенными западными сопредельными странами, военная разведка числила (с оговоркой – «имеются сведения») «секретные соглашения военного характера Румынии, Латвии и Эстонии с Англией» и «секретное соглашение между Польшей и Англией» (Доклад Начальника Разведывательного Управления Штаба РККА о военной подготовке иностранных государств против СССР, [октябрь 1928 г.]. Л. 4).

²⁵³ Н.С. Симонов. «Крепить оборону Страны Советов» («Военная тревога» 1927 года и ее последствия)//Отечественная

условиях позицию стран-лимитрофов относительно условий заключения пактов ненападения с СССР Москва рассматривала как попытку поставить их «в зависимость от Финляндии и Эстонии, в которых доминирует английское влияние» и как подтверждение своих опасений, что Польша «хочет в отношении СССР быть грозным, боевым авангардом Европы (и прежде всего Англии)»²⁵⁴.

Провал усилий прорвать политико-дипломатическое окружение на западной границе и добиться заключения договоров о ненападении и нейтралитете с сопредельными государствами Северо-Восточной Европы в сочетании с разрывом дипломатических отношений с Англией, завершением советско-французской конференции о долгах (1926–1927 гг.), высылкой из Франции полпреда СССР, наконец, стратегическим поражением Советов в Китае (понимавшимся как «авангардный бой между Москвой и Лондоном»²⁵⁵) – подводил к пониманию необходимости изменений внешнеполитического курса («мы должны маневрировать») и даже к выдвиганию альтернативного подхода. Предложения, исходившие от заместителя наркома иностранных дел М.М. Литвинова и встречавшие понимание «кое-где в сферах более высоких», включали признание дореволюционных долгов, частичный отказ от монополии внешней торговли, уход из Китая – и «правый маневр о внутренней политике»²⁵⁶. Являясь сторонником сохранения возможно более тесных отношений с Германией, Литвинов исходил из того, что, в отличие от нее, «Англия представляет собой страну империалистически пресыщенную. Последняя война по своим результатам не могла не разочаровать господствующих классов Англии и отбить у них на долгое время охоту к повторению авантюры. Пацифистские настроения там настолько сильны, чтобы в зачатке парализовать новые военные походы»²⁵⁷. Это создавало возможность преодоления острого соперничества и конфронтации с Великобританией ценой уступок в областях, по мнению Литвинова, не являвшихся жизненно важными для советского государства. Для высшего руководства эти предложения, затрагивавшие не только внешнюю, но и внутреннюю политику СССР, оказались неприемлемы. В начале 1928 г. это отчетливо показало «Шахтинское дело» и сделанные в связи с ним заявления Генерального секретаря ЦК ВКП(б)²⁵⁸.

Другое направление масштабного внешнеполитического маневра представляла идея антибританского «континентального блока», позаимствованная Чичериным у С.Ю. Витте. Нарком был убежден, что, поскольку франко-германское сближение становится неизбежным, его следует интегрировать в более широкую схему, составной частью (если не основой) кото-

история. 1996. № 3. С. 155–161.

²⁵⁴ Рапорт С. Патека А. Залескому, 20.9.1927//ДиМП. Т.5. С.203.

²⁵⁵ Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет. Вып. 1. С. 130.

²⁵⁶ Эти положения были изложены Зиновьевым без указания авторства и с намеком на симпатии к ним Чичерина, который заявил: «Тов. Зиновьев читал отрывки из программы, тов. Литвинова. Я с программой Литвинова ничего общего не имею. Тов. Литвинов мой антипод», и «я все время из-за границы посылал протесты». (Судя по уничтожающей критике Литвинова в беседе со Штреземаном в июне 1927 г., Чичерин не кривил душой (Memorandum by A. Chamberlain, 14.6.1927. – PRO.FO/688/21/N2923). Тут же, однако, к неудовольствию Сталина, нарком призывал: «Надо им [капиталистическим кругам – *Авт.*] говорить: кушайте, приходите и кушайте». Сокольников открыто солидаризировался с Литвиновым, заявив, что «маневр, состоящий в попытке откупиться от войны» о котором говорил Зиновьев, – «безусловно правильный политический маневр» (Объединенный Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 29.7–9.8.1927. Стенографический отчет. Вып. 1. С.49, 147, 149, 128). Недостаток материалов и задачи этого очерка не позволяют полнее обосновать предположение, что исходным толчком к формированию «правого уклона» в руководстве ВКП(б) явился внешнеполитический кризис весны – лета 1927 г. (а не трудности хлебозаготовительной кампании 1927–1928 гг., которые, впрочем, во многом были вызваны социально-психологическими последствиями этого кризиса).

²⁵⁷ Записка М.М. Литвинова в Политбюро ЦК РКП(б) (копии членам Коллегии НКВД), 18.10.1922. – РГАСПИ. Ф. 359. Оп. 1. Д. 3. Л.255. О неверии Литвинова в возможность вооруженного выступления Англии (и Польши) против СССР в 1927 г. см.: Raport K. Olszowskiego do A. Zaleskiego, 4.7.1927. – AAN. Ambasada RP w Berlinie. T.264. S.32–33; Louis Fisher. Russia's road from peace to war. N.Y., 1969. P. 171–172.

²⁵⁸ Ср. выступления Сталина на пленумах ЦК ВКП(б) 1 августа 1927 г. и 10 апреля 1928 г. (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 317. С. 124; Там же. Д. 354. С.44).

рого явилось бы Рапалло. Создание «континентального блока» СССР, Германии, Франции (позднее, Италии) он рассматривал как «самую надежную гарантию сохранения мира»²⁵⁹.

Реализовать эти потенции – укрепить международные позиции и безопасность СССР путем диверсификации партнерства на уровне великих европейских держав было, хотя и в силу иных причин, не легче, чем наладить диалог с соседями. В 1928 г. советская внешняя политика переживала плохие времена, в ней вызревал пересмотр принципов отношений со странами «ближнего Запада». Толчком к ее вступлению в новый этап, продолжавшийся до конца 1932 г., явились международные переговоры о пакте Бриана-Келлога об отказе от войны как орудии национальной политики. Незадолго до его подписания в Париже 27 августа 1928 г. (в том числе представителями Польши и Чехословакии) советское Политбюро отступило от привычной позиции бескомпромиссного осуждения соглашений буржуазных стран. Повторяя, что «острие всей этой дипломатической акции... направлено против Союза ССР», Москва заявила о желании получить приглашение присоединиться к Парижскому договору и 6 сентября дала официальное согласие подписать его. Присоединение к инициированному госсекретарем США пакту позволяло Советскому Союзу вступить на мировую дипломатическую арену, пусть и через боковой вход, – принять участие в первом в его истории многостороннем политическом соглашении, не поступаясь при своей позиции в отношении Лиги Наций.

Другим важным мотивом советской акции, наряду с интересом к «американскому золоту», явился поиск сближения с Соединенными Штатами как противовесом британскому мировому влиянию²⁶⁰. О международной комбинации, подобной пакту Келлога, Москва задумывалась уже вскоре после подписания Женевского протокола 1924 г., Политбюро выразило даже заинтересованность в допущении СССР к работам Лиги Наций «в качестве наблюдателя на равных основаниях с Америкой»²⁶¹. Наконец, подключение к пакту об отказе от войны лежало в русле советского международно-пропагандистского наступления, начатого в конце 1927 г. прибытием в Женеву делегации СССР с проектом всеобщего и полного разоружения.

В конце 1927 г. и на всем протяжении 1928 г. пацифистские акции СССР имели практическую параллель в его усилиях добиться смягчения напряженности вблизи своих северо-западных границ. Антипольский курс правительства Вольдемараса, пытавшегося преодолеть внутренний кризис и спровоцировать СССР на предоставление Литве военно-политических гарантий, в конце 1927 г. подвел польско-литовские отношения к грани военного конфликта, а затем к их балансированию невдалеке от этой черты²⁶². Преподаявая Каунасу советы умеренности, Москва тревожилась «демонстративным переходом Германии на сторону держав Лиги Наций в деле обуздания Литвы»²⁶³. Ни «мирное» подчинение Литвы, ни, тем более, ее военный разгром (и доминирование Польши в регионе в результате осуществления любого

²⁵⁹ См.: В.А. Емец. Механизм принятия внешнеполитических решений//А.В.Игнатъев и др. (ред.). История внешней политики России конца XIX – начала XX века (от русско-французского союза до Октябрьской революции). М., 1997. С. 52–53; Harvey L. Dyck. Weimar and Soviet Russia. 1926–1933: A study in diplomatic instability. N.Y., 1966. P. 16, 64–65). Примеривание Москвы к такой гипотетической возможности началось в 1924 г. и продолжалось вплоть до осени 1931 г. Позднее, эта тенденция присутствовала и в проекте Восточного Локарно (1934–1935 гг.), включавшего трехстороннее гарантийное соглашение между СССР, Германией и Францией.

²⁶⁰ Во второй половине 20-х англо-американский антагонизм и перспективы войны между США и Великобританией были одной из актуальных тем московских дискуссий (см., в частности: Л. Д. Троцкий. Письмо единомышленникам, [Алма-Ата], 27.2.1928//Он же. Дневники и письма. Нью-Йорк, 1990. С.24). VII конгресс Коминтерна подтвердил: «Основным в лагере империалистов является англо-американское противоречие» (Резолюция «О задачах Коммунистического Интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны», 20.8.1935//VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М, 1975. С.383).

²⁶¹ Протокол № 40 (особый № 27) заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11.12.1924, п. 35 «О Лиге Наций». – РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 2. Л. 48.

²⁶² Piotr Lossowski. Das Wilna Problem in der polnischen Aussenpolitik 1918–1939//Nordost-Archiv. Neue Folge. 1993. II. H.2. S. 289–292 и др.

²⁶³ Письмо Г.В. Чичерина Н.Н. Крестинскому, 27.6.1928//ДВП СССР. Т.ХI. С. 436.

из этих вариантов) не могли не вступить в противоречие с «жизненными интересами» Советов²⁶⁴. Выход из затянувшегося конфликта советская дипломатия, которую с августа 1928 г. фактически возглавил М.М. Литвинов, увидела в развитии идеи А. Вольдемараса о специальном региональном соглашении о неприменении силы, которому был придана форма советско-польско-литовского протокола «о быстрейшей ратификации пакта Келлога и о признании его вступившим в силу» между участниками этого дополнительного соглашения. Отказ литовского правительства от советского предложения и умелое маневрирование польской дипломатии в начале 1929 г. поставили Москву перед выбором: либо согласиться с принципом «круглого стола» всех европейских соседей СССР и подписать акт о досрочном введении в действие Парижского договора с Польшей, Эстонией, Латвией и Румынией, либо признать неудачу своей инициативы и отказаться от участия в модифицированном протоколе. Не оставляя попыток настоять на своем вплоть до момента подписания протокола (в частности, путем воздействия на Латвию, где советское влияние соперничало с польским²⁶⁵), советская дипломатия и политическое руководство сделали выбор в пользу первого варианта.

Исход шестинедельных переговоров и подписание 9 февраля Московского протокола были исполнены парадоксальности. Задуманная как способ обойти польско-балтийское условие «круглого стола» при переговорах о гарантиях ненападения, советская инициатива увенчалась торжественным собранием в здании Наркоминдела его потенциальных участников. Неучастие Финляндии с лихвой «компенсировалось» подключением Румынии, а главное лицо затеянного СССР примирительного акта – Литва – блистала отсутствием.

Непредвиденный исход начатых Москвой переговоров являл собой пример «исторической необходимости» – необходимости компромисса между интересами безопасности СССР и его западных соседей, – которая прокладывала себе путь без оглядки на расчеты Наркоминдела и Политбюро. Укоренению в советской политике новых подходов, вытекавших из согласия СССР на многосторонний региональный акт, препятствовали неутешительные для нее ближайшие последствия Московского протокола (называвшегося порой «Варшавским»): влияние Польши в регионе (особенно в Латвии) резко возросло, отношения СССР с Литвой вступили в состояние кризиса, с его молчаливого согласия состоялась «моральная демонстрация солидарности» западных соседей – всего этого советскому руководству прежде удавалось избегать, хотя и ценой отказа от разрядки напряженности²⁶⁶. Возможность приступить к нормализации отношений с Румынией, возникшая после прихода к власти национал-царанистского кабинета Ю. Маниу (ноябрь 1928 г.), визита в Москву румынского представителя и совместного подписания акта о неприменении силы, по решению Политбюро была вскоре сведена к минимуму²⁶⁷. В апреле 1929 г. советское руководство вступило на путь искусственного обострения отношений с Польшей²⁶⁸. В правящих кругах широко распространились настроения в пользу недопу-

²⁶⁴ Запись беседы М.М. Литвинова с А. Залеским, 5.12.1927//ДиМП. Т.V. С. 240.

²⁶⁵ См.: Notatka J. Smigichta do T. Holówki, 20.5.1928. – AAN. MSZ. T.5207. S. 2–4.

²⁶⁶ См.: W. Erskine to A. Chamberlain, desp, Warsaw, 18.2.1929. – PRO/FO/371/14019/N1087; Доклад И.Л. Лоренца Б.С. Стомонякову, 16.2.1929. – АВП РФ. Ф. 0150. Оп. 22. П. 46. Д. 4. Л. 30; Письмо В.А. Антонова-Овсенко Б.С. Стомонякову, 11.5.1929. – Там же. Ф. 09. Оп. 4. П. 37. Д. 28. Л. 105; Письмо Б.С. Стомонякова Д.В. Богомолу, 23.2.1929. – Ф. 0122. Оп. 13. П. 144. Д. 2. Л. 34. «С польским протоколом получилось большое несчастье: мы своими руками создали и мы признали польско-балтийский единый фронт, польскую гегемонию в Прибалтике, а Литву мы оттолкнули», – резюмировал ситуацию Г.В. Чичерин (Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину, Груневальд, 22.3.1929. Л. 5). См. также: Wojciech Materski. Tarcza Europy. Warszawa, 1994. S.225.

²⁶⁷ См. решение «О Румынии» от 28.3.1929. В июле 1929 г. правительство Маниу зондировало возможность координации с Лондоном своих шагов мер по установлению дипломатических отношений с СССР, поясняя, что его колебания вызваны «не столько Бессарабией, сколько страхом перед интенсивной русской пропагандой внутри Румынии» (R. Greg to O. Sargent, desp., Bucharest, 3.7.1929. – PRO. FO/371/14030/N3173). К концу 1929 г. стало очевидным, что в Москве возобладали настроения, не благоприятствующие возобновлению советско-румынских переговоров (M. Palairt to A. Henderson, Bucharest, 11.y 930. Roumania. Annual Report, 1929. – Ibid. FO/371/14435/C1279 (par.105).

²⁶⁸ См. решение «О т. Апанасевиче» от 11.4.1929.

стимости уступок капиталистическим странам, подобных сделанным при подготовке Литвиновского протокола²⁶⁹. Раскол, происшедший в Политбюро в конце января – начале февраля и выплеснувшийся на пленуме ЦК ВКП(б) в апреле 1929 г. в открытую атаку на «правых» (к которым был близок Литвинов), стимулировали возвращение сталинского руководства к конфронтационной линии в отношении стран региона. Этому также способствовала эйфория по поводу предрешенного поражением консерваторов восстановления дипломатических отношений с Англией²⁷⁰. «Рыкова с Бухариным и Литвинова» руководитель Политбюро изобличал в том, что «эти люди не видят ни роста силы и могущества СССР, ни тех изменений в международных отношениях, которые произошли (и будут происходить) в последнее время»²⁷¹. «Держитесь покрепче в отношении Китая и Англии – поручал он соратникам. – Проверьте во всем Литвинова, который, видимо, не симпатизирует нашей политике»²⁷².

Ирония истории СССР не замедлила себя ждать. «Наступление социализма по всему фронту» уже в начале 1930 г. обернулось глубоким социально-политическим и хозяйственным кризисом, диктовавшим необходимость любой ценой продлить «мирную передышку» и получить от соседей гарантии невмешательства и ненападения. В международном контексте того требовал многомерный кризис Рапалло, в первые месяцы 1930 г. принявший открытую и тяжелую форму. Примат внутривосточных соображений и их осложненность германской проблемой вели к сосредоточению новых дипломатических усилий главным образом на Польше. В середине марта, озабоченное тем, «что польское правительство может пойти на вмешательство»²⁷³, Политбюро вплотную подошло к решению предложить Польше возобновить переговоры о пакте ненападения, известие об этом Наркоминдел лансировал в британскую печать²⁷⁴. В конечном счете советское руководство решило ограничиться половинчатыми публичными заявлениями о желании добрососедских отношений с Польшей: выступление с инициативой новых переговоров было равносильно отказу от выработанной в 1927 г. позиции и чревато повторением опыта Московского протокола. «Военная тревога» 1930 г., далеко вышедшая за рамки привычной для соседей СССР «сезонной войны нервов», в феврале-мае 1930 г. затронула весь пояс Восточной Европы²⁷⁵.

К лету 1930 г. острота внутривосточного кризиса в СССР ослабла, тогда как в Румынии, Финляндии и Польше он стал приобретать жесткие формы. В Румынии он разрешился вступлением на престол Кароля II в июне 1930 г. и последующей перестройкой государственного управления. Правящие круги Польши и Финляндии были озабочены осенними парламентскими выборами, режим Пилсудского «пацифицировал» Восточную Галицию. В то время,

²⁶⁹ Финская миссия в СССР обращала внимание на разноречивость в оценках протокола 9 февраля, на недельную задержку ноты НКВД, в победном тоне извещавшей о его подписании, и на обтекаемость суждений на этот счет на Московской губернской партконференции (УМ. Fb7. P. Artin rapporti. 27.2.1929. S.1–3). Вероятно, аргументация критиков Московского протокола была близка утверждению Чичерина: «Наше первое предложение Польше было вполне удачно как пацифистская демонстрация и противовес рассказам врагов о наших военных замыслах; когда Польша выдвинула разные резоны для отказа, наше положение было блестящим, и на этом надо было остановиться...» (Письмо Г.В. Чичерина И.В. Сталину, Груневальд, 22.3.1929).

²⁷⁰ Накануне парламентских выборов Сталин предсказывал, что «поражение консерваторов имело бы для Европы вообще, для нас особенно, громадное значение» (Письмо И.В. Сталина Г.В. Чичерину, 31.5.1929. – РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 2. Д. 48. Л. 8).

²⁷¹ Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, Сочи, 7.10.1929//Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. 1925–1936. М., 1995. С. 167.

²⁷² Письмо И.В. Сталина К.Е. Ворошилову, [Сочи, не позднее 3.9.1929]. – РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 88.

²⁷³ См. решение «Об Украине и Белоруссии» от 11.3.1930 (раздел 3).

²⁷⁴ Письмо Б.С. Стомонякова В.А. Антонову-Овсенко, 17.03.1930. – АВП РФ. Ф. 0122. Оп. 14. П. 149. Д. 2. Л. 27; [Louis Fischer] Soviet fear of Poland: Desire for a Treaty of Security//Daily Herald. 18.3.1930; Польша и СССР. Известия. 18.3.1930; E. Ovey to A. Henderson, desp., Moscow, 28.3.1930//DBFP. 2nd ser. Vol.VII. L., 1958. P. 122; Raport J. Kowalewskiego do T. Pelczynskiego, Moskwa, 10.3.1930. – AAN. Attache wojskowi w Moskwie. T.92. S.73–74. Одновременно в НКВД разрабатывались предложения по уступкам Польше (в области – транзита и др.). См. также: Jonathan Haslam. Soviet foreign policy 1930–1933: The impact of depression. L., 1983. P. 24–29, 130–131.

²⁷⁵ См., в частности: Телеграмма М.М. Литвинова А.Я. Аросеву, 28.2.1930//ДВП СССР. Т. XIII. С. 118; H.M. Knatchbull-Hugesen to A. Henderson, desp., Riga, 29.5.1930. – PRO. PO 371/14828/N3799.

как импульс к активизации советской политики в отношении западных соседних государств угасал, реконструкции и увеличению Красной Армии был придан новый толчок. Решения РВС СССР, 13 июня 1930 г. утвердившего план строительства РККА на ближайшие годы, были перечеркнуты Сталиным, потребовавшим резкого увеличения советских вооруженных сил мирного и военного времени. «Поляки наверняка создают (если уже не создали) блок балтийских (Эстония, Латвия, Финляндия) государств, имея в виду войну с СССР, – мотивировал Сталин новую директиву. – Я думаю, что пока они не создадут блок, они воевать: СССР не станут, – стало быть, как только обеспечат блок. – начнут воевать»²⁷⁶. Неудивительно, что большинство решений Политбюро осени 1930 г. были посвящены задачам «восстановления прежних дружественных отношений» с Литвой и отпора охваченной антикоммунистической кампанией Финляндии. К Москве, как показал «процесс Промпартии» и прозвучавшее на нем обвинение Франции в подготовке антисоветской интервенции, вернулась самонадеянность, пусть и смешанная со страхом перед «военным кулаком мирового империализма» – Польшей («ведомой и управляемой французским капиталом и его генеральным штабом») и «остальными нашими западными соседями», включая «тыловую базу интервенции» – Чехословакию (которые «постоянно консолидируются против нас» «в согласии» с Польшей)²⁷⁷. Эти опасения, однако, не помешали спровоцировать обострение отношений с Францией в октябре-ноябре 1930 г. и введение ею экономических санкций против СССР. На свой лад истолковывая противоречивую московскую конъюнктуру, в ноябре-декабре 1930 г. полпред СССР в Варшаве в доверительных беседах с руководителями польской дипломатии о двустороннем сближении вышел за рамки инструкций НКВД. В ответ «г-н Маршал, в принципе решил принять предложения [Антонова-]Овсеенко как в деле актуализации по существу никогда не прекращенных переговоров в деле заключения какого-либо политического договора, так и вступления в переговоры о торговом договоре»²⁷⁸. Польская дипломатия приступила к консультациям с балтийскими государствами и союзной Румынией относительно нового тура переговоров с Советами. Дело получило огласку, за ней немедленно последовало категорическое опровержение Москвой возможности проявления ею подобной инициативы²⁷⁹. Попытки достичь соглашения между СССР и Польшей по экономическим вопросам продолжились²⁸⁰, однако политические отношения были заморожены. Период осени 1930 – весны 1931 г. стал эпилогом десятилетних усилий обеспечить советские внешнеполитические интересы на основе сближения с ревизионистскими государствами²⁸¹.

Расшатывание основ версальского миропорядка побудило его главного гаранта – Францию – искать способов нормализации отношений с СССР. Начатые в апреле 1931 г. советско-французские переговоры о политическом и коммерческом соглашениях привели к согласованию текста двустороннего пакта о ненападении и неучастии во враждебных комбинациях. Переговоры велись под аккомпанемент советских деклараций о «мирном сосуществовании

²⁷⁶ Письмо И.В. Сталина В.М. Молотову, Сочи, 1.9.1930//Письма И.В. Сталина В.М. Молотову. С.209. Рассмотрев в конце 1930 г. «вопрос о нашем отношении к организуемому в Прибалтике так наз. Малому Балтийскому Союзу (Литва, Латвия и Эстония)», Коллегия НКВД констатировала, что, «пока Балтийский Союз осуществился в виде заключенного уже литовско-латвийского торгового договора и торгового договора между Литвой и Эстонией, переговоры о котором идут в ускоренном темпе». Было решено «разъяснить литовцам, опасность для них, таящаяся в малом Балтийском союзе», «на худой конец примириться с дальнейшим развитием литовско-латвийской дружбы», «удерживать» Ригу и Каунас от сближения с Таллинном. (Письмо Н.Н. Крестинского Л.М. Хинчуку, 30.12.1930. – АВП РФ. Ф. 010. Оп. 1. П. 72. Д. 38. Л. 218–219.)

²⁷⁷ Стенограмма доклада К.Е. Ворошилова на собрании начальствующего состава Московского гарнизона, 3.11.1930. – РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 111. Л. 8–9.

²⁷⁸ Pismo A. Zaleskiego do St. Patka, 23.12.1930. – AAN. Ambasada RP w Moskwie. T.59. S. 58.

²⁷⁹ См.: Справка Отдела печати НКВД «Об официальных разъяснениях по вопросам франко-советских и советско-польских отношений», [не ранее 28.8.1931]. – АВП РФ. Ф. 08. Оп. 14. П. 130. Д. 138. Л. 33.

²⁸⁰ См. решение «О Турции и Румынии» от 15.1.1931.

²⁸¹ Harvey L. Dyck. Op.cit. P.211.

стран, независимо от их социально-политического и экономического строя»²⁸², 10 августа 1931 г. в Париже был тайно парафирован договор о ненападении между СССР и Францией. Советское руководство видело себя на пороге грандиозного политического успеха: не сумев вбить клин между Польшей и ее восточноевропейскими партнерами, оно, казалось, смогло оторвать от Малой Антанты и Польши покровительствовавшую им великую державу. Расчет оказался иллюзорен: как доказала польская инициатива 23 августа, путь в Париж проходил если не через Бухарест и Прагу, то через Варшаву, Хельсинки, Ригу и Таллинн. Демарш польского посланника, заявившего, что правительство Польши считает продолжающимися переговоры с СССР о пакте ненападения, встретил резкое и единодушное неприятие руководства НКВД, с которым были склонны согласиться и находившиеся в Москве члены Политбюро. Вступление в переговоры с Польшей представлялось им авантюрой, способной разрушить традиционное взаимопонимание СССР с Германией, в июне 1931 г. подтвержденное протоколом о продлении срока действия Берлинского договора 1926 г. «Когда мы найдем это выгодным для себя, мы пойдем и на пакт с Польшей, вопреки Рапалло», писал Литвинов в Политбюро, но это время еще не пришло²⁸³

²⁸² См., в частности, наблюдения британского посла в Москве о «новой тенденции светской внешней политики» (E. Ovey to A. Henderson, desp., Moscow, 30.6.1931//DBFP. 2ad ser. Vol.VII. P.213), с которыми «абсолютно» согласился Литвинов (E. Ovey to A. Henderson, tel.(«very confidential»), Moscow, 27.7.1931//Ibid. P.216).

²⁸³ Записка М.М. Литвинова Л.М. Кагановичу (копии членам Политбюро), 15.9.1931. Л. 253.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.